

СИБИРСКИЕ ОГНИ

**Литературно-художественный
и общественно-политический
ежемесячный журнал**

ВЫХОДИТ С МАРТА 1922 ГОДА

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Правительство Новосибирской области

Редакционная коллегия:

Б. Л. Аюшеев (Улан-Удэ)

А. Б. Байбородин (Иркутск)

Б. Я. Бедюров (Горно-Алтайск)

Т. Г. Четверикова (Омск)

Б. С. Дугаров (Улан-Удэ)

А. В. Кирилин (Барнаул)

Э. И. Русаков (Красноярск)

А. Б. Шалин (Новосибирск)

Г. М. Прашкевич (Новосибирск)

Н. М. Закусина (Новосибирск)

Е. Ф. Мартышев (Новосибирск)

А. Ф. Косенков (Новосибирск)

В. С. Никифоров (Новосибирск)

Виталий Сероклинов (зав. отделом прозы)

Станислав Михайлов (зав. отделом поэзии)

Владимир Титов (ответственный секретарь)

Михаил Косарев (зав. отделом критики)

Марина Акимова (зав. отделом публицистики)

1/2015

Главный редактор: М. Н. ЩУКИН

Содержание

ПРОЗА

Марина НЕКРАСОВА. Василёк, Петушок, Светка. Рассказ.	3
Игорь СОЛОВЬЁВ. Броневик. Повесть.	18
Сергей ПЕТРОВ. Связь. Рассказ.	76
Урмас СООС. Капуста цвета беж. Рассказы.	91

ПОЭЗИЯ

Татьяна СКАРЫНКИНА. Провинциальные забавы. Стихи.	11
Александр ДЕНИСЕНКО. «В день рождения любви мне опять уходит...» Стихи.	70
«МЫ – ПОСЛЕДНИЕ ДЕТИ» Молодые поэты Новосибирска. Стихи.	82

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Игорь КАНЦЕВ. В двух словах.	128
<i>Народные мемуары</i>	
Алексей МАКАРОВ. Родимая глушь.	147

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Татьяна ЧЕРНЯЕВА. Забытый русский писатель. О собрании сочинений Георгия Гребенщикова.	161
Любовь БОЙКО. Пантелеймон Казаринов — энтузиаст сибиреведения.	172

Картинная галерея «Сибирских огней»

Ирина КОСЕНКОВА. Павел Леонтьевич Поротников. Свет и тепло сибирского пейзажа.	189
--	-----

<i>Авторы номера</i>	191
----------------------------	-----

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Редакция оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. При перепечатке материалов ссылка на «Сибирские огни» обязательна.

Журнал зарегистрирован в Мининформпечати РФ. Свидетельство о регистрации № 01302 от 27 ноября 1998 г. Главный редактор, директор-руководитель ГБУ «Редакция журнала «Сибирские огни» М. Н. Щукин.

Марина НЕКРАСОВА

ВАСИЛЁК, ПЕТУШОК, СВЕТКА

Р а с с к а з

— Ах, Джейк! — сказала Брет. —
Как бы нам хорошо было вместе.

Э. Хемингуэй. «Фиеста»

С работы она ездила электричкой и всегда, если сидела слева по ходу, перед Заречной станцией читала на скале их имена и год — 1983. Год окончания школы виднелся отчетливей всего. А больше другого стерлось «Василёк», потому что оно было выше и на него сильнее лило во время дождей. Скала была их скалой — кроме них, никто туда так и не забрался, и других надписей на камнях не было. От скалы поезд отворачивал сразу после Заречной, ни той поляны, ни того поля с рожью из окон было не разглядеть, но видеть их Светка не хотела: надоели ей — и поле, и поляна, и васильки синие. А кому б они не надоели, если видеть их во сне чуть не каждую ночь?

На краю поля рожь росла редко, стебли были кривые и низкие, и на песке — там, где больше всего припекало солнце, — росли синие васильки. Во сне Светка себя не видела. Она только чувствовала, как шла — трудно пробиралась сквозь спелые колосья, как царапало колени и локти, как пекло голову солнце и жужжали пауты. Еще чувствовала Светка ветер: он был слабым, притворным — и не ветер вовсе — ласковым и теплым.

Во сне она выбиралась изо ржи, усталая, садилась на песок, подбрав юбку, и сразу валилась на спину, голова сама откидывалась вбок, и васильки, всегда пара штук, оказывались вровень с глазами. Она рассматривала тонкие лепестки-трезубцы, темные тычинки с белесыми макушками — странно крупными, будто ненастоящими с такого близкого расстояния. Потом она смотрела в небо и видела всегда одно и то же — далеко вверху парящего ястреба. Птица витала так высоко, что непонятно было, откуда и почему при виде птичьего силуэта поднималась в Светке нудная тревога. И едва тревога поднималась — птица пикировала, устрашающе быстро росла, чернея, темнея, крыльями закрывая небо.

— Ты кто? Придушу, сволочь! — хрипело в самое ухо.

Он снова тряс ее, больно вцепившись в плечо, а ее поломанная ключица снова ныла. Светка молчала. Светка давно не отвечала ему: при-

выкла. Она открыла глаза, вернувшись с васильковой поляны в темную комнату, отцепила от себя его руку, отвернулась к стенке. Потом она услышала его вздох, потом кровать скрипнула, потом зашаркали по полу босые ноги, открылась балконная дверь, щелкнула зажигалка: курит. Она тоже вздохнула и закрыла глаза, подумав, что завтра на работу, потом с работы, мимо их скалы, а ночью снова приснится поле с чертовым ястребом.

Так повторялось каждую ночь: «Ты кто? Придушу, сволочь!» Первые годы она пугалась, когда ночами он будил ее, больно хватая плечо: «Ты кто?» Она соскакивала с кровати, несла воды, поила, по голове его гладила: «Вась, ты чего, Васька...» Первые годы Светка думала, что это пройдет. Но это не прошло. Светка думала, что не сможет привыкнуть, но привыкла. Она привыкла и ничего ему не отвечала.

Первые годы она много чего пугалась. Первое — когда номер на нем увидела: «Зачем?»

— Чтобы опознали, если убьют, дурочка.

А Светка подумала, что теперь не убьют, а номер всегда будет.

Или когда однажды вернулась пораньше с работы — электросети ремонтировали, и распустили всех, — а в комнате поет кто-то будто, то ли поет, то ли воет: гулко, низко, неясно. Она вошла тихо, а Васька на коврике, незнакомом, ярком, на коленках стоит, воет — и головой об пол; воет — и об пол. Светка ушла тихонько, испугалась, думала — с ума сошел. Подружку на улице встретила, та растолковала: молится он, мол, не по-нашему.

Или когда пропал на неделю. Потом звонит:

— В Казахстане я, Светка... Ну, не сказал... Пьяный был. Не реви ты, Светка, живой же! Слышь, Светка? Я вот сегодня «Зорьку» пел. В зале большом. Пацаны упросили. Спел. Ты прикинь только, Светка! Народ встал весь. Человек двести было! И хлопают все. Слышь, Светка? Мне хлопают. Люди. Не, не пьяный уже. Не, пить не буду больше. Все, не реви, Надюшку целуй, приеду скоро. Все, деньги кончаются, целую тебя...

То в Казахстан, то в Магадан, то еще куда... И всегда вот так: «Надюшку целуй». Бабка Болотница пятерых детей наворожила перед свадьбой, а бог одну девочку дал: Надюха, Наденька, Надежда. Светка думала: «Может, и пятеро у него. Это у меня — Надюха одна. А у него, может, и пятеро. Всюду ж мькался. Кто их считал, детей-то? А Болотница никому не врала сроду. Все знает бабка».

И зачем она тогда такое подумала? Заснуть не могла, вот и лезло всякое в голову. Подумала, разозлилась. А тут он со своим: «Ты кто? Придушу, сволочь». Вот и ответила. А он, видно, и вправду видел кого-то впотьмах. Набросился на нее, ключицу сломал. Ничего, зажило быстро. Теперь изредка только ноет, если тронет кто за плечо. Зажило, только шрам остался — сарафаны не носить. А так — зажило, прошло все. Плакал он тогда в больнице, все коленки залил: «Не мог я тебя, Светка! Не мог! Это не ты была. Не я был. Ты хорошая. Ты лучше

всех, Светка. А я — гнида. Я за тебя, Светка, всю кожу с себя сдеру, хочешь?»

Чего только раньше не боялась Светка! Козью ножку с ним покурить — тоже боялась долго. Да и не давал: «Тебе-то зачем». Сорвалась потом: «Тебе — забыть, а мне — не надо?» Понял вроде, затянуться дал. А сначала орал:

— Я — снайпер! Я сто пятнадцать языков взял! Понимаешь, дура? Я людей убивал! Убивал! Понимаешь ты это? Не понять тебе. Не убивала ты. Тому жить нельзя, кто убивал столько!

Сколько лет прошло. Был ли тот Афган? Черт бы его! Вертолет? Вылазки? Малярия? Водовозка? Труп того, кто вчера рядом спал, и этот труп донести надо, за спиной таскать — и день, и второй, и третий... А тот мальчонка, что из хижины выскочил — пристрелил он которого, не разглядевши, — был ли? А были ли вправду те пучки васильковые у края ржаного поля? И они там с Васькой? Были? Или приснилось все Светке?.. Нет, ведь помнит она: и поле, и гитара поет, и Васька поет, «Зорьку» свою любимую, и она, Светка, любимая, и солнце кругом, и пауты жужжат, и березами пахнет, и ветер теплый. Ужели приснилось ей все? Может, и она лет двадцать как в голову контужена?

Нечасто Светка про такое думала: думай не думай... Это раньше она обо всем думать любила. Когда одноглазый Ярчук приезжал — думала. Она Надюшку качала, а они все сидели за столом, обнявшись, чушь свою все несли — то ругались, то пели, а потом утихли вдруг, и Васька рассказывать стал.

— Ты васильки-то помнишь, Кутузов? В Чирчике еще?

Кутузовым свои Ярчука звали, одноглазым он с Афгана вернулся.

— Не, ты помнишь, Кутузов?!

Заготовали оба: помнят.

— Главное, сам не пойму, зачем я те нитки в хибаре сгреб! Му-ли-не... со школы помню, вышивать нас учили крестиком.

Опять заготовали оба.

— Смотрю — нитки! А цвета какие — яркие, красивые, сроду таких не видал ни потом, ни раньше! И целая куча этих ниток лежала на курпаче — старой, потертой, нутро из дыр лезет. Драная курпача, а нитки красивые. Сгреб все, в карман впихнул.

— А я? Куклу зачем-то взял, — вставил Ярчук. — А глаза левого не было у куклы. Как увидел, что нет глаза, выкинул. Да поздно, видеть, было: накликал. — И Ярчук-Кутузов щелкнул ладонью по спаянной своей глазнице.

Налили, выпили.

— Не, ну ты помнишь? — Васька за свое. — Я ж тогда про нитки эти забыл. Потом вспомнил: что это в кармане? Достал, иголку у кого-то взял, уселся вечером, трусы до колен спустил, давай вышивать. Синенькие цветочки. — Васька хихикнул. — Два цветочка синих — василька два!

Заготовали оба.

— Красиво вышло! — вставил Васька сквозь смех.

— Утром чего было — помню, — сказал Ярчук.

— Ага, выстроили нас, стоим, жарень, в труселях все, а у меня — цветочки! — Васька на писк перешел от смеха.

Хохоchут в голос, будто сейчас там.

— Не, скажи, прапор наш — молодец мужик!

— Выйди, говорит, на три шага вперед! Смотрите, говорит, какая красота у бойца на трусах!

— Мужики-то все как ржали!

— Да мы чуть не сдохли там со смеху!

Светка тоже заулыбалась, слушая. А Васька с Ярчуком до того смеются — аж в стол головами уткнулись, вся посуда звенит. Надюшка засопела, Светка в кроватку ее понесла. А те за столом орут в голос, друг друга по рукам хлопают:

— А кто сказал: «Не понял: нам тоже василечки вышивать прикажете?»

— Не помню кто...

— Тоже не помню.

— А прапор?

— Отставить ржать, говорит. Можете тюльпанчики изобразить, идиоты!

И снова хохоchут оба, на стол упали.

Светка рядом с Надюшкой прилегла, подушкой ухо придавила, чтобы заснуть скорей, а сама все думала: «Зачем ему цветок этот понадобился? Там? Ему-то, Ваське, зачем?» Раньше Светка о чем только не думала. Когда Ярчука хоронили, кто-то сказал с ней рядом: «Отмучился, бедолага». И про это думала Светка.

Васильки были близко, когда внутри застрекотала тревога. Посмотрела в небо — ястреб.

— Ты кто? Придушу, сволочь!

Светка открыла глаза: утро. Подумала, что успеть надо платье погладить, пока Васька спит. Третий день они с Надюхой хитрили: сегодня последний звонок в школе, и Ваське лучше бы про то не знать. Они потом ему скажут, когда выпускной объявят. Рано сейчас, выждать надо, утаить, так вернее будет.

Светка медленно разглаживала атласную юбку Надюхиного наряда и вспоминала дочкину школу — с первого класса, с бантами больше головы. Драчунья была, учительница жаловалась. Потом стесняться стала: «Мам, они меня пацанкой дразнят». Однажды, маленькая совсем, со школы прибежала переполошенная:

— Нам Валентина Андреевна про василек рассказывала правду!

Васька заржал: «Истинную правду, что ли?» А у Светки сердце так и ухнуло вниз — в живот самый. Надюха уселась на табуретку в кухне, прихватила со стола плюшку и, кусая булку и чавкая, стала рассказывать сказку о цветке-васильке: «Пока не забыла». Слушали. Васька смеялся. Светка улыбалась для виду. Сказку эту она впервые слышала, да так и запомнила — Надюшкиным голосом, сквозь набитый рот.

Жил да был в одном селе парень. Самым красивым был парень, самым умным, самым сильным, со всеми ладил, всем девушкам глянулся, а жениться не спешил. Звали красавца Василием. Девушки с того села ждать устали, гадать, которой из них красавец Василий сердце свое отдаст. А тот избирать не торопился, просто так жил да жизни радовался. И вот однажды ночью удил Василий в пруду рыбу, да вместо рыбы Русалку выловил. Русалка красавицей была, к тому же — подводноголадыки дочь; стала она Василия в подводное свое царство звать, богатства неземные обещать, жизнь бессмертную. А Вася выслушал, но отказ молвил: к земной, мол, жизни простой привык, не могу землю эту оставить с лугами да лесами, дом свой с батюшкой, матушкой, сестрицами милыми, село с дружками любезными. Обозлилась Русалка и заколдовала Василия. «Так не достанься ты никому, — говорит, — синеглазый красавец. Веки вечные синим цветком тебе в поле быть».

Надюха рассказывала, Васька смеялся, а Светка сон свой вспоминала. «И когда ж он мне первый раз приснился? — думала. — Ведь до свадьбы еще? Или после?»

До ночи Светка думала, а ночью глупое спросила:

— Васька, а вдруг — правда это? Заколдовала тебя Русалка злая?

— Еще одна сказочница, — фыркнул Васька. — Надюха — кроха, и ты туда. Сказки всякие, кто им верит? Ты подумай, сколько нас — Васильков. А раньше сколько было? Заколдованные мы все, как же.

— Тогда к врачу бы пошел.

— Нечего там делать. Родили ж Надюху.

— Так то — до Афгана...

Было совсем тепло, во дворе черемуха отцветала, принималась сирень, сосед машину у крыльца мыл, музыку включил — будто праздник. Когда они с Надюшкой вошли домой, Васька в кухне сидел насупленный. Светка сразу поняла: про последний звонок знает. И Надюха догадалась, не маленькая. Засуетились обе с ужином, замелькали по кухне. Очень праздника Светке было жаль. И праздника было жаль, и Ваську жалко.

— Вась, смотри, какая у нас красавица.

— Угу, — буркнул, в окно отвернулся.

— «Зорьку» пела. Понравилось всем. Хорошо было. Ладно, Вась, не дуйся. Ну не сказали тебе. Сам свой характер знаешь.

Дождавшись, когда Надюха выйдет, Светка зашептала:

— Васька, ну боится она — женихов распугаешь.

— На черта они сдались — пугливые? И когда я страшный такой стал?

— Стал, Вась. Вон, Максим ходил. Хороший мальчик. Кто ему на костылях?

— Так он же жлоб, дура! Он ее же и подставит, в первом бою сдаст. Жлоб он, понимаешь? И близко не лезет пусть. Жлобина...

— Ты у нас зато добрый. Все бы раздал. Телек Митяю отнес.

— Митяй не ходит, дома сидит, пусть смотрит.

— Ты тоже дома.

— А он не ходит. Пусть смотрит.

Светка подошла, взяла Ваську за подбородок, повернула лицом к себе:

— Да пусть, пусть. Про другое я. Какая война, Вась? Мир давно. Ты вон там, в окне, войну видел? Мир там, посмотри, Вась!

— У нас всегда война. — Васька вырвался, снова в окно стал смотреть. — Полно мрази.

Светка вздохнула, отошла к плите, зажгла газ, сковородку поставила.

— В менты бы тогда шел, Васька.

— Ага, хороших нашла. В менты... Да и взяли меня туда, с башкой простреленной...

* * *

Светка потянулась сытой довольной кошкой и села на кровати.

— Петушок, — ласково сказала она и потрепала мужика по светлой макушке.

Светка со школы знала: он терпеть не мог, когда его Петушком зовут. Уж лучше Петькой. В школе терпеть не мог, а теперь и вовсе, когда Петром Николаевичем стал. Знала это Светка, но очень уж нравилось ей Петушку досаждать — со школы нравилось. В школе еще понять не могла, думала: «Почему Василёк — не обидно, а Петушок — обидно? Какая меж ними разница?»

— Молодец ты, Петушок, — заговорила Светка, рассматривая его лицо так, будто раньше не видела. — Ведь дурак дураком, а все ладно устроил. Салон свой косметический имеешь, квартира у тебя, машина, жена, дочка, в отпуска выезжаете, еще и любовницей перед товарищами похвалиться можешь — все как у людей.

— Ты полегче, Светлана, в выражениях: дурак дураком! Пользуешься, понимаешь, любовью моей.

— Да ладно тебе — любовью! Людку твою, что ли, не знаю? Флегма мертвячья, мымра постыдная. Сколько на пластику-то отдал? Так таким и пластика без пользы, красота-то нам изнутри дается, в школе тебя учили чему? — Светка брезгливо поджала губы и отвернулась, потянув с кресла свое платье. — В каком сундуке такой клад отрыл? С института ж ты ее привез? Вот я и говорю — дурак. Девчонок у нас своих полно было. А эта?.. Нюня истеричная, только сплетни собирать, тыфу.

Светка плюнула и усмехнулась:

— Всю школу втроем. Скалу нашу помнишь? Василёк, Петушок, Светка... А пугать, Петушок, меня не надо. Я, Петушок, теперь непугливая стала.

— Напугаешь тебя, снайперша.

Петушок посмотрел на Светку с удовольствием. «Красивая у меня баба», — подумал.

— Светка, я вот в Турцию собираюсь. Может, поедешь со мной?

— Чего я там не видала? — Светка прокрутила платье, выворачивая с изнанки. — С Людкой езжай.

Она повертела перед глазами платьем, любуясь им, будто в магазине. Потом руки с платьем на колени опустила, задумалась.

— А ты ведь, Петушок, в школе еще Ваське завидовал: как он песни пел, как байки плел, как с заводскими расправлялся, когда лезли. И умнее он тебя, и сильнее, и красивше. А досталось-то все тебе, Петушок. — Светка схватила платье за два конца, скрутила веревкой и вокруг Петькиной головы петлей приладила. — Тебе-тебе, — наклонилась к нему близко, носом о его нос потерлась, будто с ребенком играет. — Эх! — выдохнула Светка и отпрянула.

Выпрямилась, платьем взмахнула, заговорила. Заговорила она теперь быстро-быстро, сама себе:

— Вчера опять заладил: денег ему дай, в Украину он рванет, без него там никак не обойдется. Как же, специалистов таких — где взять? Негде взять таких специалистов. Сто пятнадцать языков взял. Снайпер. Гниет тут зазря. А у самого во всех местах болит.

— Бросила бы ты его, Светка! Сдался он тебе, псих контуженый. Ты ж нормальная баба, при квартире, при работе, красивая. Поженились бы с тобой, сколько лет вместе. А что? Возьму... да разойдусь с Людкой. У ней все есть, сыта будет, довольна. Надежда ваша большая уже... и наша Юлия выросла. Считай, подруги, будут сестры. А мы с тобой, Светка, поженились бы. В Турцию бы...

— С тобой, Петушок? — Светка рассмеялась, встала и стала натягивать платье. — С тобой? — высунулась из выреза. — А ты ему про это скажи! Ему! Скажешь? — Она повернулась к Петушку быстро и решительно. — Скажешь? Скажешь ты ему про это, Петушок?

Она склонилась над кроватью, вперившись в Петьку горячими серыми глазищами.

— Молчишь, Петушок? Почему ж ты молчишь? А?! — И она с силой стукнула кулаком его в грудь.

Петушок натянул одеяло по самый подбородок, лицо сделал презрительное, брезгливое даже, с ухмылкой.

— Боишься ты его, Петушок, — утвердительно сказала Светка. — И в школе боялся, и теперь боишься. И всегда ты его бояться будешь.

Она выпрямилась, оправила подол на платье, тряхнула рыжей гривой и вдруг рассмеялась, обежала кровать, одеяло с мужика потянула.

— Ты чего, дура?

— Петя-Петушок, хочешь, напугаю? — И Светка покатила от хохота, говоря сквозь смех все громче: — А я сама ему скажу, Петушок! Сегодня! Возьму и скажу! С Петушком у нас, скажу, Василий, шурымуры. Помнишь, скажу, Васька, Петушка, одноклассничка нашего? Вот с ним и милуемся, пока ты своих духов днями и ночами стреляешь! Так и скажу ему сегодня, Петушок! Что? Боишься? Да? Боишься ты его? Наложил, поди, там, под одеялом-то. Фу, воняет! — Светка пальцами одной

руки нос зажала, а другой рукой сильнее одеяло потянула. — А ну, петух щипаный, покажи позор! Дай-ка погляжу! Боишься...

«Завязывать с ней надо, — думал Петька. — Она сама свихнутая. Пришибет еще, дура психованная. Обойдусь. Другую найду. Надоело все».

А Светка вдруг стихла: бросила край одеяла, плюнула — точно в тапок Петушков угодила, снайперша, пошла к трюмо, бусы свои взяла, надела, в зеркало глядя. Посмотрела на себя серьезно, помолчала. Обернулась к Петушку — и будто новое что увидела: глазами вспыхнула, улыбку на лице зажгла и сказала радостно:

— Слушай, Петушок! Ты ж татуировщик у нас! А мне татуировочку сделай, а? Тату. Вот сделаешь мне тату — тогда я про нас не скажу Василию. А? — Светка смотрела на него счастливыми глазами. — Ой, и как это я раньше не придумала?

Она снова, в три шажка, у Петушковаго края кровати очутилась, присела там застенчиво, на самый краешек.

— Вот здесь, Петушок, — заныла просительно, сдвинула вырез на платье, чтобы оголилось место над больной ключицей, выше шрама. — Вот здесь! — показала пальцем.

Петушок посмотрел на нее и заметил, что она плачет. «Точно, свихнутая», — подумал он.

— Петушок, давай вставай! Сейчас прямо сделай! Ну чего тебе стоит, а? Васильки нарисуй на мне, синие васильки. Синие, два цветочка, у них лепестки такие, трезубцами, а середка потемнее, слышишь? — шептала Светка, приближая к нему худое белое плечико и глотая слезы. — Сделай, Петушок, миленький... Чтоб когда убьют — опознали...

Татьяна СКАРЫНКИНА

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ЗАБАВЫ

ДЕТСКИЕ ДАЛИ

Попробовали было
улыбаться сквозь слезы
припоминая как голые руки
по локоть в корзину с зерном для кур
оно прохладное рекой лилось
сквозь пальцы

припоминаю как с охоты принесли
дикую утку средней величины
на фарфоровом блюде (сделано в Китае)
красовалась птушка посреди стола
а за ужином не хватило на всех
после долгого приготовления

пол на кухне был земляной
почти что каменный
от множества ног проходящих за день
в кладовой выстраивались годами
пустые бутылки трех поколений
здесь даже в полдень было темно

во дворе росла только низкая трава
от множества ног проходящих за день
сквозь дыры в заборе припоминаю
протискивалась малина пыльный крыжовник
соседские пчелы перелетали
нашу пыльцу собирать.

ВЕЧНАЯ ПЕСНЯ

Был Андрей у нас вчера
он ходил вокруг стола
кашлял курил: — Я тоже хочу
остроты чувств — говорил

прижимался к холодной печке
сверчали сверчки
гудели жуки
золотые круги чертили светляки

— В нем все достойно восхищенья
в нем высшей истины привет! —
бильярдным шариком падало
теннисным мячиком билось в ответ

и тяжелела голова
от низкого солнца от песка
и я была как неживая
в тяжелый сон погружена.

ПОДГОТОВКА К ЗИМЕ

Девиды перематывают шерсть
цветные нити
много теплой пряжи
в руках привычных к работе любой

клубок растет как снежный ком
лиловый синий голубой
летит в корзину на полу
уж доверху наполнена она

настала ранняя зима
красивая холодная пора
нужна хорошая одежда
для лыжных прогулок
и дальних поездок

для того
чтобы выйдя из дома
долго гулять
встречая знакомых.

ЗАКРЫВАЯ ДЕТСКУЮ КОМНАТУ

О когда покидая
родную квартиру
отправляли учиться
в сельхозинститут
на бухгалтера
было тоскливо

дорожная сумка
с буквой «Динамо»
у порога остановилась
понимая что раз навсегда
закрывается детская комната
мне не хотелось

что взять с собой?
мой дух ослаб и подгибаются колени
что взять? что взять?
хорошее какое-нибудь стихотворенье
необходимо срочно
переписать в блокнот дорожный

«На даче спят
в саду до пят
подветренном
кипят лохмотья»
только оно мне поможет
больше никто и ничто

я перечитывала его раз сто
под грохот колес железных
чуть не ослепла за ночь
мечтала выброситься на полном ходу
потому что все лучшее в жизни
подошло к своему концу.

ШИРМА

Китайцы заслоняются от солнца
перегородкой
изображены
на ней цветы на фоне золотом
тропинка под плющом
рыбачьи сети на просушке
девушки-подружки
спешат на танцы в дальнюю деревню
деревья четырех сезонов

сорока
цапли
монах босой
простые знаки жизни от которой
китайцы прячутся за ширмой раздвижной.

КТО-ТО ДОЛЖЕН РОДИТЬСЯ

Я легкомысленно ребенка ожидая
бегала не ходила
одеваться хотела
в платьях всех оттенков красного
рассветного закатного
где маками где тюльпанами
с утра садилась завтракать
стучала чайной ложечкой
по глиняным фарфоровым
предметам на столе

собирала в толстую книгу цветы
они ни о чем не говорят мне теперь
в мае слышны были все соловьи
через открытую дверь.

МУЖ НЕ ТОРОПИТСЯ

Невымытые окна
стыд какой
пыль на фигурках
из фарфора
зеркала и книгах
от этого мой дом
теряет легкость
подвижность некую
прозрачность и любовь
мы здесь живем
не любим не прощаем
посуду перебили
на счастье
не осталось ничего
лишь вилки да ножи
мерцают тускло
от этого мой муж по вечерам
в дом не торопится
рабочим муравьем
ему милее воздух улиц
зной асфальта
и неба низкая пластина.

ПЛОХИЕ ЕДОКИ КАРТОФЕЛЯ

Похоже на то
как поют до утра
простыми голосами
песню о радости
с которой прощаются
о темной ночи
в которую не спится
и мы здесь тоже не спим
а только мучаем друг друга
термометры полны
горячей ртутью
и расплавленная кровь
не пускает еду в организмы
да так что наш единственный
килограмм картофеля
неделю не находит
себе примененья

мы — плохие едоки картофеля.

ЛУКОВИЦА

Одна золотистая луковица
выпала из корзины
с ней кошка играла
подбивая задними лапами

до тех пор покуда игра не наскучила
кошке
тогда унесли на веранду
луковицу.

КАБЛУК

Во время прогулки под сердцем у города
(отели-англетеры
иностранцы пьют коктейли
немцы-англичане
а у нас ни цента в кармане)
у Ирины скрипел каблук
и она не могла в полной мере
наслаждаться ни Острой Брамой
ни пестрой рекламой

ни свеженькими авто
припаркованными к обочине булыжной мостовой
ни позолотой и красотой
витрин где все что нам не надо
ни охлажденным лимонадом

мы слушали ее каблук
она страдала.

НОЯБРЬСКОЕ СЕРДЦЕ НА ВЕТРУ

Не знаешь
и не нужно знать тебе
о разговоре неприятном
что состоялся у меня перед обедом
с моей семьей
после твоего звонка
их колкости...

неужто я могу
воспринимать их адекватно
и зло шутить в ответ
когда во мне
волнуется и бьется сердце
как знамя
на ноябрьском ветру?

В ЗАГРАНИЧНОМ ОТЕЛЕ

В заграничном отеле
всю неделю
завтракая за столиками отдельными
часть еды относили в номера

китайки стелили нам постели
ни слова не говоря
первый снег как мы того и хотели
выпал первого декабря.

Игорь СОЛОВЬЁВ

БРОНЕВИК

Повесть

Произошла эта история в 90-х годах прошлого столетия, когда демократия завоевывала просторы России, когда охранный бизнес делал свои первые шаги, когда казалось, что свобода — политическая, экономическая и бог весть еще какая — должна неизбежно приносить только плоды, которые можно будет просто срывать с животворного дерева предпринимательства...

Я тогда работал в редакции «Московской бизнес-газеты». Комната наша с трудом вмещала четырех корреспондентов, склонившихся над клавиатурами компьютеров и торопившихся отдать им свои замечательные мысли. Я уже было собрался сокрушить очередной отчет о международной конференции по безопасности, лихо поставив рядом хлесткие высказывания еще в недавнем прошлом отъявленных врагов, сотрудников ЦРУ и КГБ, а ныне президентов крупных охранных холдингов, как зазвонил телефон. Собственно, телефон предназначался для всех нас, но каждый корреспондент почему-то старался, чтобы он стоял на столе соседа. Аппарат ходил по кругу и в конце концов застрял на моем рабочем месте. Видимо, по причине беспринципности и мягкотелости его хозяина. Прозвучало уже три звонка, и я понял, что не успеваю побить рыцарей плаща и кинжала, чтобы на их фоне преподнести наших негибавших ветеранов спецслужб. Я поднял трубку и услышал голос нашего главного редактора Хворова:

— Добрый день. Кто это?

— Это Лопатников, Олег Николаевич! — Я никогда не переставал удивляться манере разговаривать нашего шефа. Он всегда начинал разговор, по телефону или при встрече, так, будто видел человека впервые. На первых порах мне хотелось крикнуть ему при встрече: «Да это же я, вы же меня приняли на работу три дня назад, вы еще сказали, что где-то видели мою крупную голову...»

— А-а, это ты, Фёдор! Слушай, ты не мог бы зайти ко мне прямо сейчас?

— Иду.

Я положил трубку и посмотрел на своих соседей. Оказывается, двоих уже и след простыл, видимо, пошли дымить в курилку. А из-за барьерчика была видна только голова нашего старожила Петра Ринатовича Бардова. Он, положив ноги на стол, плавно раскачивался в кресле. Казалось, его глаза за большими дымчатыми очками были плотно закрыты. Но, как только я встал, голова Бардова сразу повернулась ко мне:

— К шефу?

— Угу.

— Если что, дашь ему пару рецептов.

— Не понял? — Я поставил компьютер в режим ожидания и задвинул стул.

— Ну он же хворый, — Ринатыч улыбнулся и опустил ноги на пол.

— Ага, обязательно. Я его к вам пошлю.

— Конечно, вали все на меня. — Он снова закрыл, как мне показалось, глаза и повернул лицо к окну.

«Наверно, обдумывает, как развести очередного клиента на платный материал», — подумал я, закрывая дверь. Бардов хоть и был самым старым в нашей редакции, но на удивление быстро приспособился к современным течениям и, используя свои колоссальные связи, приносил в каждый номер один, а то и два коммерческих материала. За ним не могли угнаться даже наши менеджеры по рекламе. Они каждый раз с удивлением вопрошали мэтра: «Как вам удается это?» И всякий раз он улыбался свою аккуратную черно-седую бородку-эспаньолку и загадочно говорил, глядя свой наполовину лысый череп: «Головой надо работать, ребятки, головой!»

Я прошел по нашему длинному коридору, вдыхая вечно приятный и туманящий голову редакционный запах, состоящий из ароматов кофе, чая, газетной бумаги и главного ингредиента — запаха, поднимающегося от нижних этажей, где была расположена типография. Именно он ударил мне в голову, когда я, еще ученик девятого класса, прорвался мимо стоящего на проходной милиционера, обалдевший от такой удачи, ввалился в первую попавшуюся комнату и спросил у дядьки с седой головой и огромными, такими же седыми кавалерийскими усами:

— Извините, я хотел бы писать в газету. Как это сделать?

Он посмотрел на меня умными, уставшими и добрыми глазами, потом усадил в кресло перед собой и стал расспрашивать про мою жизнь. А потом отправил на два этажа выше, в молодежную редакцию комсомольского еженедельника. Вот тогда-то я и вдохнул в первый раз этой дурманящей отравы, без которой уже не мог дальше жить. С тех пор прошло некоторое количество лет, которое сказалось определенным образом не только на моем образовании, опыте и мастерстве, но и на количестве волос на голове и их цвете. Впрочем, последний момент скоро станет неактуальным, поскольку растительность совсем исчезнет. Как говорят в

один голос знающие люди — и конечно, дока Бардов, — такое стремительное бегство поросли с поверхности моего рабочего инструмента, головы, напрямую связано со службой в армии за Полярным кругом. И мне ничего не остается, как согласиться с ними. Тем более что этому есть и другие подтверждения, но они куда печальнее, не стоит заострять на них внимание.

Я незаметно проскользнул мимо секретарши Полины и снова чуть не запутался в двойных дверях главного редактора. Я все время размышляю, когда кручусь в этом узком пространстве и перекидываю руки с ручки на ручку: «Зачем такой тамбур делается у порога практически любого уровня начальства? Видимо, оно хранит за этими дверьми свои тайны, полагая, что за одинарной дверью будет слышно их громоподобное рыканье на проштрафившихся подчиненных». Но после бесконечных плутаний в этом пространстве я пришел к выводу, что этот шлюз призван сбивать спесь с не в меру загордившихся работников и напоминать им о собственном положении.

— Проходи, Федя! — Олег Николаевич покровительственно привстал и протянул мне руку. — Как жизнь? — спросил он и провалился в огромное вращающееся кожаное кресло.

— Да ничего, спасибо, — пробормотал я в ответ на дежурную вежливость босса.

— Слушай, есть тут мысль послать тебя в командировку. Как ты на это смотришь? — Он повесил на своем лице самую роскошную улыбку из тех, что я видел за все время работы здесь.

«К чему бы это?» — удивился я.

— В Париж, на очередной «Милипол»? — решил я воспользоваться хорошим настроением главного и подобострастно пошутить, прекрасно зная, кто у нас ездит на зарубежные выставки.

— Кстати, это можно будет организовать, если ты хорошо потрудишься в Петропавловске! — ответил Хворов, пристально глядя на меня. — Там надо будет поработать журналистом на выборах губернатора. А кандидатом в вице-губернаторы идет директор охранного холдинга Бронницкий. Знаешь его?

— Да, что-то слышал. Недавно мы писали о нем. Кажется, он вел какой-то семинар на последнем форуме по безопасности, — ответил я, лихорадочно соображая, кто же надыбал мне такую бластную работенку.

— Поедешь с Рафаэлем. Он будет всем руководить, а ты пописывать и, скорее всего, выпускать боевой предвыборный листок. В общем, поживете в Петропавловске, там отличная природа, рыбалка, а какие озера! Короче, отдохнете и малость заработаете. — При этих словах шеф встал с кресла, подошел к окну, видимо, намереваясь разглядеть в московской хмари чудесную таежную природу. Пока он стоял и предавался воспоминаниям, я уже понял, кто подкинул нам шашку, и сделал самое простое лицо, на котором был только один невинный вопрос: «Сколько?»

— Если все получится с выборами, получишь три оклада. Ну и, естественно, командировочные и полное обеспечение вашей там жизни. —

Он снова воцарился в кресле и, слегка покачиваясь, продолжал смотреть в огромное окно, с улыбкой щурясь на выглянувшее из-за туч майское солнце. Хворов явно наслаждался воспоминаниями и произведенным на меня впечатлением.

Я вышел из кабинета главного редактора в хорошем настроении. Даже двойная дверь мне показалась уже совершенно удобной, а улыбка нашей записной красавицы Полины не выглядела вызывающе намекающей. Кажется, жизнь поворачивалась ко мне светлой стороной. Я шел по нашим коридорам и спрашивал себя: «Почему шеф в первый раз на моей памяти назвал Бардова по прозвищу? Неужели его так хорошо подогрели в Сибири, что он расчувствовался?» Бардова так звали за его эспаньолку, которая, надо заметить, действительно ему шла, и еще — за пристрастие к испанскому певцу Рафаэлю, которого он постоянно слушал и напевал. А еще он пытался серьезно петь на наших вечеринках, попутно ухаживая за немногочисленными редакционными дамами.

Когда я зашел в нашу комнату, Бардов так же сидел в расслабленной позе с ногами на столе в полном одиночестве.

— А где народ? — спросил я.

— Обед! — Он убрал ноги и приподнял темные очки. — Ну, что сказал тебе, мой юный друг, самой больной в мире человек?

— И где же вы, Пётр Ринатович, поймали такого жирного заказчика на наши бессмертные услуги? — Откинуться в кресле у меня не получилось, не позволяла конструкция. Но свое благодушное расположение духа я выразил тем, что вытянул ноги, немного сполз вниз и иронично посмотрел на коллегу. А самое главное, мое отношение к произошедшему выразилось в том, что я невежливо ответил вопросом на вопрос.

— Ну, дорогой мой Феденька, места надо знать рыбные!

— Уж не в вашем ли рыбацком клубе вы его зацепили? — Я вспомнил, что наш проныра Рафаэль состоял членом множества элитарных и полузакрытых сообществ, где, тусуясь и играя одновременно роль энциклопедически образованного человека и шумного балагура, Бардов выживал своих жертв-рекламодателей.

— Вот лет этак через десять уйду я на покой и передам свое наследство вам, дети мои. И тогда вы будете знать, в каких муках выстраивал дедушка российской журналистики Бардов свои отношения с властями предержащими! — произнес он пафосно, однако на лице его сияла простая крестьянская улыбка деревенского мужичка, который только что объегорил высокомерного и глупого барина.

— Да ладно вам! Сколько деньжищ-то огребете после такого гешефта? — продолжал балагурить я.

— Скромнее, скромнее, ребятки! Не все измеряется презренным золотом! — Ринатыч подошел ко мне и проговорил уже тише и серьезнее: — Едем послезавтра, билеты на поезд я уже заказал. Возьми диктофон, пару блокнотов и ручек, ну и все то, что тебе потребуется на месяц жизни. И попрощайся со своими московскими чувихами! — Он опять улыбнулся и подмигнул мне.

— Да бросьте, было бы с кем прощаться. А что делать-то, Пётр Ринатович?

— Писать тексты выступлений, пресс-релизы, помогать в других вопросах.

— Шеф что-то сказал насчет выпуска газеты.

— Пока не знаю, как у заказчика с деньгами будет. В любом случае — будешь писать, а я займусь выпуском. Да, чуть не забыл. Зайди в бухгалтерию, возьми командировочные. Они уже выписаны.

— А почему не самолетом?

— Видишь ли, некоторым индивидуумам полезно для здоровья постепенное погружение в российскую действительность. А то у определенных товарищей, не будем показывать пальцем, может развиться кессонная болезнь зазнайства. Федь, нам ведь работать ехать, а не мост через Енисей открывать. — Последнюю фразу он произнес так просто, как будто отец шлепнул расшалившегося сынка.

В принципе, он был прав. Хотя, на мой взгляд, я такими вещами не страдал. «Пожалуй, надо сходить по такому случаю полноценно пообедать. А то слюна предвкушения новых впечатлений и больших денег сожжет стенки моего желудка», — подумал я.

Три ночи мы с Бардовым ехали на поезде до Петропавловска, выспавшись вволю, съев все припасы и став завсегдатаями поездного ресторана, качество пищи и обслуживания в котором, надо отдать должное, было на уровне если не всех, то некоторых ресторанов Москвы точно. Это в большей степени отметил мой коллега, как отметил он и качество всех спиртных напитков, какие появлялись в самом поезде и на станциях, когда время позволяло производить набег на привокзальные торговые точки. Надо отметить, что Пётр Ринатович каждый раз пытался приобрести местные напитки, которые отражали бы не только колорит наименований, но и оригинальную рецептуру их изготовления. Он все пробовал, потом нахваливал или ругал, даже делал некоторые записи по этому поводу. В этом стремлении к глубокому проникновению в жизнь аборигенов мы с ним были солидарны. Разница была в том, что он искушался зеленым змием, а я бумагой, то бишь местными газетами. С одной стороны, я полагал, что лучший способ узнать туземный быт — читать тутошнюю прессу, а с другой — я с удовлетворением готовился пополнить мою коллекцию новейших российских СМИ, где газет было уже около двухсот экземпляров, а журналов — почти сотня.

Так мы, созерцая пейзажи и дегустируя, каждый по-своему, местный колорит, приближались к цели нашего путешествия. Я было один раз, устав ото сна и чтения, попытался задать Ринатычу профессиональный вопрос по поводу инструментов предвыборной кампании. Он, крякнув от глотка очередного редкого и дорогого бальзама, отреагировал:

— Брось, мы же не звери! Выпей лучше вот этой настойки кедрача! А впрочем, что ты хочешь поведать мне, старому пиарщику и политтехнологу? А ну, что там придумали братья наши старшие, американцы и

европейцы, втюхивая свою демократию недоразвитым странам Африки, Латинской Америки и погрязшей в разврате Передней, а особенно задней Азии? Газетки, листки, значки, бесконечные выступления в массах с умными лицами... Брось, Сергеич! Приедем, разберемся, главное, чтобы бюджет был и стол стоял, как... — При этих словах мой сосед уронил голову на грудь и сладко и громко захрапел, извещая проезжаемую нами прекрасную в своей свежей зелени сибирскую тайгу о том, что он погрузился в мир Морфея.

Наступило утро четвертого дня. Мы, начищенные, напозаженные и благоухающие, вглядывались в пригороды Петропавловска, которые неслись навстречу. Я попытался получить от доки Рафаэля некоторые сведения о политической и экономической географии области, однако опять наткнулся на веселые глаза моего начальника:

— Знаешь, прелестное дитя, для меня самое большое удовольствие в жизни — получать сюрпризы. А самый здоровый в мире человек нам сказал, что от Бронницкого мы просто обязаны их ждать!

Я пропустил мимо ушей пассаж о сюрпризах, не подозревая, насколько быстро это предупреждение обретет свою плоть и кровь, тем более что поезд остановился и мы спустились на грешную землю. И тут... я просто не поверил своим глазам: прямо перед вагоном стоял настоящий, большой, как будто только что из фильма «Ленин в Октябре», броневик. Две его башни хищно нацелились на меня стволами пулеметов, а большое, сверкающее полировкой серебристое основание броневика величаво покоилось на черных, с литыми дисками (надо же!), колесах. Эту нереальную картину дополнял современный регистрационный номер, который был прикручен к броне. По сторонам от бронемашины стояли (я бы не удивился, увидев солдат и матросов с трехлинейками) охранники в парадной форме. Символика была везде: на бейсболках, на рукавах, на груди и на брюках. Добавим к этому несколько блестящих значков на груди и, боже мой, даже медалей! Но все равно невозможно передать эту красочную картину на фоне дружеских объятий и лобзаний Бардова с одним из встречающих. Наконец они расцепились после многочисленных похлопываний, от которых спина заболела даже у меня. Я был представлен любвеобильному аборигену. Бардов высокопарно произнес:

— Познакомься, Виталий Александрович, наше лучшее перо, можно сказать, золотое охранное перо России — Фёдор Сергеевич Лопатников.

Мне была приятна такая рекомендация, хотя и находилась она далеко от истины, ну, скажем, где-то на полпути. Тем не менее я улыбнулся и пожал большую и крепкую пятерню Подгурского, заместителя генерального директора группы предприятий безопасности «Броня».

— А если мы вставим в это перо пару алмазов и изумрудов? — неожиданно бархатным голосом произнес Подгурский, поправляя галстук; точно такой же я несколько дней назад видел на ведущем программы «Время». Баритон этот немного не шел приземистой и даже накачанной фигуре, которую скрывал модный серый, в полоску, двубортный костюм.

Зато глаза, живые и пронизательные, горели, как два черных угля, на розовом, крепком и хорошо выбритом лице.

Набрав полные легкие воздуха и высоко подняв голову, чтобы увидеть величественное старое здание вокзала, нескольких крупных черных ворон на его шпилях, золотой блеск на крестах православного собора, стоявшего неподалеку, я понял, что пора заканчивать паузу, которую взял для того, чтобы прийти в себя. Как можно равнодушнее и спокойнее, как будто речь шла о том, чтобы перейти улицу на зеленый свет по пешеходному переходу, я наконец выдохнул:

— Ну... если это не повлечет за собой изменение моего пола...

Смеялись долго все: двое охранников, которым мы не были представлены, двое разодетых чоповцев в форме и, конечно, Бардов и Подгурский. Последний даже вытащил из кармана брюк душистый носовой платок и долго вытирал им выступившие слезы.

— А молодец, да-а, палец в рот москвичам не клади — по локоть откусят. Ладно, парни, поехали. — С этими словами он открыл дверцу броневика, и мы провалились в его черное бархатное нутро с целым букетом благородных запахов коньяка, кофе, сигар, кожи и оружия.

Мы с Петром Ринатычем уселись чуть выше и сзади водителя и Подгурского. За нами и немного ниже поместились телохранители в синих одинаковых двойках, при галстуках и в черных очках. Будь я в таких же очках, я бы их снял, поскольку очутился, как мне показалось, в планетарии. Стенки броневика были черные, потолок тоже, и там сверкали звездочки. Прямо перед нами и чуть выше виднелись два чуть синеватых окна размером с иллюминатор, в то время как два лобовых окна перед водителем выглядели настоящими.

— Да-а, не хватает только гашеток «максима», — проговорил я.

— Поднимите руки, и немного вперед, — быстро сказал Виталий Саньч, как будто ждал моего восклицания.

Действительно, я ощутил рукой холод металлической ручки пулемета — и как только ее тронул, слегка изменилось изображение на моем окне. Я тронул сильнее, и мои подозрения подтвердились.

— Это камеры?

— Совершенно верно. Башни поворачиваются на триста шестьдесят градусов. — Голос сзади мог принадлежать одному из телохранителей. — Крутите не резко, тогда изображение будет четкое. Кстати, меня зовут Сергей, а моего напарника — Артур. Мы будем вас охранять.

Я обернулся и протянул парням свою ладонь:

— Очень приятно, Фёдор.

Ехали мы не спеша, наслаждаясь видами старого губернского города с его купеческими домами, каждый из которых хотел быть одновременно лучше соседа и незаметным в тени деревьев, только-только распустивших нежные клейкие листочки. Кавалькада из трех авто — впереди бирюзовая «семерка» с символикой фирмы, потом наш броневик, замыкал же колонну совсем недавно появившийся на российских просторах черный лакированный «хаммер» — остановилась возле чугунной решетки изуми-

тельной вязи. Ворота медленно открылись, мы въехали на территорию ухоженного парка и вскоре остановились возле крыльца с такой же красивой чугунной крышей. Возле него стоял железный рыцарь в натуральную величину. Каждый, проходя мимо доспехов, считал своим долгом щелкнуть пальцем по нагрудному панцирю.

— Броня, однако! — улыбнулся Подгурский и открыл перед нами деревянную резную дверь. Двухэтажный особняк, как нам сказали, постройки восемнадцатого века, что подтверждал и золотой текст на мраморной доске: «Дом купца первой гильдии Курманаева отреставрирован на средства фирмы «Броня» в 1995 году».

Пока шли по просторным и прохладным коридорам к кабинету генерального, мне казалось, что вот сейчас мы встретим человека с окладистой бородой, обязательно высокого и с низким голосом. Но действительность оказалась иной. Хозяин кабинета и «Бронни» Алексей Салимгареевич Бронницкий оказался низенького роста толстячком, к тому же лысым. Его небольшие карие глаза быстро, но цепко пробежались по мне, когда нас представили друг другу. Бардову он пожал руку как старому знакомому, с которым расстался только вчера. Когда мы прошли внушительного размера приемную, потом его роскошный кабинет, элементы обстановки которого были в то время даже не в каждом крупном московском банке, и наконец разместились в мягких кожаных креслах в комнате отдыха генерального, он спросил у меня:

— Мы не могли видеться во время последней конференции БПЛ?

— Вполне! Я там был и освещал событие. Как вам конференция?

— Эффектно, но эффективно ли? Вот в чем вопрос! — Бронницкий пригласил всех к столу, накрытому изысканно, но без излишеств. Сразу чувствовался вкус хозяина, который хочет угодить гостям, но не поразить. Это еще успеется.

После того как мы выпили коньяка, название которого я не разобрал, но отдал должное изумительному букету, я спросил Бронницкого об эффективности форума.

— Видите ли, Фёдор... надеюсь, вы позволите мне вас так называть? Все это хорошо, пока ново, красиво, необычно. Потом начнется дело, жесткий бизнес. Ну еще пару-тройку лет такие конференции будут востребованы. А потом господин Борисов поймет, что все насытились связями и начинают делать деньги. И все это превратится в более локальные, но очень конкретные дела. — Он снова внимательно посмотрел на меня поверх очков.

— То есть... вы не верите в перспективу? — Я улыбнулся, когда произносил одну из любимых фраз из «Мгновений...».

— Конечно верю! — Он тоже улыбнулся. — И не в скорейшую гибель, как там было у Штирлица в поезде с генералом. А наоборот, в расцвет нашего дела. Вот поэтому мы и идем во власть. — При этих словах он поставил свой инкрустированный бокал на стол и посмотрел на Бардова и Подгурского, которые сидели напротив и живо беседовали о чем-то.

— У вас есть какие-то мысли по этому поводу, господа? — Салимга-реич посмотрел на всех нас.

— Мысли, конечно, есть, но, если вы позволите, мы осмотримся и через пару дней выдадим наши планы, — солидно, как он это умел, ответил Пётр Ринатович.

Мы выпили еще коньяку и закусили бутербродами с какой-то рыбой, которая просто растаяла во рту.

— Итак, господа, в вашем распоряжении наш загородный особняк и Виталий Александрович. Надеюсь, увидимся в понедельник! — Бронницкий одарил нас улыбкой и пожал руки.

— Ну как тебе босс? — спросил меня любитель авторской песни, когда мы уселись в «хаммер».

— Впечатляет! — ответил я, рассматривая внутренности легендарной машины, в которой ехал первый раз в жизни.

— Не вы, ребята, первые и не вы последние! — веско отреагировал Подгурский, посмотрел на нас веселыми глазами и бросил водителю: — Саш, давай в Сазонтьевский!

Я посмотрел назад: за нами, держа дистанцию и хищно покачивая бампером, шел черный БМВ третьей модели с охраной. «Что ж, аттракцион закончился. Начались серые будни», — подумал я.

Через два часа мы сидели в белых махровых халатах и с аппетитом поглощали все, что гостеприимные хозяева приготовили для дорогих московских гостей. Пища была одновременно простая и искусно приготовленная. Я еще раз порадовался тому точному планированию, которое начинало мне все больше нравиться, чем дальше мы проникали в провинциальную жизнь. Осетр с хреном, холодец с горчицей, свежие и маринованные овощи, соленые грузди с репчатым лучком в душистом подсолнечном масле и, наконец, знакомые, но от этого не менее вкусные вещи: солянка, горячая картошка с кетой и сливочным маслом, пельмени с грибами, блинчики с красной икрой... и еще многое другое. И запивалось это все какой-то совершенно мягкой водкой с незнакомым, но симпатичным названием «Кедрушка».

Оказалось, что мы здорово проголодались с дороги. Развитию аппетита поспособствовала и сауна с бассейном. Я с нетерпением и любопытством ждал, что же нам предложат к чаю. Подгурского мы уже предупредили, что он от нас одной чашкой не отделается. Он не ударил лицом в грязь и под наше громкое одобрение торжественно внес большой блестящий и кипящий самовар. Затем на столе появилось несколько заварных чайников, от которых шли такие густые и обволакивающие ягодно-травяные флюиды, что после первого стакана крепкого и ароматного чая я почувствовал во всем теле легкость, как будто и не было усталости после долгой дороги и тяжести от обильной пищи. Серафима Савельевна, которую нам представил Подгурский как экономку загородного дома, женщина под шестьдесят лет, внесла и поставила на стол пироги: яблочный, малиновый и лимонный.

— Извините, мы здесь по-домашнему, без тортов. — Она смахнула со стола крошки и по-доброму улыбнулась нам одними глазами.

— Ну что вы, спасибо вам большое. А вы еще и губадию делаете? — удивился я, увидев большие куски знакомого пирога с изюмом, рисом и кортом. Последний ингредиент представлял собой специально приготовленный творог. — Но откуда, это же татарская еда?

— А у меня мама — сибирская татарка, — ответила экономка. — Я готовлю и другие татарские блюда.

— А эпочмаки, беляши, чак-чак, кабартму и... — Я был готов перебрать еще несколько названий.

— А вы откуда все это знаете? — Теперь уже удивилась она.

— Если вы позволите, я буду называть вас Серафима-апа. У меня бабушка — казанская татарка.

— Зовите, Федя, я не против. Кушайте на здоровье.

Подгурский откинулся на спинку высокого стула и вытер полотенцем выступивший после горячего чая пот:

— Ты еще больше удивись, Федя, если узнаешь, что Курманаев — дед шефа по линии матери!

— Вот это да! — воскликнул я. — Воистину: поскреби каждого русского — увидишь татарина.

— Ну что, парни, какие планы на завтра? — Саньч не удержался и зацепил еще один кусок пирога с малиной.

— У меня такое ощущение, Виталик, что ты наши планы уже расписал на месяц вперед! Нет? — Бардов хитро прищурился, затягиваясь сигаретой.

— Только на отдых, только на отдых, ребятки. А что касается работы, то выбирайте сами.

— По-моему, пора баиньки. А ты, Федя, как, тем более что в Москве уже второй час ночи? — спросил меня Ринатыч. — Да ты уже дремлешь, надежда мировой журналистики!

Любой другой на моем месте тоже не стал бы спорить.

Проснулся я поздно, по крайней мере, я так чувствовал. А когда вспомнил, что здесь четыре часа разницы с Москвой, то даже погрузился, как всегда бывает, когда думаешь о прошедшей жизни как о чем-то упущенном и несбывшемся. И неважно, было это на самом деле или нет, даже если мы захотели бы этого очень сильно. «Скорее всего, — подумал я, — в человеке генетически заложено чувство времени, отсюда, наверно, и приобретенное чувство, и желание деятельности. Разумной, конечно». — «Ага, — подсказал другой голос. — Но это было бы при условии, что все на свете действовали бы разумно». Это был верный знак, что следовало подниматься, иначе за сомнениями последует самоедство.

Я с удовольствием принял душ, что делаю у себя дома крайне редко. Никак не привыкну к этой западной моде ополаскивать свое тело с ранья. Вечером-то всегда охота, но не всегда можешь дотащить до ван-

ной, поскольку устаешь как собака. А в командировках живешь как бы по-другому, свободней, что ли, открывая в себе какие-то новые стороны.

Я стоял в халате, вытирал полотенцем волосы и осматривал свой двухкомнатный номер. Просторная спальная была выдержана в розовато-персиковом цвете, которым, как туманом, были пропитаны постель, кресло с торшером, тюль, каскадом спадающий сверху, и тяжелые портьеры с кистями и кисточками. В кабинете, или гостиной, стояли стол красного дерева, такое же кресло за ним, тумбочки, два низких кожаных кресла и журнальный столик. Здесь преобладали более резкие цвета: коричневый, зеленый и черный. Я вернулся в ванную, повесил полотенце и невольно залюбовался розовой плиткой, фаянсом, ковриками и остальным антуражем.

Выросший в советское время, когда многого элементарного было не достать, не говоря об импортной сантехнике или кафеле, я всегда очаровывался интерьерами гостиниц или коттеджей, где приходилось останавливаться. И при этом вспоминал нашу двушку-хрущевку, где все было поменьше: комнаты, кухонька, балкон, ванная и туалет. Зато была *темнущка*, где было полным-полно старых вещей. Отец, когда был помоложе, старался приберечь все это с дальним или ближним прицелом, что бы могло пригодиться дома, на даче или в гараже. Постепенно порядка становилось все меньше, старье приходило в негодность, увозилось на дачу и там доживало свой век. Я понимал родителей: в той сложной жизни 70-х и 80-х годов не было ничего, чтобы просто сделать наше существование нормальным, а не думать о том, пригодится ли завтра эта вещь или нет. Потому что и она, хиленькая, небольшая и не очень красивая, может закончиться, а новой взяться будет неоткуда. Да что там родители, я сам был такой... Отсюда и умиление, и удивление, и очарование простыми и изящными необходимыми вещами, которые, оказывается, есть на свете, и с ними приятно и красиво жить.

Мне бы одеться и привести себя в порядок, так нет — нам хлеба не надо, а дай почитать — я стал в бешеном темпе просматривать городскую и областную прессу, обнаруженную на журнальном столике. В этом положении и застал меня Бардов.

— Ага, уже работаете, пожалуйста, не вставайте, мой будущий главный редактор! — Он дурашливо сделал реверанс. — Кончай, Федя, пойдем позавтракаем, то есть... пообедаем, а там будем читать. Скажи спасибо, что я еще вчера предупредил нашу Серафиму-хранительницу о том, что недобитая интеллигенция любит поспать. Кстати, а она оказалась не такой уж и старой! — И Ринатыч томно продекламировал: — Сердце красавицы склонно к измене и перемене...

— Да бросьте, Пётр Ринатович, неужели за такое короткое время...

— Эх, мой юный борзописец, было бы желание, а методы уже известны!

Мне оставалось лишь в очередной раз восхититься талантами моего старшего товарища и пойти в столовую. Поели мы плотно, выйдя далеко за пределы завтрака и по времени, и по объему пищи. Но было вкусно, надо отдать должное Симе-апе, как я стал называть нашу хозяйку. Едва

мы начали обсуждать, как провести субботу и воскресенье, наша хозяйка принесла телефонную трубку и передала ее Бардову. Он сначала поздоровался, потом удивился, заулыбался и отключил телефон.

— Ну что, мой юный Симонов, — хитро улыбнулся он, отправив в рот очередной бутерброд с красной икрой, — через час нас с тобой будет ждать очаровательная особа Лерочка, пресс-секретарь босса.

— Да-а... — Я прокашлялся и проглотил вчерашнюю шанежку, запив ее горячим кофе с молоком. — Но почему она очаровательная и где это она нас будет поджидать?

— А меньше надо было вчерась распространяться о семейных корнях нашего заказчика, а больше обращать внимания на людей, то бишь молоденьких цыпочек. А то я думал, вы с ним умиленно заплачете от татарских фамилий, чингачгуков и эпочмяков...

— Вы же сами меня учили наводить мосты...

— Ладно, учил на свою голову, не отказываюсь. А место встречи нашей, как это она сказала, под часами. Мол, ребята из охраны знают. Где-то в центре города.

Через час с маленьким хвостиком наш черный «хаммер» подъезжал к пешеходной зоне Петропавловска, к тому месту, где на склоне холма, как бы нависающего над главной улицей города, величественно покоился необычный циферблат. Он показывал не часы, минуты и секунды, а тысячелетия, века и годы. Вот такими категориями жили славные петропавловцы. На циферблате было отмечено начало девятнадцатого века, когда император Александр I даровал городку грамоту о присвоении губернского статуса.

Здесь нас и ждала действительно симпатичная Лерочка: высокая, но не каланча пожарная, блондинка, но с пытливым и глубоким взглядом. А фигура, мама моя родная! Оставалось только опуститься в голубой омут ее больших глаз и плыть, плыть, плыть, созерцая красоты дореволюционной малоэтажной архитектуры! Лера подала мне руку, я пожал ее маленькую и теплую ладошку, ответив на слабое, но акцентированное пожатие радостной и открытой улыбкой. Во всяком случае, мне хотелось надеяться на то, что она была такой. «И везите меня куда хотите!» — было написано в ту минуту на моем лице. Об этом я догадался, когда из розовой и прекрасной грезы в грешный мир меня вернул Бардов, больно ущипнув за локоть.

— Эй, юный мой государь, ты знаешь, что твоя слюна уже вызвала первое в истории города наводнение? — Он с хитрецей смотрел на меня поверх дымчатых очков.

— Виноват, Пётр Ринатыч. — Я вдохнул, выдохнул и приложился к бутылке минеральной воды, заботливо выданной нам тетей Симой.

— Да ладно, я и сам уже пожалел о том, что так рано родился. — Он вздохнул и, немного отвернувшись от Леры, сказал: — И что всего лишь готовил нашу сексуальную революцию. А вот участвовать в ней уже могу только как наблюдатель.

Наши головы повернулись к Лере.

— С чего же мы начнем? — Она забросила ремешок своей маленькой сумочки на плечо и посмотрела на нас. Ее шелковое разноцветное, но неяркое платье слегка развевалось на приятном майском ветерке и очень гармонировало с ярмарочным многоцветием центральной улицы города.

— Да с чего хотите, Лерочка! Вы слушайте меня, во мне еще остались какие-то крохи разума, в отличие от этого красавца Аполлона, который ничего сейчас не видит, кроме вас. А вообще, хорошо бы, если бы эта улица нас вывела к вашей главной достопримечательности!

— Да, как раз в конце улицы будет наша крепость, построенная в семнадцатом веке казаками с Дона! — С этими словами она встала между нами, взяла под руки, и мы окунулись в мир Петропавловска...

Мы провели прекрасный день. Давно я не чувствовал себя таким веселым, легким и одухотворенным. Посетили крепость с ее этнографическим музеем, накупили путеводителей и открыток с видами города и области. Затем по просьбе Бардова прошлись по деловой улице, Великанке, названной в честь Георгия Великанова, первого секретаря Петропавловского губкома, погибшего от рук бандитов, и, конечно, полюбовались рекой, которая величаво катила свои быстрые воды мимо старинной, не очень ухоженной набережной. Наконец свернули в один из переулков и там, в открытом кафе, осеняемые высокими разлапистыми тополями, окруженные со всех сторон уютными двухэтажными домами прошлого века, поели мороженого. Тут Бардов и попросил Леру организовать встречу с местными журналистами и писателями.

— С журналистами — понятно, а зачем с писателями? — Она изящно откинула прядь длинных светлых волос. Ветер с реки задувал и сюда.

— Да Пётр Ринатович таким образом хочет за казенный счет пообщаться с коллегами! — За три часа экскурсии я уже окреп, ко мне даже вернулся дар речи. Но все же иногда, не совладав с собой, я жадно и в упор рассматривал Леру.

— Так вы писатель! Вот здорово, дадите автограф? — воскликнула она и стала искать в сумочке ручку и блокнот.

— Ну конечно! — Тут настала очередь блеснуть и Бардову. Видимо, пьянящий весенний воздух подействовал и на него. Он положил свою волосатую руку с золотым перстнем на мизинце на кисть Леры и проворковал бархатным баритоном: — Не надо, не доставайте ничего, Лерочка! Сейчас мы проедем к нам, и там, в моей комнате, я надпишу для вас свою книжку.

Я понял, что пришла пора решительных действий, и надавил ногой на носок Бардыча, на всякий случай еще задев его локтем. От неожиданности он поперхнулся и капнул мороженым на стол и рубашку.

— Ох, кхе-кхе, извините неуклюжего старика. Я не подумал, ведь это так далеко. Конечно, в понедельник я принесу в контору книжку и с удовольствием подарю.

— А какие книги вы пишете? — Она уже съела мороженое и теперь приготовилась вкушать каждое слово нашего «классика».

— Да разные. Прозу, исторические, эссе, пишу о поэтах и писателях. В общем, что публикуют. Сейчас ведь с этим трудно.

«Давай поплачь еще, как тебе трудно живется после четырех жен. Как не ходят к тебе два сына и две внучки. Распустил хвост, павлин старый!» — Я отдал должное старому ловеласу и заказал еще кофе.

— Я тоже люблю историю, — ответила быстро Лера. — Я ведь закончила исторический факультет в нашем университете. Потом два года проработала в школе. И вот третий год у Бронницкого.

— Да что вы говорите! Не могу представить вас училкой, которая строго смотрит на ребятишек и выговаривает им! — Рафаэль закурил сигарету и, поставив удобно локти на стол, приготовился любоваться Лерой. Заметив мой очень пристальный взгляд, он только подмигнул мне.

— Да мне самой до сих пор это трудно представить! — Лера засмеялась, но с какой-то грустинкой в голосе.

— А интересно работать тут, с одними мужиками? — спросил я и заметил за соседним столиком нашего Артура, который с невозмутимым видом пил кофе и читал газету.

— Ну что вы, Фёдор Сергеевич, нормальная работа.

— Лера, для вас — просто Фёдор. А фамилия моя простая русская — Лопатников! — Я поставил чашку на блюдце и посмотрел на девушку так, как будто хотел признаться в любви.

Лера немного смутилась:

— Хорошо. А моя — Кристальникова. Я буду звать вас Федя. Так звали моего дедушку. Он погиб на фронте под Ленинградом.

— А мой пропал без вести под Могилевом в начале войны. — Я допил ароматный кофе со сливками и снова посмотрел на Леру. — Вы хотели что-то сказать по работе?

— Разве? — Она снова смутилась, что, впрочем, ей шло. — Ах да, я хотела рассказать о том, что состою в областном историческом обществе — и я убедила Бронницкого заняться историческим наследием. Мы уже повесили около десяти мемориальных досок в честь тех, чьими именами названы улицы Петропавловска. Кстати, эта улица татарского купца Шалимова. В его честь мы тоже скоро повесим доску.

— Наверно, трудно было убедить в этом шефа? — На мой-то взгляд, она могла убедить кого угодно и в чем угодно.

— Да что вы! Алексей Салимгареевич меня прекрасно понимает и поддерживает все мои инициативы. Он даже хочет организовать пресс-клуб, который так бы и назывался — «Бронь-клуб».

«Умничка и ты, и шеф твой. А вот мои мастодонты, сколько я им ни говорил, так и не доползли до этого. Хоть кол на голове теши!» — Это я вспомнил своих руководителей и некоторых лидеров охранного движения Москвы. Видимо, вопрос в том, кто убеждает.

— Странно, неужели советская власть оставила название улицы в честь купца — классового врага? — подал голос Бардов.

— Она же сама и назвала его именем. Потому что он на свои деньги построил приют и больницу! — В голосе Леры я почувствовал гордость.

— Да-а, были сознательные капиталисты, не то что нынешнее племя. Слушай, Федя, это можно использовать в работе.

— Не можно, а нужно! — отбарабанил я и снова посмотрел на Леру. Она внимательно слушала Бардова.

— Вы так интересно говорите, Пётр Ринатович!

— Да что я! Вы бы послушали нашего Фёдора! Знаете, у вас, Лерочка, красивая фамилия — почти Кристалинская. Была такая певица в 60-х годах. Душевно пела. Не знаете? — Именно таким всепроникающим голосом Рафаэль, вероятно, и покорял противоположный пол.

— Нет, — тихо ответила Лера, продолжая смотреть на Бардова.

— По-моему, нам пора возвращаться! — У меня получилось громко, но лучше так, чем дальше смотреть на эту умильную картину. Я понял, что этот выпад нашего сладкоголосого певца я пропустил. «Ничего, я тебе дома так отвечу! Ты у меня еще смутишься!»

В понедельник после обеда мы с Рафой сидели в комнате для совещаний «Брони», которая больше напоминала альков дамы бальзаковского возраста, столько здесь было темно-красного бархата, тяжелых больших и маленьких легкомысленных золотистых кистей. За большим и темным полированным столом сидели мы с Бардовым, Лера и Подгурский. Оба они сияли, как начищенные самовары, и периодически одаривали нас лучезарными улыбками. Мы же откровенно переваривали сытную и вкусную трапезу. На столе расположились напитки, соки и минеральная вода, а также печенье, конфеты и даже бутерброды. А у стены периодически уробно пускал пузыри кулер. «Неужели мы сейчас еще и есть будем?» — подумал я и перевел взгляд на Ринатыча. Тот откровенно дремал, склонив подбородок на грудь. И если бы не светоотражающие очки, это было бы видно невооруженным глазом. Я периодически просматривал план мероприятий предвыборной кампании, экземпляр которого лежал на столе перед всеми собравшимися. Мы ждали Бронницкого.

Стоило только напольным часам громко и торжественно пробить первую четверть часа ожидания босса, как он появился сам, озарив светом белозубой улыбки этот кабинет с имперским интерьером. Он пожал каждому руку, а Лере даже поцеловал.

— Поздравьте нас, господа! — Бронницкий обратился к нам с Бардовым. — Мы только что отжали такой объект, что нам его хватит на всю оставшуюся жизнь.

— Неужели все-таки пробили порт, Алексей Салимгареевич? Здорово, поздравляю! — прояснил ситуацию Подгурский. Судя по радостному, но уверенному голосу, он уже был осведомлен о новом объекте.

— Да, дорогой мой! Конечно, это обошлось в несколько седых волос и кучу денег, но оно стоило того. Саныч, подготовь приказ, чтобы всех, кто принимал в этом участие, премировали, и себя не забудь. Представляете, господа, — он снова повернул голову к нам, — будет реконструироваться наш речной порт, грузы на который приходят и с Северного Ледовитого океана. По сути, будет строиться новый большой грузовой и пассажирский терминал с участием западных денег. И все это хозяйство мы будем охранять.

— Поздравляем, это действительно успех! — Бардов даже поднял стакан с соком.

— Ну это мы сейчас исправим! — сказал хозяин кабинета и нажал кнопку спикерфона. — Настюша, пожалуйста, организуй нам что-нибудь покрепче в честь такого события.

Через пять минут мы уже чокнулись коньячком.

— По этому поводу недурно было бы провести пресс-конференцию, — сказал я, поставив тяжелую хрустальную рюмку на полировку. В отражении коньяк заиграл еще ярче.

— Да, я подготовлю пресс-релиз и завтра организую встречу с журналистами. — Лера мельком посмотрела на меня, хлопнула прелестными ресничками и повернула свою головку к шефу.

— Отлично! — сказал он. — Может быть, вы там и заявите свои планы в отношении прессы, Пётр Ринатыч?

— А почему бы и нет? — Рафа повернулся ко мне. — Надеюсь, после официальной части будет фуршет, и мы спокойно пообщаемся. А что касается заметки об этом в нашей газете, то она уже сегодня уйдет в Москву.

— Лера, пусть все пройдет в Дворянском собрании, ну, в смысле, в ТПП.

Бронницкий взял в руки бумаги. Слова Бардова об информации в «Московской бизнес-газете» он как будто пропустил мимо ушей. Он просто давал нам понять, что те деньги, которые заплачены им за нашу работу, с лихвой перекрывают цифры за скрытую рекламу, пусть даже в центральной прессе.

— Ну что же, если вы не против, то пройдемся по вашему плану, господа. В принципе, мне он понравился. И по журналистам, и по писателям, суммы по конкурсу небольшие и вполне подъемные. Теперь насчет досок... Сколько мы планируем открыть в этом месяце, Лерочка?

— Две. Купцу Расторгуеву и губернатору Тартищеву.

«Черт побери, она просто великолепна». — Я опять тупо уставился на Лерочку.

— Хорошо, это очень хорошо, что губернатору. Тем более такому, который боролся за справедливость и в молодости служил в армии. Вы не против, Пётр Ринатович? — Бронницкий посмотрел на нас поверх очков.

— Конечно нет, Алексей Салимгареевич. Я так понимаю, что прессы будет много.

— А хорошо бы найти пусть дальних, но все-таки потомков, желательно живущих здесь.

— Я постараюсь, — с небольшой заминкой ответила Лера.

«Постарайся, моя ласточка, а уж мы расстараяемся!» — подумал я, заслонив свой восхищенный взгляд бокалом с минеральной водой. До вечера было далеко, а мы уже накидались коньяку.

— Теперь бизнес, — снова взял бразды правления в свои руки Бронницкий. — Я уже запланировал несколько встреч с предпринимателями по разным вопросам: налоги, разрешительные процедуры, благотворительность и прочее. Что вы здесь можете предложить, а, Федя?

От неожиданности я пожал плечами и чуть не выронил наш план.

— Ничего, — спокойно отреагировал Ринатыч. — Единственная просьба — максимальное освещение в СМИ. Бизнес — ваша забота. Голосов бизнес не дает, голоса дают простые избиратели.

— Зато бизнес дает деньги. — Взгляд Бронницкого стал немного колючим.

— Я помню. — Ринатыч улыбнулся, давая понять, что его такими штучками не проймешь. — Если позволите, я бы хотел обратить ваше внимание на главную часть нашей работы, ради которой, собственно, мы сюда и прибыли. Меня интересует работа с массами, и тут надо действовать соответствующими инструментами. Вам необходимо максимально часто выступать перед разными аудиториями — и здесь, и в столице, и в других городах и селах.

— И о чем же я должен говорить? — Бронницкий пригубил коньяк, явно наслаждаясь вкусом и широко улыбаясь от удовольствия. На его лице было написано приблизительно следующее: «Ребята, жизнь прекрасна и удивительна! Неужели уж я не скажу пару слов перед пиллом!»

— О чем? О том, что от вас хотят услышать! — очень спокойно и мягко ответил Ринатыч. — Мы подготовим вам несколько вариантов. Фёдор напишет, это он умеет. Он напишет так, что люди будут рыдать. И говорите о том, что вам ясно и понятно: о бизнесе, об охране, о налогах, о том, сколько у вас работает молодежи, ветеранов, бывших военных, чекистов. И о бабушках и дедушках, которым вы даете работу. Но самое главное — надо постоянно бубнить о борьбе с преступностью. Тем более, насколько я понимаю, об этом будет талдычить и начальник УВД. Мы посмотрели местные газеты, там очень много криминала. Народ эту борьбу должен поддерживать, тем более что воруют в России всегда и все. А народу порядка всегда не хватает.

На моего коллегу было приятно смотреть. Спина выпрямилась, орлиный взгляд устремлен куда-то далеко, хотя при этом он периодически косился на Лерочку, даже появился румянец. Что и говорить, оратор, трибун! По опыту я знал, что лучше его не останавливать. К тому же от его, во многом ключевого, выступления зависел и исход выборов, и наше вознаграждение, естественно.

— Второй момент — газета. Мы должны выпустить четыре номера большим тиражом, скажем, по сто тысяч экземпляров.

— Может, подойдет наша «Броня»? — спросил главный охранник области.

— Это ваша многотиражка? Она зарегистрирована?.. Отлично. Писать будем о социалке, о ваших охранниках, о том, что вы расширяетесь, набираете людей как в Петропавловске, так и по всей области. И надо будет разбрасывать их по ящикам в местах ваших выступлений, Алексей Салимгареевич. Газету будем делать мы, но мне нужны два пера из местных. Можно будет их нанять?

«Интересно, смог бы кто в эту минуту отказать ему хоть в чем-нибудь?» — подумал я, глядя на вошедшего в раж Ринатыча.

— Лера, найдите двух людей...

— Лучше парня и девушку, — вставил Рафа.

— Дальше. — Теперь начал солировать Бронницкий. — Саныч, возьми на себя печать и распространение газеты. Найми лучшую курьерскую службу, и чтобы часть тиража привозили в штаб. Что еще? — Босс, похоже, тоже распался и быстро решал вопросы.

«Да, такой может и вице-губернатором стать, и порядок навести! Именно такие люди и создают бизнес-империи».

— Еще два вопроса. Первый — телевидение. Сколько местных каналов? — После небольшой паузы Бардов продолжил ковровую бомбардировку.

— Два. Один полноценный, другой только открылся. Генеральный — мой одноклассник! — неожиданно четко, по-военному доложил Подгурский. Он словно был рад, что чем-то может помочь общему делу. Казалось, что в ярком свете улыбалась даже его лысина.

— Замечательно, — резюмировал Бардов. — Вам надо будет встретиться с ним и договориться, чтобы одна телебригада всегда и везде сопровождала кандидата... и чтобы он был хоть понемногу, но в каждом выпуске новостей. Понимаю, что это обойдется в копейку! Но вся надежда на то, что сейчас, поначалу, цены у них не должны быть большими. И потом, если генеральный директор не дурак, то он поймет, что выборы дадут возможность раскрутить его канал.

— Ладно, Саныч, встречайся и протарань этот вопрос. Как угодно ломай, на скидки, на бартер, на что угодно, но новости должны быть. Да-а, как тут не вспомнить дедушку Ленина, который говорил, что из «Искры» возгорится пламя... Да, Виталий, напомни мне после выборов насчет собственных СМИ. Хорошо?

«А мужик-то с дальним прицелом! Интересно будет с ним встретиться на очередной конференции по безопасности. Там, глядишь, что-нибудь и обломится по поводу газеты своей. Да что там газета, а журналы, а телевидение, а Интернет, который как на дрожжах растет!» — От таких мыслей у меня даже пересохло горло, и я одним махом допил коньяк.

— Сделаем, шеф, — заверил его Подгурский. — Парни, а вы не будете против, если мы с телевизионщиком порыбачим вместе? Он заядлый охотник и рыбак, да и ему будет лестно встретиться с москвичами.

— Без проблем! — на автомате ответил Рафа.

Наверное, он согласился бы в эту минуту выступить с лекцией даже в гей-клубе. Потом жалел бы, но раз обещал...

— Второй вопрос: максимум сувенирки! Пока что, господа, не вижу вокруг вас ничего: ни ручек, ни календарей, ни пакетов, ни значков и другой всякой ерунды. Закажите побольше, не скупитесь. Кроме того, надо сделать большие круглые значки, пятьдесят шесть миллиметров в диаметре. Скажите рекламщикам, они поймут. Там должны быть изображены вы с начальником УВД и слова: «Вместе мы свернем горы». Все это надо людям раздавать, но на разных аудиториях по-разному. Ни в коем случае не разбрасывать, а давать избирательно и немного, чтобы народ просил.

Конечно, иногда следует упаковать всю эту бижутерию в фирменные пакеты.

Наконец он повернулся к Лере:

— Для журналистов нужны блокноты, ручки, лучше посолиднее, папки, календари, брелки тоже не помешают. И чтобы было немного подарков в VIP-исполнении. И самое последнее, устройте нам встречу с руководителем штаба Воскобойникова.

— А сегодня и пообщаемся, — подал голос Бронницкий. — Как на счет футбола, товарищи?

— Нормально. — Вот и я пригнулся.

— Хорошо, в пять за вами заедут. У меня на стадионе ложа, там и поговорим. — Бронницкий неожиданно встал с бокалом в руке и с торжественным выражением на лице, явно желая сказать что-то важное. — Я очень рад, что у нас такая команда. Уверен, что с такими профессионалами мы обязательно победим. За успех нашего безнадежного дела!

Все выпили, я заметил, как Лера только пригубила. «Молодец. Хотя может, притворяется?» Все стали выходить, и я снова засмотрелся на пресс-секретаря и не заметил, как Бардов шмыгнул с шефом в его кабинет. Пока я любезничал с Лерой, благодарил за угощение Настёну, а потом прохаживаясь в тени майской зелени и садился в джип, появился и Бардов.

— Как вы успели ускользнуть с Бронницким? — спросил я Рафаэля.

— Да немного пошептались, — уклончиво ответил он, не глядя на меня. Мне даже показалось, что он был встревожен.

— Что-то не так, Пётр Ринатович? — сделал я первый заход.

— Да все нормально. — Он оглянулся и привычным движением потер ладони. — Эх, сейчас бы отведать пирожков тети Симы. А ты — за, мой юный принц?

Я не ответил. «Что они там обсуждали?» — подумал я, наблюдая в окно, как под мост, который мы проезжали, заходит маленький буксир. Вода была спокойной и казалась под синим и безоблачным небом зеркальной.

Только-только мы успели закусить теплыми шаньгами и ватрушками с чаем, как в столовую вошел Артур и показал на часы:

— 17:00! Шеф приказал везти вас на стадион.

— Ладно хоть не в крематорий! — Бардов встал с дивана, слегка побряхтывая.

— Ну вы скажете тоже, Пётр Ринатович! — улыбка получилась у нашего ангела-хранителя немного натянутой. Он был явно растерян от такой шутки старика.

Темно-синий «ягуар», сверкая полировкой и уверенно вписываясь в крутые повороты, летел между двух черных джипов «тойота». Кортёж ехал быстро, но не нарушая правил. Бронницкий смотрел из-за занавесок на городской пейзаж. Подгурский, сидевший рядом, казалось, дремал, слегка прикрыв веки.

— Что ты думаешь о наших гостях, Саныч?

— Крутые пацаны, ничего не скажешь! А от Бардова я такого не ожидал!

— А чего ты ожидал? Что он будет водку пьянствовать и анекдоты травить? Нет, Виталь, эти ребята крученые и верченые. Как говорила моя бабушка, «мы ребята финтикультипистые, можем финтикультипнуть, а можем и выфинтикультипнуть!» Уверен, что они еще и не такое нам поведают. Ты чего так разошелся? Первый раз слышишь эту скороговорку? — Он удивленно посмотрел на своего зама, которого вообще было трудно пронять чем-либо.

— Фу-у, ну ты и выдал, Лексей! — наконец просмеялся Подгурский. Он вытер носовым платком слезы, достал из минибара воды, выпил, поставил бутылку обратно и спросил шефа: — А чего такого они знают, чего мы не ведаем?

— Чего, говоришь? А что, мы с тобой такие уж святые, чтобы у нас не было грехов своих и приписанных чужих? Ты посмотри, как он ловко Лерку вычислил. Как два пальца об асфальт! Слушай, а кем он был до того, как стал журналистом? — На этот раз взгляд Бронницкого уже не показался его подчиненному, другу и сподвижнику насмешливым.

— Журналистом и был! — Саныч ответил быстро и твердо, как учили в армии, а потом и в правоохранительных органах, когда сам не знаешь, а надо сделать перед начальством вид, что только ты один в курсе дела.

— Ага, под крышей Первого главного управления! Плавали, знаем! Я на них насмотрелся еще в Ливане, а потом в Афгане. По первости они сама осторожность и бдительность, прямо шапку перед ними снимай. А потом пьют из всего, что стоит. И вот когда все вокруг уже в хлам и ты уже два раза рассказал ему о своей первой близости с женщиной и три раза про первую учительницу, когда ждешь, что вот-вот он тебе душу раскроет... он вдруг, падла, моментально трезвеет и тихим, таким вкрадчивым голосом спрашивает: «Товарищ Бронницкий, а о чем вы вчера говорили со вторым секретарем американского посольства?» И смотрит на тебя... как отец родной! И скажешь ему, все скажешь, что было и чего не было... — Бронницкий коротко, но смачно выругался, что бывало с ним крайне редко и говорило о его сильных переживаниях.

— Да ведь ее и так и сяк крутили, и спецпроверку делали. А она, вишь, сколько продержалась, — медленно протянул Подгурский и поправил занавеску на окне. Это был его прокол, что Леру не выявили при приеме на работу, и ее агентурная сущность вскрылась только незадолго до решения баллотироваться. Но он предпочел перевести разговор даже на такую неприятную для него тему, чем видеть разозленного шефа. Так можно и под горячую руку попасть. «Хотя, конечно, при их отношениях... А что наши отношения? — подумал Подгурский. — Дружба дружбой, а служба службой!»

— Ладно. Это хорошо, что таких профи цапанули, с профи всегда понятно работается. А что ты думаешь по поводу дезы?

— Пока даже не знаю. Очевидно, надо чем-то ошеломить, чтобы было непонятно, но грандиозно. Но что? Надо покумекать. А может, менты чего-нибудь надумают? А, Гарейч?

— Ты меня еще Горынычем назови! Менты горазды только водку трескать и жуликов ловить! Это их дело.

— А что же ты согласился идти с ними в одной упряжке?

— А что, прикажешь с бандитами целоваться? Они вмиг согласятся, только свистни. Деньги-то надо отмывать. А Воскобойников мужик нормальный, я его давно знаю, еще с Афгана. Далеко он смотрит и думает не как мент, а как настоящий хозяин.

— Ага, и к рукам его много прилипает, по-хозяйски? — зло скаламбурил Подгурский.

— Ну а к кому не прилипает? Главное в нашем деле — вовремя руки помыть. Однако, приехали. Ментам пока ни слова, понял? — Бронницкий вылез в открытую охранником дверь и уже на улице услышал слова зама:

— Об чем базар, Алексей!

В первой лиге играл местный «Локомотив» с «Дружбой» из Йошкар-Олы. Мы с Бардовым приехали пораньше. После знакомства с генералом и начальником его предвыборного штаба подполковником Вайнштоком Ринатыч удалился с ними в соседнюю комнатку пошептаться. А мне оставил возможность наслаждаться великолепным видом стадиона и изумрудного газона, выпитывать радость охвата огромного пространства и предвкушать любимую игру. Чтобы как-то побороть желание забраться на высшую точку стадиона и полететь птицей, которое у меня всегда возникает, стоит мне попасть на огромное сооружение, я решил попить пивка и закусить солеными сухариками. Благо на столике, стоявшем между двух высоких кресел, кроме хмельного напитка, высились красивые бутылки минеральной воды, соков и лимонадов, а рядом расположились накрытые накрахмаленными салфетками вазочки с орешками, сухариками и сухими рыбешками. Не успел я выпить первый бокал, как услышал над головой знакомый голос Бронницкого:

— Любите пивко и рыбку, а, Фёдор? — Он стал обходить правое от меня кресло, а я решил изобразить приветствие и слегка приподнялся. — Сидите, сидите! С вашего разрешения, я устроюсь здесь.

— Да есть такой грех. — Я закинул в рот несколько сухарей и решил налить пива соседу. — Вы не против?

— Спасибо, Фёдя, если нальете, не откажусь. Обслуживание — как во время Московской Олимпиады! — Он осушил враз свой стакан и стал лущить сухую воблу. А я — скорее из вежливости, чем из конкретного интереса — спросил:

— А вы были в то время в Москве?

— Ага, тогда нас, молодых кагэбэшников, бросили присматривать за иностранцами. Я только окончил «вышку» после института и там месяц проторчал... Как вам будущий губернатор? — Свою самоуверенность он спрятал в прищур умных глаз, которые опять посмотрели на меня поверх очков.

— Мощный мужик! — ответил я.

— У-у, вы его еще не знаете! — мечтательно заметил Бронницкий. — У него столько идей, знаете, на трех президентов хватит. Я подтяну биз-

нес, а он бюджет. Мы таких дел наворочаем! — И он развел руками, как бы показывая, что дел будет не меньше этой арены.

Тем временем судья дал свисток, и игра началась. И тут же из-за стенки, где расположилась другая часть вип-персон, стали периодически доноситься крики, которые сливались с мощной поддержкой публики.

— Главное, на мой взгляд, чтобы помыслы были чисты! — сказал я, и слова потонули в очередном всплеске эмоций болельщиков. Откровенно говоря, я пожалел о сказанном. Получилось как-то пафосно и натянуто, хотя и от души. Я подумал, что Салимгарейч не расслышал моей реплики, увлекшись футболом. Но он все слышал. Я это понял, когда он, наклонившись ко мне, тихо сказал:

— Вы что, верующий? — На это раз его фирменный взгляд был полон удивления и иронии.

— Нет, а почему вы так решили? — Теперь удивился я.

— Как вам сказать... Ваши слова подтолкнули меня к этой мысли.

Он допил бокал, поставил его на стол и откинулся на спинку кресла.

— Видите ли, я считаю, что если цели благородны, то и методы рано или поздно будут такими. Жизнь все равно заставит. В противном случае она, жизнь, выкинет на свою обочину людей, которые, прикрываясь благородными идеями, претворяли их в жизнь грязными методами.

Я снова пожалел о сказанном, но, озвучив «А», надо промычать и «Б», никуда не денешься.

— А возможно ли такое в принципе? — Бронницкий внимательно смотрел на поле.

— Думаю, что да! — как можно тверже сказал я, тем самым давая понять, что хочу закруглить разговор.

— А я думаю, что как раз наоборот все получается. Важно только, чтобы время раскрытия этих секретов пришло как можно позже.

— Все тайное становится явным. Вы это хотели сказать? — Хоть я и желал скорейшего окончания разговора, но он становился все интереснее.

— Совершенно верно. Но ведь никто не знает, когда это произойдет. Время-то бесконечно!

— А память о человеке? — парировал я.

— Все зависит от человека. Хотя вот парадокс — главной все равно остается человеческая память, несмотря на развитие технологий. Но поверьте, — он продолжал, по-прежнему не поворачиваясь ко мне, — о подавляющем большинстве двуногих никто и не вспомнит после смерти, кроме их прямых потомков... Ну ладно, Фёдор, с вами интересно общаться. Честное слово, это не комплимент. Я вообще редко говорю мужикам комплименты. Когда уж явно что-то нужно от них.

Он отвлекся на несколько минут. «Локомотив» атаковал и чуть было не забил гол, но вратарь марийцев вытащил мяч из «девятки». Все ахнули, и мы тоже.

— Хочу подбросить вам задачку. Вот мы наметили планы, но не учли, как будут действовать конкуренты.

— Вы имеете в виду команду действующего губернатора? — уточнил я.

— Не кажется ли вам, Фёдор, что лучше не ждать их действий, а спровоцировать их на опрометчивый шаг — и тем самым лишить шансов?

— Но как?

— Так, чтобы это было похоже на предвыборный шаг в соответствии с политтехнологиями...

— Но исходя из местных условий вызвало бы реакцию отторжения! — договорил я.

— Ну видите, можете, когда захотите, — улыбнулся в моем направлении Бронницкий.

— Тут надо подумать.

— Конечно, потолкуйте с вашим коллегой. А то поспешим, народ насмешим. Точнее говоря, он и должен засмеяться, но только над нашими оппонентами. Как говорят, лучшее оружие — это смех.

И в этот момент под невообразимый шум зрителей в жуткой толчее у вражеских ворот железнодорожники затолкали-таки мяч в ворота.

В ложу ворвался Подгурский, обнял нас и закричал:

— Я же говорил, что еще в первом тайме забьют!

К теме работы с конкурентами мы вернулись с Ринатычем на следующее утро, когда за завтраком обсуждали впечатления от знакомства с генералом и его людьми на футбольном матче, где местные разгромили ребят из марийской тайги со счетом 3:0.

— Что скажешь, мой будущий Аджубей? — Бардов уже утолил первый голод и жажду большой чашкой крепкого кофе с молоком и теперь медленно и с чувством намазывал на булку сливочное масло и черную икру. Подгурский сказал, что масло именно из этих мест поставляли до революции ко двору британского короля.

— Давайте сыграем на простых инстинктах. Например, еда. Я посмотрел вчера на список объектов «Брони». Там есть птицефабрика. А что, если мы сделаем вид, будто собираемся бесплатно раздавать синюшных куриц?

— Почему — синюшных?

— Так их же душат. Или током бьют? Ну... это не важно.

— Ну хорошо. — Бардов жевал булку с икрой и размышлял. — Допустим, мы подбросим им идею. И они будут раздавать куриц. В принципе, конечно, эти подаяния части народа не понравятся. И что? Но ты не забывай, что, например, пенсионерам это будет в кайф. А они очень добросовестно ходят на выборы да еще и другим рассказывают, почему они голосовали за этого, а не за другого кандидата. Нет, так никого не скомпрометируешь.

— Как насчет разбрасывания листовок с воздуха и, соответственно, аренды самолетов и вертолетов? — Я продолжал усердно думать и поглощать яичницу с брынзой и помидорами.

— Прекрасный способ оповестить большую массу народа о своих планах, и к тому же экстравагантно. Они тебе только спасибо скажут. — Рафаэль разбивал меня в пух и прах на всех фронтах.

— Ну ведь народ-то понимает, что это стоит уйму денег!

— Да плевать народу на эти деньги, он их все равно не увидит! Вот если мы рассказали бы с фактами в руках, что нынешний губернатор воюет, вот тогда да. А это опять не убеждает.

— Вам не угодить! — Мы уже перешли из столовой в гостиную, которая была сдержанно, но в то же время искусно украшена парой картин и великолепными тяжелыми гардинами.

— А если подбросить идею о создании газеты с двусмысленным названием — и таким образом дискредитировать администрацию, если она будет ее выпускать?

— Опять «если», дорогой мой Генри? — Ринатыч сладко зевнул, читая «Сибирскую правду».

— Но мы так уже сделали однажды с моим другом. Мы с ним получили задание разработать идею и оригинал-макет газеты от отдела культуры одного городка. Но потом узнали, что заведомо хочет отдать уже готовую концепцию своим издателям, не заплатив нам. И мы придумали название газете — «Досуг в городе». Эта женщина выпустила сдуру со своими родственниками сразу большой тираж. Она-то думала, что мэр ей спасибо скажет и денег даст. А градоначальнику преподнесли газетенку с комментариями, что ее название созвучно объявлениям «Ваш досуг» с телефонами проституток.

— Проститутки — это интересно! — восторженно воскликнул Бардов. — А что потом было?

— Уволили ее с треском! — рассмеялся я.

— Это перспективно! — Рафаэль снял очки и стал протирать их носовым платком. — Да, это интересно, хотя и жестоко вы поступили с тетенькой.

— Пускай людей не кидает!

— А кто сказал тебе, что вы для нее люди? А? Вы для нее быдло. Какие-то дизайнеры-пьянчужки! Не замечал, что так все чиновники думают о художниках? В широком смысле, конечно. С другой стороны, этого мало, мой разводила! — неожиданно резюмировал Бардов.

— Мало? Ну... тогда разыграем «голубую» карту! — воскликнул я.

— Не понял? — Рафаэль уставился на меня.

— Вы меня удивляете, Пётр Ринатович! За что уважают Лужкова при всех прегрешениях? Ну подумайте! Правильно, он так и не разрешил ходить им парадом по Тверской!

— А ты предлагаешь им пройти по Енисейской? Тоже мне — Елисейские Поля!

— Да вы не торопитесь с выводами. Подгурский выйдет на «голубых» и скажет, чтобы они написали заявку на марш. Что это пойдет на пользу губернатору, чтобы он набрал очки у меньшинств. — Странно, но мне впервые приходилось так подробно, разжевывая по частям, объяснять все метру Рафаэлю.

— А как мы доведем эту глубокую мысль до губернского начальника? — спросил Бардов.

— А как вы вообще собирались устроить канал утечки дезинформации? — Наступила моя очередь задать ключевой вопрос.

Ринатыч встал, потянулся, сунул руки в карманы брюк и стал ходить по просторной гостиной, которая с успехом проглотила бы, не поперхнувшись, три двухкомнатные хрущевки. Я-то думал, что наш певец всегда все схватывает на лету и так же быстро принимает решения. Выходит, я ошибался в отношении нашего гения политических наук.

— Ну а что? — Он остановился возле высокого окна, отодвинул тюль, посмотрел в иссиня-голубое майское небо и на несколько набирающих цвет яблонь, ветки которых через пару лет уткнутся в окна этой гостиной. Потом повернулся ко мне: — Можно попробовать. Народ «голубых» не любит, это точно. На этом можно сыграть. А пока давай собираться на встречу с коллегами.

— Тем более что я на сто процентов уверен, что в окружении губернатора есть хотя бы один «голубок».

— Откуда такая уверенность? — Ринатыч стал завязывать галстук перед зеркалом.

— Не знаю, интуиция. Сами подумайте — куча холеных, хорошо одетых мужиков, которые считают, что они неотразимы... и как власть могут позволить себе все. И им за это ничего не будет. Неужели не найдется кто-нибудь, чтобы использовать это в своих интересах?

— А женщины? — Он завязал галстук и надевал костюм.

— Это само собой. Уверен, что некоторым власть имущим это уже приелось.

Я тоже стал менять махровый халат на цивильную одежду.

— Эх, интуиция... Тебе бы с ней в колчаковской контрразведке служить! — Бардов подошел ко мне и сделал вид, что хочет вклеить подзатыльник.

— А что, места подходящие, — ухмыльнулся я и сделал вид, что увернулся от его руки.

— И еще один момент, мой дорогой Феденька! — Лицо Рафаэля сделалось серьезным, а глаза вдруг превратились из добрых и лучистых в две непроницаемые льдинки. — Об этом никто не должен знать. Никто, даже Лера!

Я кивнул и опустил голову.

С журналистами мы встретились в старом купеческом двухэтажном особняке областной Торгово-промышленной палаты, где раньше располагалось Дворянское собрание. Было видно, что местное предпринимательское сообщество постаралось и привело в современный вид здание, одновременно сохранив его исторический облик. В небольшой уютной комнате с абстрактными картинами на стенах за большим столом собралось человек десять представителей местной прессы. «Слава богу, женщин меньше, чем мужчин. Можно будет спокойно поговорить о деле», — подумал я, удобно устраиваясь в кресле и окидывая взглядом стол, уставленный тарелками с разными крохотными бутербродиками,

чашками с чаем и стаканами с соком. Я сказал Лере, сидевшей слева от меня:

— Ты отлично поработала. Красивый стол!

— Я старалась. — Она улыбнулась в ответ. Затем посмотрела на всех приглашенных, снова на нас и продолжила:

— Добрый день, коллеги! — Она представила нас, пригласила всех угощаться и в неформальной обстановке пообщаться на тему бизнеса вообще и частной охраны в частности, зачитав по списку имена и фамилии тех, кто пришел. Оказалось, что, кроме приглашенных, подошли еще двое. Затем она огласила пресс-релиз, посвященный тому, что компания «Броня» получила контракт на охрану строительства нового речного порта, финансируемого Международным банком реконструкции и развития. Журналисты задали несколько вопросов о начале работ и их стоимости, но они касались больше самого проекта и выходили за рамки компетенции Леры. Она правильно сделала, что аккуратно и спокойно закруглила тему и предоставила слово Бардову.

Он немного откашлялся и начал:

— Коллеги, сегодня у нас не просто пресс-конференция, а, скажем, ознакомительная встреча с вами как с сообществом журналистов и публицистов, которые освещают и знают все проблемы и достижения индустрии безопасности. Нам хотелось бы обменяться впечатлениями о состоянии дел в нашем с вами деле, простите за тавтологию. И мы хотим предложить вам поучаствовать в одном интересном проекте.

Пока народ переваривал сказанное, Лера выскользнула из-за стола, шепнув мне, что пошла позвонить писателям. В это время Петру Ринатовичу уже задали вопрос о предвыборной кампании.

— Да, мы приехали помочь паре Воскобойников — Бронницкий победить на выборах. Мы этого не скрываем. Мы хотим, чтобы с нашей помощью общественность узнала больше о бизнесе и об охранных структурах. Чего греха таить, большая часть народа воспринимает охрану как сборище неудачников, пенсионеров-ментов... простите, милиционеров и военных. И полагает, что ребята имеют то, что охраняют.

— И что вы хотите сделать, чтобы у населения изменились настроения? — Прямо перед Ринатычем сидела симпатичная брюнетка в белой блузке с кучей бижутерии, которая немного безалаберно украшала ее высокою грудь.

— Да все очень просто. — Мой старший товарищ впился глазами в «новогоднюю елку» на ее груди. — Надо, чтобы вы писали об охране в течение этого месяца. Но чтобы эти материалы были непроплаченные, это народ сразу видит и соответственно оценивает. Мы хотим, чтобы все было по-честному, заинтересованно... и в то же время критически. Поэтому мы и предлагаем вам поучаствовать в журналистском конкурсе. Первая премия — десять тысяч, три вторые по пять тысяч и пять третьих по три тысячи рублей. Считайте это официальным приглашением к участию.

— А каков механизм? — спросил здоровенный парень в коричневом свитере из грубой шерсти, похожий на геолога.

— Вы присылаете опубликованные материалы по адресу «Брони», потом жюри из главных редакторов, нас, ваших покорных слуг, и нескольких директоров ЧОПов выбирает лучших — и лауреатам можно готовить смокинг на церемонию. Наверное, здесь, в ТПП, и устроим небольшой праздник. — Всех присутствующих озарила улыбка Бардова, одна из лучших, которую он цеплял в редких случаях.

— Конечно, мы знакомы с работой охраны, но хотелось бы увидеть все это поближе... — Девушка в блузке явно шла на рекорд активности.

Я посмотрел список. Ага, она корреспондент газеты «Новости Петропавловска» Ядвига Смулежская. «Интересные фамилия и имя, — отметил я. — Наверно, из сосланных западенцев, а то и поляков».

— Мы приглашаем всех на пресс-тур по «Брони» на этой неделе. У нас много предприятий. Вы их посетите, поговорите с народом: простыми охранниками, менеджерами, директорами. Короче говоря, со всеми, с кем захотите. Пишите о том, о чем считаете нужным: о людях, интересных случаях, их военной службе или работе в органах, о технологиях и другом. Я думаю, что три недели вам хватит. Ну как, договорились? — Он обвел всех взглядом заботливого отца и прихлебнул из чашки.

— Задешево хотите нас купить! — очень громко, но при этом удивительно спокойно произнес сидящий на правом конце стола крепкий и седоватый, уже в годах, мужчина. Он стукнул по столу большим стаканом из-под сока, казавшимся маленькой рюмкой в его огромной пятерне, которая больше подошла бы молотобойцу, а не журналисту. Несколько минутами раньше я заметил, что он допил свой чай и съел содержимое нескольких тарелок, расположенных вокруг него, тем самым оставив на голодном пайке коллег-соседей. — Решили, что раз вы столичные деятели, то денег на негров тратить не надо, местные голодные журналюги будут за идею пахать. Шиш вам! Ничего у вас не выйдет! — Он встал и походкой командора направился к двери, где столкнулся с входившей Лерой.

Она с испуганным видом дошла до своего места и незаметно кивнула мне. «Писатели уже готовы. Интересно, а там нас, видимо, будут бить — и, возможно, ногами!» — усмехнулся я про себя.

— Вы не обращайтесь особо на него внимания! — заговорил молодой человек в темном затертом костюме. На его явно большого размера сорочке болтался галстук-шнурок, а за ее воротник можно было засунуть здоровенный кулак. Он поправил прическу, видимо, от волнения. — Это наш анфан террибль, Загорелый Николай Павлович, корреспондент и он же главный редактор. В общем, в единственном числе делает газету «Звезда Сибири». Ищет правду везде, где можно.

— Понятно. Этакий Робин Гуд местного разлива от журналистики! — подытожил Бардов.

— Однако и аппетит у поборника справедливости! Все съел. Ничего не оставил! Я едва успела пирожное взять! — сказала сидевшая рядом со мной девушка с темными волосами.

Все засмеялись.

— Ничего, берите, мы еще принесем! — Я пододвинул ей тарелочку с бутербродами. — Вас как зовут?

— Нина, Нина Ермакова! — Она посмотрела на меня большими черными глазами.

— Очень приятно, Нина. Вы угощайтесь, не стесняйтесь! — настаивал я. — Тут на пятерых хватит.

— Ну ладно вам! Просто у человека здоровый аппетит! Коллеги, но если говорить серьезно, то мы никого не принуждаем. Кто хочет, тот и участвует в конкурсе... — начал было Бардов.

— Да он первый придет вам материал, вот увидите! — заметил геолог в свитере. — Знаем мы его справедливость!

— Ну а как тут у вас вообще бизнес живет? — подкинул в костер сухих дровишек Ринатыч, и огонь разговора запылал.

Стали говорить все сразу, так что моему коллеге пришлось рулить дискуссией изо всех сил. Досталось всем: и губернатору, и федеральным органам, и местным министрам, не говоря уже о самих предпринимателях. Я тоже по мере возможности старался незаметно подкручивать фитиль керосиновой лампы, больше уделяя внимания левой части застолья, а Рафаэль рулил правой. Время пролетело незаметно, и было такое ощущение, что многое еще не сказано. Зато все было съедено и выпито. Расхордились с явной неохотой, договорившись поддерживать связь и быстро передавать информацию.

По пути к машине я сказал Лере:

— Ну вот вам готовый клуб «Броня». Уверен, что большинство, если не все, будут с удовольствием собираться у вас в клубе. Ты же хотела создать такой?

— Хотеть хотела, но вот с чего начать? Ты не подскажешь? — с интересом спросила Лера.

Я сел на любимого конька и начал громить врага:

— Понимаешь, Лера, журналисту ведь всегда нужна интересная информация, и желательно побольше. А клуб может стать неформальной площадкой сбора и обмена этой информацией. Раз в неделю, чаще вряд ли они будут приходить, собирай их и сообщай интересную тему об охранном бизнесе и подкладывай новости о «Броне». Конечно, с чаепитием и с интересным гостем. Они будут писать о «Броне» без всяких денег каждую неделю! А когда пишущая братия привыкнет, что здесь всегда есть чем поживиться в плане информации, надо начинать говорить уже о бизнесе вообще, а еще дальше — и по любому информповоду. Естественно, надо приглашать всяких людей, которых можно разговорить: чиновников, писателей, артистов, ученых, деловой народ. Уверен, со временем люди будут проситься сюда, чтобы только увидеть и послушать знаменитость или самим покрасоваться. И все это под прицелом телекамер. Телевизионщики ведь народ ушлый, сразу чувят, где можно ухватить тусовку. И будет это называться «Броня-клуб». Понимаешь? — Я разошелся и почувствовал себя на кафедре.

— Очень интересно! А ты мог бы рассказать все это Бронницкому? — Она внимательно посмотрела на меня лучистыми серо-голубыми глазами.

— Вы слушайте, Лерочка, Хвёдора. Он иногда дельные мысли говорит! — Ринатыч опять воспользовался тем, что я, как глухарь, забыл обо всем, выступая перед благодарными слушателями, да ещё прекрасного пола. Он умело взял Леру под локоток, чтобы помочь ей забраться в «хаммер», и уселся рядом с ней на заднем сиденье.

«Старый ловелас опять обошел меня на повороте», — подумал я, закрывая переднюю дверь и пытаясь поймать взгляд Леры в зеркале заднего вида.

К писателям мы поехали, как ни странно, в наш особнячок. Это я обнаружил, когда уже не оставалось никаких сомнений в направлении нашего движения. На мой немой вопрос Лера ответила:

— Понимаешь, принимать их в офисе было бы уж слишком ангажированно. Арендовать что-то хорошее дорого, да и неудобно. А здесь можно не только посидеть нормально, но и просто погулять между безрезками.

— И послушать майских жуков. У этой братии тонкий душевный настрой, и их не возьмешь ни деньгами, ни роскошью, а с искусством можно не угадать. Поэтому надо брать их тепленькими только на природе. Молодец, Лерочка. Правильно сделала! — Эти слова Бардов произнес, когда машина наша, гремя огнем, сверкая блеском стали, уже плавно подкатила к площадке и замерла, напоследок чуть скрипнув тормозами. Словно хотела даже в последний момент показать свою суровую мощь перед группой сидящих в беседке благородных седовласых мужей.

На столе у Бронницкого тихо и кокетливо пискнул спикерфон — и раздался истеричный голос Насти:

— Алексей Салимгареич, у нас ЧП! В «Суперпарке» на Енисейской драка!

— Спокойно, моя ласточка! Вот если бы сейчас приехала налоговая полиция и устроила бы маски-шоу, вот тогда можно и нужно было бы кричать. Кто на проводе? — спокойно спросил босс.

— Непонятных. Соединить?

— Давай! — ответил Бронницкий, усмехнувшись: «О господи, сколько непонятого скажет Непонятных».

— Что у тебя, Степан Никанорович? — спросил он у директора своего первого ЧОПа.

— Пока драка, Алексей Салимгареевич. А почему — не пойму. — Голос директора был на удивление спокойным.

«Да, как включил Никанорыч в армии дурачка, так и не выключил после службы в оперативном отделе штаба тыла. Видно, рубильник заржавел!» — успел подумать Бронницкий.

— Если ты, непонятливый мой, сам не понимаешь, то как я догадаюсь? Ментов вызвал? — В кабинет зашел Подгурский, и его хозяин показал Санычу, куда садиться.

— Приехало два экипажа. Но они тут же замахались. С минуты на минуту обещали ОМОН подогнать.

— Да там у тебя хороший кипеж, что ли? — спросил Бронницкий и снова включил громкую связь, чтобы слышал его зам.

— Ну да. Двоих покупателей задела, кучу мебели и прилавок поколотили. Скорая уже забрала одного посетителя и одного нашего.

— Е-мое! Что с ними?

— У мужчины лицо раскровянили, а у охранника, скорее всего, руку сломали.

— Так, займись локализацией и выведи всех покупателей. И постарайся оттянуть наших пацанов. Все равно без ОМОНа не сдюжим. Резерв к тебе уже выехал. Давай. — Он положил трубку, а по внутренней связи сказал секретарю: — Настюша, пожалуйста, принеси нам с Саньчем кофейку... Слушай, — он обратился к Подгурскому, — съезди туда, узнай максимум информации и перекрой ее, чтобы ничего не просочилось в газеты и на телевидение. Нам только драки накануне выборов не хватало. Спасибо, Настя. Ах, хорошо, горяченький, с молочком, как я люблю. Жениха тебе, прораба на большой стройке. Ну, что скажешь? — он снова обратился к своему заместителю, дождавшись, пока Настя закрыла большую, обитую темно-вишневою кожей дверь.

— Я сейчас поеду, а ты позвони Мурадян. Пусть он все соберет и безжалостной рукой набросает картину. Нам ни предателей, ни драчунов не надо. А знаешь, сдастся мне, что это провокация губернатора. В людном месте, да еще гражданских задела...

— Этого исключать нельзя. А заодно и... Анастас Сулейманович? Приветствую, дорогой! Бронницкий беспокоит. Да, как жизнь? А? А как же, так и должно быть! Слушай, говорят, что на Староскитских озерах карась в две ладони леску рвет. Ну да! Я тебе говорю, пацаны привезли, не поверишь, как лежи в натуральную величину. А? Конечно, давай, об чем базар. В пятницу? Ладно, созвонимся. Слушай, ты еще не в курсе? В общем, драка у нас крупная в «Суперпарке». Слушай, Анастас, к тебе просьба. Ты, как всегда, дай полную информацию. Да, сейчас туда Подгурский выезжает. Давай. Будь здоров.

Он отпил кофе, засунул в рот барбарисовый леденец и сказал Саньчу:

— Давай езжай, он сейчас туда сам подкатит. Хотя после ОМОНа... сам понимаешь...

— Да уж, наш ОМОН работает как слон. Я удивляюсь, как ты пьешь сладкий кофе? Не сплнется?

— Не бойсь, я сладкого в детстве не доел. Жду тебя с докладом. Слушай, Виталь, — он остановил Подгурского на пороге, — подумай на досуге, что будем делать с портом. Там тридцать вакансий надо закрыть. Ума не приложу, где народ брать? Может быть, смотаешься в военкомат?

— Ну, вообще-то, Анна Макаровна все нормально делает, народ идет...

— Народ-то идет, но ведь его еще готовить надо. А тебя прошу, помоги ей, ладно?

— Добро, Гарейч!

— Значит, дорогой Пётр Ринатович, ты совсем отвергаешь диалектику развития как первооснову движения вперед философии и, соответственно, всех жизненных процессов? — Этот вопрос упал как запоздалый снаряд в конце продолжительной артподготовки. Точнее говоря, между второй и третьей артиллерийскими дуэлями.

Ринатыч вытер платком лоб и губы и снова приложился к кофе:

— Да нет же, дорогой мой Борис Иванович! Ну разве я, советский человек, до оскомины жевавший эту диалектику еще в школе, а потом и в двух институтах (при этих словах я приподнял брови: «Ничего себе, когда это Бардов успел заполучить второе высшее? Надо будет поспрошать у него в подходящий момент»), могу забыть эту диалектику, мать ее. Ой, простите, Лерочка...

Мы только-только подошли к беседке с писателями после долгой прогулки по большой территории загородной виллы «Брони». Я воспользовался приглашением Леры к телефону и выскользнул вместе с ней в парк. В общем-то, я имел на это моральное право, поскольку считал, что писательская позиция гораздо сильнее у Бардова, чем у меня, и отсвечивать в тот момент, когда он умело вел партию, было бесполезно со всех точек зрения. Лера сразу сказала про звонок шефа о массовой драке с участием охранников в центральном магазине Петропавловска. Мы обменялись мнениями, что это может быть и провокация — и как это можно использовать в наших целях. Только я собрался отпустить дежурный комплимент о переменчивой майской погоде и сходной с ней по форме и по содержанию женской душе, но Лера опередила меня и, оглянувшись, положила мне руку на плечо:

— Фёдор, надеюсь, ты сможешь мне написать пресс-релиз?

Ну как я мог не помочь такой принцессе...

Через миг наши губы встретились в поцелуе, а в следующий момент мои руки сомкнулись на талии Леры, а ее — обвились вокруг моей шеи. Я долго не мог оторваться от таких сладких губ. Наконец я вдохнул, чтобы впустить в легкие порцию весеннего воздуха, настоящего на травах, молоденьких листочках березы и волнующем аромате духов Леры. Но она снова опередила меня: торопливая, красивая и восхитительная.

— Я сегодня постараюсь остаться здесь под предлогом срочной работы. — Она посмотрела прямо в мои глаза и нежно и коротко поцеловала.

Я стремительно поднял ее на руки, крутанулся вокруг своей оси и снова поставил мою пушинку на землю.

— А тетя Сима нам не помешает? — Я улыбнулся и крепко прижал Леру к себе, почувствовав ее маленький животик и высокую грудь.

— Я с ней договорюсь! — шепотом сказала она, оставив руки на моих плечах.

Никого не было вокруг, только майские жуки делали новые заходы на березы и редкие комары рискованно выскакивали из тени деревьев под лучи солнца.

— Скажи мне, пожалуйста, только честно, и не смейся, прошу тебя!.. Мы победим? — В ее голубовато-серых, с еле заметной прозеленью гла-

зах я увидел немного наивности, удивления, восторженности и еще чего-то, чего не смог понять.

— Уверен! — ответил я. — Залог тому — Бардов, он мастер в таких делах. Он уже приводил к победе трех губернаторов области и президента одной республики. И потом, мы наметили правильную политику. Шеф уже завтра поедет выступать по районам. Тексты мы ему подготовили. Газету начали делать, так что все окей! — Я не удержался и поцеловал еле заметную родинку на ее правой щеке.

— Да все это понятно! Но ведь должно что-то быть особенное, изюминка какая-нибудь? — настаивала Лера.

— Это тебе сказали на курсе теории общественных связей в университете? — Я улыбнулся.

Вдали показалась беседка, и она отпустила мой локоть, но продолжала идти рядом.

— Не смейся! Только и знаешь, что смеяться над бедной провинциальной дурочкой!

— Наверно, должна быть какая-то особенность. В принципе, она всегда возникает по ходу дела, в зависимости от местных условий. Мы сейчас как раз и думаем с Ринатычем, чтобы доложить твоему боссу.

Мы подошли к беседке, я прислонился к столбу и стал слушать разговор литераторов, а Лера, немного отойдя, опять стала звонить по мобильному телефону. Трубка была большая и тяжелая, она выглядела немного громоздкой в ладони девушки.

— Коллеги, я предлагаю оставить пока в стороне наши философские и литературные изыскания, тем более что, я вижу, вы время зря не теряете, остаетесь в форме. Давайте поговорим о конкретных делах наших грешных. — Бардов поправил очки и посмотрел в пустую чашку. Та же самая картина была у всех, от пирожков Симы-апы тоже не осталось и следа.

«Да, зверский аппетит у братьев-писателей», — подумал я и сделал знак Артуру, чтобы он принес к столу что-нибудь еще. Он кивнул и пошел быстрой походкой в дом, а я снова прислушался к голосу нашего соловья.

— Как вы смотрите на литературный конкурс об охране и вообще о бизнесе?

— Ну-у... ведь это конъюнктура, Пётр Ринатович! — живо отреагировал благообразный дядька в белой рубашке, темном галстуке и светло-сером пиджаке, из-под которого виднелась цветная жилетка. Его звали Борис Иванович Провоторов, он был доцентом-филологом в местном университете. Именно к нему больше обращалась Лера, когда мы вышли из машины и стали знакомиться. Этаким кадет из второй, еще дореволюционной, Государственной думы. Тонкая золоченая оправа, ироничные глаза, с прямым пробором седоватые волосы и небольшая аккуратная борода клинышком.

— Ну почему сразу конъюнктура, Борис Иванович?

Все повернули головы влево. Возражение принадлежало очень худому, уже немолодому, с абсолютно голым черепом мужчине с тихим, но

уверенным голосом. Он был бы незаметен, если бы не быстрые и пытливые ярко-черные глаза, в которых светился незаурядный ум. И еще на меня произвела впечатление одна деталь его туалета — шейный платок. Его незатейливая расцветка очень шла художнику и подчеркивала овал его интеллигентного лица. С другой стороны, фуляр таил в себе некий вызов окружающему миру и одновременно показывал традиции, только один намек на которые вызывал к их носителю трепетное уважение. Глядя на этот кусок шелка, я вспомнил историю с одним знаменитым парижским кутюрье. Когда он ушел в мир иной, то публика просто умирала от желания увидеть хоть краешком глаза его гардероб. Но там нашли всего три костюма, пару пиджаков, десяток сорочек и... бесчисленное количество галстуков, бабочек, фуляров и платочков. А ведь всем казалось, что он каждый день менял свой наряд полностью!

— Можно ведь поработать в жанре очерка или эссе. А там, глядишь, что-то выльется и в более крупные формы. Только как это будет оплачиваться? — Он щелкнул старой тяжелой зажигалкой и закурил «кент».

Я был готов поспорить с кем угодно, что зажигалка старая немецкая, возможно, еще подарок с войны, и брелся ее нынешний хозяин «золингеном». Его впалые щеки втянули дым, который вышел через нос, а адамово яблоко немного дернулось и встало на место. Худого звали Алексеем Сигизмундовичем Христофоровым, он был профессором, кажется, экономики. Я, к сожалению, не запомнил этого, когда мы были представлены друг другу. Но в памяти осталось, что Бардов сказал о нем как о независимом эксперте, связанном с бизнесом.

— Оплата намечена в виде конкурса. Согласен, что это может быть и не обязательно чистая литература, например, анализ рынка через исторический ракурс или ваши размышления, — ответил Ринатыч.

— А кто будет оценивать? — Голос подал еще один участник беседы — среднего роста, плотный, еще достаточно молодой, но совсем седой мужчина, одетый в батник и почти домашний пуловер на пуговицах. «Надо посмотреть, может быть, у него на ногах стоптанные шлепанцы», — чуть усмехнулся я.

— Директора ЧОПов, разрешители из МВД, общественные организации малого и среднего бизнеса, привлечем ваших коллег-филологов, критиков, если они у вас еще обитают. Прошу вас, господа, сначала был кофе, а теперь чай. О, пирог с малиной! Просто объеденье! — Ринатыч подцепил солидный кусок выпечки с малиновым вареньем — очередного произведения кулинарного искусства Симы-апы.

Я поблагодарил Артура и сам поставил чайник и большое плоское блюдо с нарезанным пирогом. Потом, несколько не сомневаясь в правильности сделанного, присел к столу и тоже, как и все остальные, стал уплетать малинник с мятным чаем. Сосед справа наклонился ко мне и тихо спросил: «Как прогулка?» Я кивнул с улыбкой.

— Ну что же, коллеги, будем считать — мы договорились! — Это был уже не вопрос, а залихватское утверждение в кругу друзей и единомышленников.

— Петь, а как ты посмотришь на то, чтобы вместе с историками провести «круглый стол» на тему охраны в литературе и публицистике? — Христофоров изящно загасил сигарету, выкуренную до половины, в хрустальной пепельнице и прихлебнул чаю.

— Я только за, парни. Но боюсь, что материала будет маловато, поэтому пригласите еще экономистов. Но учтите, это без оплаты. Естественно, соберем прессу, накроем столы не самые шикарные, но на зубок будет что положить. Часика три можно пообщаться.

Он, как гостеприимный хозяин, снова улыбнулся, поднялся из-за стола и широким взмахом обеих рук пригласил прогуляться по парку. Все последовали его примеру и стали медленно удаляться под тень берез.

Я посмотрел на часы. Подошло время обеда. Я хоть и перекусил восхитительной выпечкой, но отказываться от обеда нашей хозяйки не хотел. «Ладно, проводим мастеров пера и предадимся чревоугодию! А потом...» — Я зажмурился от предвкушения того, что меня ждало вечером и ночью. Лера стояла одиноко возле микроавтобуса. Я подошел к ней:

— Новостей не было?

Она покачала головой, продолжая тихо разговаривать по мобильному. Я пошел в дом.

Было девять часов утра. Бронницкий и Подгурский сидели напротив друг друга за большим столом совещаний в кабинете шефа. Был тот редкий момент в работе, да и в жизни (поскольку работа, как в свое время служба, давно стала ее неотъемлемой частью), когда обсуждены самые острые проблемы и намечены планы. И вдруг на двух людей обрушивается усталость, накопившаяся за многие дни непрерывной борьбы со временем и обстоятельствами. Она превращается в некое оцепенение, прерываемое лишь глотками горячего кофе. Такая опустошенность чаще бывает в бане, после того как три или четыре раза случается зайти в парилку, нахлестаться вениками до одурения, потом охладиться в холодной озерной воде и употребить большое количество пива с соленым и жирным, поэтому невообразимо вкусным чебаком, привезенным приятелями с Колымы... и наступает минута тишины, завершенности и безмыслия. Не потому что мыслей мало или они не генерируются. Нет, просто организм, отрубив желание что-либо делать и думать, включил защитный механизм в виде только тупого созерцания. Именно в такие мгновения рождается фраза, которой суждено быть повторенной потом много раз: «Хорошо сидим!»

Два занятых человека пришли специально за два часа до начала рабочего дня, чтобы без назойливых отвлечений на мелочные дерганья решить большие и большие вопросы. Но, решив их, они почувствовали себя так, как будто проработали без отдыха и сна несколько суток. Снаружи доносились слабые звуки набирающего ход дня: шум проезжающих троллейбусов, гудки буксиров с реки, слабый стук каблучков в коридоре, звонкий и быстрый — Насти, помельче и поглуше — Анны Макаровны, главной кадровички, которая недавно покинула этот кабинет, умудрив-

шлись даже в такой момент решить с начальниками один вопросик по вакансиям.

— Значит, ты думаешь, что все-таки провокация? — Первым нарушил долгое молчание, как и полагается генеральному директору, Бронницкий. Он давно откинулся на резную спинку высокого стула и наблюдал в стекле напольных часов веселую игру солнечных зайчиков.

— Скорее... непреднамеренная провокация. Думаю, они хотели замаскировать инцидент под ревность. На всякий случай, мало ли что! — Подгурский отпил кофе, вытянул ноги и сложил руки на груди.

— Ну и какие выводы? — снова спросил шеф.

— Я бы все-таки подождал заключений Мурадяна. Это во-первых...

— Это само собой! — отреагировал Бронницкий.

— А во-вторых, самое интересное, Алексей, что наши парни действовали строго по инструкции. Сначала, сколько могли, сдерживали хулиганов. Ну а когда те оборзели, то ответили.

— Ты хочешь сказать, что провокаторы надеялись выставить наших бойцов виноватыми в итоге? Но вот вопрос: почему Сергеев, начальник караула, был пьян? Не пойму, в разгар дня набуздыриться?.. Совсем страх потеряли, что ли?

— Не кажи гоп. Знаешь, я запах спиртного учуял еще с улицы. У меня такое ощущение, что там специально все забрызгали водярой, и от одежды Сергеева просто разило.

— Да... если все так, то готовились они долго. Как там, кстати, двое наших в больнице?

— Ничего, лечатся вместе с омовцами. У одного ушиб головы, у другого посложнее — перелом руки и крупная рана на бедре. Представляешь, эти ублюдки кассу металлическую сломали. Как умудрились?

— А менты?

— Сержанту разбили голову, но ничего опасного.

— Лера отработала пресс-релиз?

— Да, я посмотрел. Все нормально.

— Слушай, — Бронницкий встал, подошел к окну и повернулся к своему заму, — жалко все-таки ее сливать, привык я, что ли, к ней? А, Саньч?

— Гарейч, я тебя понимаю, девчонка она симпатичная, даже где-то милая. Но ведь ты же видел кино? Видел. Разговоры записанные слышал? Слышал. И потом, если бы не она, порт давно упал бы в наши руки и не пришлось бы подключать чекистов. И ты не забывай, дядя Ваня подтвердил документально, что она у них зарплату давно получает.

Дядей Ваней они звали своего осведомителя в канцелярии губернатора.

— Ведь ничего мы ей плохого не сделали, а?

— Брось, не переживай! Ее еще в универе вербанули.

— Значит, «Досуг» и геев сливаем. Как это сделаем?

— Мы договорились с Бардовым, что заговорим об этом как бы незначай при ней. Сначала тихо, а потом я усилю, что это, типа, идея моя.

Заодно и тебя отмажу. — Подгурский тоже подошел к окну и приятельски хлопнул Бронницкого по плечу.

— Ну это не главное. Фёдор в курсе?

— Нет. Пусть не знает. Он в нее втюрился, уже переспали. Серафима доложила.

— Жестко все у тебя.

— А что делать? Сам знаешь, с волками жить...

Первое, что бросилось в глаза, когда я вышел из низенькой избушки и сразу оказался среди высоченных сосен, был туман. Молочно-густой, он не двигался, и чудилось, что сейчас из него вылезет медведь с большим карасем в зубах, по-хозяйски оглядит взъерошенного и невыспавшегося чудика, который трет ладонями лицо и пытается запахнуть не по росту большую телогрейку, и погребет к себе в тайгу. Было так тихо, что можно было услышать скрип сапог и хруст ветки за много километров отсюда. Пахло сыростью, сосной и... собакой. Я оглянулся, чтобы увидеть здоровенную кавказскую сторожевую овчарку Буздыря, но почувствовал его прикосновение к ноге. Псина сидела возле моей ноги и так же внимательно смотрела на озеро, поверхность которого только угадывалась в тумане. Я погладил густой загривок кавказца, тот поднял голову, закрыл глаза и в такт движению руки стал тереться о мою штанину.

— Добрый он у вас какой-то... — сказал я неожиданно вынырнувшему из леса Подгурскому. Тот уже был одет в рыбацкий камуфляж и не ежился под каплями, падавшими за шиворот с больших кустов тальника. Он вынул сигарету изо рта и смахнул пальцем пепел.

— Добрый, потому что чувствует хорошего человека. Если сам не видел бы, как он однажды защищал меня с Бронницким от медведя, никогда не поверил бы, что этот милашка может быть злым.

— Так это он нападал на дикое животное. А к человеку, наверно, любому ластится? — Я перестал гладить пса и смотрел в его умные и преданные глаза, которые он переводил то на озеро, то на людей.

— Не скажи. Тут люди разные бывали. Не ко всем он вот так запросто подходит. — Саныч выбросил сигарету и накинул капюшон. — Нет, он не лает, не сердится. Он просто кого не любит, к тем не выходит, сидит у себя в будке или в вольере. Даже не смотрит в их сторону, презирает, что ли. Слушай, ты чего все ежишься, иди рожу ополосни в озере и приходи на веранду. Надо чаем полечиться после вчерашнего. Да и пора удочки забрасывать. — Подгурский ухмыльнулся и пропал в тумане. Был только слышен скрип старых ступенек лестницы, по которым он поднимался на веранду.

«Да уж, вчера мы дали...» — подумал я, но тут же мысли выпорхнули из головы вместе с прохладной водой, которая уже стекала по лицу и дальше, щекоча грудь и спину. Умывшись, я почувствовал себя гораздо лучше, даже захотелось выпить горячего чаю и съесть пирожок.

Вечер прошел замечательно, сначала немного выпили и закусили, потом так напарились в просторной липовой бане, что озерная вода по-

казалась парным молоком. Затем, уже под золотой закат, который превращал стволы корабельных сосен в блестящие столбы из благородного металла, одевшись потеплей, мы погуляли с Лерой по лесу. Было хорошо и покойно. Мне совсем не хотелось говорить о делах, а только смотреть на светлые волосы Леры, выбивающиеся из-под платка, по-крестьянски повязанного на головке, когда открытым осталось только ее милое лицо, теперь лишенное косметики, а поэтому еще более трогательное. Она же, наоборот, старалась все больше узнать о предстоящих планах. Наверно, это должно было меня удивить или насторожить, но в том приятном состоянии неги, в каком-то розовом и размытом свете — не было места резким теням сомнений.

— Скажи, это правда, что вы хотите провести гей-парад и выпустить новую газету «Досуг»? — спросила Лера.

— Не может быть. Во дает Рафаэль! — Я от души рассмеялся. Кажется, это получилось естественно. Во всяком случае, Лера, судя по ее лицу, ничего не заметила.

— Рафаэль? А кто это? — удивилась она.

— Да мы так Бардова в редакции прозвали в честь одного испанского певца за его любовь песняка давить на наших междусобойчиках, — ответил я.

— Он еще и поет?

— Еще как! Обязательно сегодня попросим. А парад, ну не знаю. Вполне возможно. Такие экстравагантные идеи в его стиле. Он всегда говорит, что избирателя надо удивить и даже ошарашить.

— А газета? — допытывалась Лера.

— Это более вероятно. Мы же все-таки спецы в этом. Да, теперь вспоминаю, что он как-то меня расспрашивал об этом. Это что-то связанное с отдыхом в городском масштабе. Всякие там программы концертные, афиши театров, выступления гастролеров... Согласна? — Чем больше я говорил, тем все увереннее чувствовал себя.

— Не знаю, чего вы там напридумали! — неожиданно зло ответила Лера и хлестнула веткой, которой отмахивалась от редких комаров, ближайшее дерево.

— Ты чего? Что-нибудь случилось? — Я остановился и стал смотреть ей в спину.

— Да все нормально! Устала я что-то. Два года после школы без отпуска. — Она повернулась ко мне, подошла и обхватила руками, положив голову на грудь.

Я обнял ее за плечи, поцеловал в губы и, пытаясь увидеть, что она хотела спрятать в бездонной сероватой голубизне своих глаз, сказал:

— Ну вот выиграем выборы, и отдохнешь!

— А ты считаешь, что мы выиграем?

— Вы слишком пессимистичны, мадемуазель Кристальникова. Все идет по плану, газета наша скоро начнет выходить, журналисты и писатели пишут, шеф на следующей неделе поедет в тур по области на броневике, будет поднимать народ на борьбу с преступностью. Сейчас это

самая большая проблема. Главный милиционер тоже не отстает. Все будет нормально, вот увидишь. — Я снова обнял ее, на этот раз покрепче.

— Задавишь, медведь. — Она ответила длинным поцелуем.

— Жалко, что Серафима приехала с нами, да? А то бы мы ночевали одни в маленьком домике? — я спросил с надеждой в голосе.

— Ничего страшного. Да и потом, нельзя мне сегодня... Пойдем в дом, а то холодом потянуло с озера. — Она взяла меня за руку и повела обратно.

— Пошли. — Я повернулся к ней, но перед этим посмотрел в сторону густых кустов багульника. Показалось, что там хрустнул сучок. «Нет, действительно почудилось». Я взял холодную ладонку в свою горячую и понял причину перепадов ее настроения...

— Хорош дремать, журналюга ты наш! — Я вздрогнул от неожиданности. Голос шефа, как я уже привык называть Бронницкого, раздался над самым ухом и был тем более громким в таежном безлюдье. — Пришел в себя? Бери удочку. Червяков Подгурский уже накопал. На-ка стаканчик холодненького.

Ледяной душистый квас пришелся кстати.

— У-ух! — я с шумом выдохнул, как будто вынырнул с большой глубины, и уже совсем другими мне показались и предрассветный лес, и озеро, начавшее проглядывать в тумане.

Карась начал брать практически сразу у всех пятерых рыбаков. Бардов так разоспался, что его не смог добудиться даже настырный Саныч. А к нам еще присоединились заядлые удильщики: хозяин телекомпании Горелов и начальник милиции общественной безопасности областного УВД Мурадян. В последнем я ожидал увидеть настоящее лицо кавказской национальности, а оказалось, что армянского в нем была только фамилия. Но это не мешало нам всем надрывать животы накануне и сейчас, когда даже под активный клев Анастас Сулейманович умудрялся рассказывать смешные анекдоты.

Рыба брала по первости осторожно, но с восходом солнца стала активнее заводить леску в осоку или тину, отчего у меня стала ныть правая рука. Трехколенная бамбуковая удочка, и так не очень легкая, скоро стала тяжелой, пришлось периодически класть ее на козлы, чтобы встряхнуть кисть. Но ни тяжесть, ни затекающая рука, ни постепенно одолеваяющие комары не могли лишить огромного удовольствия подсечки, вывода и выброса крупного экземпляра карася на берег. Садок все больше наполнялся, и его содержимое с каждым падающим туда живым золотым слитком становилось все шумнее и шумнее. Мы уже сбросили телогрейки и бушлаты, разгорячившись в лучах вставшего солнца и после выпитой по полстакана «Таежной». Где-то около десяти утра рыба стала брать реже и пошла меньшим размером. Скоро к нам подошел егерь Василич, он вытянул бороду лопатой и заглянул в вытасченный садок:

— Добре, молодцы! Айда, мужички, шашлыки ваши уже согрелись, а водочка тоже нагревается, что ей противопоказано! — Егерь взвалил на плечо тяжелый садок, где билось в неистовом стремлении осво-

бодиться множество карасей. От игры солнечных лучей в их роскошной чешуе невозможно было оторвать глаз. Я забросил последнего червяка и подсек после очень быстрой поклевки, к своему удивлению, мелкого окушка.

— Ну-у, раз пошел этот, вечно голодный, — воскликнул Василич, — то действительно пора кончать, ребятки.

Мы подошли к столу, где что-то оживленно обсуждали Бардов, Лера и Серафима. Они явно приняли уже не по одной рюмке, к тому же на земле валялось несколько пустых бутылок из-под пива.

— Та-а-ак! — протянул Подгурский. — Мы там, понимаешь, выполняем рыболовецкий план, а они тут пивком балуются да копченой щучкой заедают...

— А что, вас ждать, что ли, пока вы всю рыбу поймаете? — слишком весело и нараспев ответил Ринатыч, и тут началось: — Широка-а-а страна моя родная-я...

Песни мы пели до обеда, потом поели душистой и «пьяной» ухи, когда перед окончанием варки туда добавляют сто граммов водки, и стали собираться домой. Дед Василич настолько был растроган вокальным талантом Бардова, что даже прослезился и подарил напоследок ему бутылку кедровой настойки с женьшенем десятилетней выдержки и всячески приглашал московских гостей приехать еще.

Когда уже подъезжали к нашей резиденции, Рафаэль как бы невзначай спросил меня уже почти трезвым голосом:

— Лера тебя спрашивала про парад и «Ваш досуг»?

— Да, а что?

— Да так, ничего. Нормально порыбалили! Ох, хорошо! За что люблю командировки, так это за то, что можно выбраться на природу. В Москве хрен это увидишь. — Он вышел из машины и по-хозяйски стал помогать Серафиме выносить вещи.

«Да, спелись голубки», — подумал я, глядя на них, и вспомнил, как мелькнул в передней машине Лерин голубой платочек.

Через несколько дней я искал по многочисленным коридорам охранный холдинг Бардова, чтобы показать ему готовый оригинал-макет «Брони». На мой взгляд, газета получилась на славу. Там было два очерка-портрета охранника и начкара, а также рассказ о ветеране, который до сих пор работал на фирме. Но гвоздем номера стал материал о награждении лучшего по итогам года начальника смены однокомнатной квартирой. Конечно, если читать статью внимательно, то станет понятно, что «однушка» досталась молодой семье не совсем бесплатно. На половину суммы контора дала беспроцентный кредит на пять лет, а другие пятьдесят процентов действительно оплатила. Это подчеркнул и Бронницкий в своем интервью, которое шло послесловием: «Таким образом, мы хотим не только поощрять лучших работников, но и закреплять их у нас. Естественно, что мы заинтересованы в возврате ссуды, а стало быть, и в том, чтобы сотрудник двигался вверх по служебной лестнице!» Но все

равно ребята были просто счастливы, когда я был у них в гостях и пил чай с необыкновенно вкусным брусничным вареньем в новенькой квартире. Их радость была видна и на удачной фотографии на первой полосе, где младенец сиял голливудской улыбкой.

Я прошел первый этаж и начал тыкаться в двери второго. Наконец одна симпатичная птаха, как говорил сердцеед Рафаэль, «трепещущая девчушка», из отдела маркетинга сказала, что видела недавно старичков в парке. Я действительно застал там этих высокородных мужей, разодетых, к моему удивлению, в пух и прах: роскошные темных тонов двубортные костюмы, белоснежные сорочки и умопомрачительной расцветки бабочки, которые, хоть и выглядели кричаще, но шли обоим. Они о чем-то громко разговаривали, при этом жестикулируя. «Странно, — подумал я. — Обычно Ринатыч никогда не машет руками, когда доказывает свою точку зрения. Чем это его так раззадорил Подгурский?» До меня донеслись слова «ты гарантируешь», «опасно» и «можно залететь».

— Вы чего это, отцы, так расфуфырились? — небрежно спросил я. Они заметили меня в последний момент и не сразу погасили чувства на лицах.

— Да так, — как можно спокойнее проговорил Рафа. — Вот поспорил с Виталием Санычем, с каким процентом победят наши ребяташки, в первом или же во втором туре.

«Так я тебе и поверил!» — подумал я, но вслух сказал:

— Пётр Ринатович, подпишите макет номера, пожалуйста. Все готово.

— Молодец! — Старший коллега пролистал распечатки, кивнул на первополосный материал про квартиру и обратился к собеседнику: — Не хочешь посмотреть на своего крестника?

— Да че я там не видел...

Голос Подгурского показался мне каким-то странным, но я не успел ничего подумать больше, как ко мне обратился Бардов:

— Сегодня не жди меня к ужину. Пусть Серафима тебя одного кормит. Мы вечером идем на прием к губернатору. — Его голос получился непривычно заботливым.

«Вот куда вы намылились!» Я с удовольствием представил, как после разносолов Симы-апы, а сегодня она анонсировала бешбармак, заваюсь читать книжки про партизанское движение в Сибири во время Гражданской войны. Странно, что в такое время, когда полки столичных магазинов были завалены зарубежными детективами и фантастикой, местные издательства находили возможность печатать совсем немассовую литературу.

На следующий день рано утром меня разбудил громкий бодрый голос моего соседа:

— Вставай, засоня. Как говорили у нас в деревне старухи: «Невесты давно уже твои ворота обосрали, а ты все дрыхнешь». Ты не пред-

ставляешь, что вчера было! Так обосралась команда губернатора... Извини за каламбур. Кстати, знаешь, откуда пошло это слово? Не-е-ет, будущий главный редактор «Российской энциклопедии частной охраны»! При дворе Людовика, кажись, четырнадцатого по счету, жил немецкий граф Каламбур... ну или что-то вроде того. Так вот, он страшно коверкал французские слова и смешил этим придворную публику, отсюда и пошло нарицательное слово — «говорить каламбур». Понял, будущий председатель Союза журналистов? Да ну его к лешему, этот Союз. Что-то я заболтался. Ладно, извини, продолжаю. Принесли новую их предвыборную газету, «Ваш досуг» называется. Там про ваш досуг, думали все, концерты и гастролы. А кто-то возьми и пошути, что объявления про интим на заборах тоже называются «Ваш досуг»! Ты не представляешь, губернатор чуть не убил при всех начальника отдела культуры! Народ весь прием прикалывал друг друга: «А вы как проводите досуг?»

— Я не понял, Пётр Ринатыч, вы не ложились, что ли?

Бардов стоял передо мной выбритый, надушенный, в свежей рубашке и новом галстуке. А я изо всех сил, как маленький ребенок, тер лицо, силась проснуться. Каюсь, я так увлекся подвигами партизан из отряда Каландаришвили, что, зачитавшись до полвторого ночи, так и не услышал, как вернулся к себе Рафаэль.

— Родина ждет от нас новых подвигов, дорогой мой будущий почетный член Нобелевского комитета по литературе. Кто рано встает, тому бог подает. Протри глазки и пошли завтракать, Сима-апа уже тебя звала.

Во время завтрака я соображал о том, что план дезинформации начал осуществляться. Когда мы сели в машину, я попытался спросить об этом своего искрометного начальника, но тот неожиданно попросил водителя Артура настроить радио на местные новости. И тут же в салон «хаммера» ворвались шумы улицы, крики и немного взволнованный голос комментатора:

— Мы ведем наш репортаж с первого в истории нашего города гей-парада, который проходит под патронажем губернатора. Только что нам стало известно, что он выступит с приветственными словами к сексуальным меньшинствам. Тем более что для этого представился удобный случай, колонны «голубых» и «розовых» вот-вот продефилируют мимо губернаторской резиденции. Но странно... э-э... на балконе никого нет. По толпе пронесся слух, что глава области заболел. Ну что же, в таком случае мы желаем нашему руководителю скорейшего выздоровления. А тем временем, уважаемые радиослушатели, мы сейчас проходим по главной улице столицы области — Енисейской. А если быть точнее, то мимо «Пассажа», откуда выходят труженики первого в области магазина «Интим» и присоединяются к маршу. Наше «Открытое радио» продолжает вести репортаж с марша. Сейчас я хотел бы обратиться с несколькими вопросами к человеку, который идет рядом со мной. Это Борис Тростинюк, он лидер «голубого» движения города. Но... э-э... извините, происходит что-то непонятное. Милиция, которая все время наблюдала со стороны, сейчас просачивается сквозь толпу и пытается забрать портрет

губернатора, на котором написано: «Он — наш выбор, мы — его выбор». Извините, что...

Передача прервалась, пошла музыка. Я поймал себя на мысли, что смотрю на Ринатыча с открытым ртом.

— Закрой рот, Федя! То ли еще будет! — улыбаясь, ответил мне ценитель бардовской песни.

Тем временем мы подъехали к особняку «Брони», быстро прошли охрану и буквально взбежали по старым чугунным лестницам в кабинет Подгурского. Там веселье уже кипело вовсю. Саныч вместе с Бронницким пили шампанское, и уже не первую бутылку.

— Где вас черти носят? Тут такое... — Подгурский и шеф пожали нам руки, а Саныч крикнул в приемную:

— Настёна, принеси еще два фужера!

— За что пьем? — Я с удивлением посмотрел на бутылку «Вдовы Кликко». — Где вы такое достаете, Алексей Салимгареевич?

Но вместо ответа он остановил меня рукой, и все усталились на экран телевизора. Там, при всех регалиях и наградах, возник наш отец родной, начальник областного УВД.

— А сейчас ситуацию с маршем сексуальных меньшинств прокомментирует главный милиционер области генерал Воскобойников, — произнес голос за кадром.

— К сожалению, ничего конкретного я сказать не могу. Мне было приказано губернатором разгонять митингующих и изымать у них его портреты. Но я не выполнил это распоряжение, поскольку шествие было законное, санкционированное властями. Никаких нарушений общественного порядка не было. Никаких противоправных лозунгов или призывов также никто не заметил, жалоб от населения не поступало. Милиция продолжает действовать строго в рамках закона.

Громким ржанием ответило эхо на слова генерала милиции под звон фужеров с шампанским. Именно в эту минуту я понял всю хитроумную комбинацию Бардова. Сквозь игру пузырьков в бокале мне показалось, что изображение генерала на экране нам слегка подмигнуло.

Что было вечером, я помнил не очень хорошо: много пили, потом поехали в ресторан Бронницкого. Оказывается, у него был и такой объект в собственности. Там под конец все танцевали и пели с цыганами — и о том, каким образом я добрался домой, у меня было смутное представление. Скорее всего, меня, как и многих уже нетранспортабельных, просто положили в машину и привезли в особняк. Помню только, что я искал Леру, а когда уже крепко принял на грудь, начал приставать с этим вопросом к Бардову и Подгурскому.

Рано утром, когда еще только забрезжил рассвет, моя раскальвающаяся голова дала сигнал на подъем. Надо ли говорить, что остальное тело было категорически против этого. Я медленно сполз с кровати и, держась за стены, доковылял до кухни. Удивительно, но посредине стола стояла большая бутылка минералки. Я вылил ее прохладное со-

держимое в себя и потом долго сидел на табуретке, привалившись к столешнице и выпуская из себя мерзко пахнущие сивушные пары. Надо было сделать следующий мучительный шаг — поползти до душа. После нескольких длинных и коротких, горячих и холодных дождевых волн я долго сидел на полу душевой кабины и, наверно, задремал, но вода попала в нос, я закашлялся и выключил кран. После такой оживляющей процедуры я снова завалился спать и проснулся около девяти часов от громкого стука в дверь. В спальню вошел Сергей, наш второй водитель и охранник.

— Фёдор, пожалуйста, вставайте. У нас беда.

«Они еще и вежливыми могут быть!» — зачем-то подумал я, надевая халат и путаясь с поясом и большими карманами, из которых его надо было достать. В точно таком же халате вошел сильно помятый и взлохмаченный Ринатыч.

— Так, Сергей, теперь спокойно расскажи, что случилось... — Его уверенный голос никак не вязался с внешним видом.

— Ночью наш патруль заступился на улице за двух девушек. А в ответ парни получили нож в грудь и выстрел из газового пистолета в лицо. Насколько я понял, глаза лишился Виктор, мой кореш. Мы с ним из одного райцентра, из Семиозерска.

— Так их что, насильовали, что ли? — Бардов оказался на удивление осведомленным.

— Типа того, — ответил Сергей. — Мне приказано срочно везти вас в контору.

— О господи! — Все повернулись к стоявшей в дверном проеме Симе-апе.

Офис «Брони» в этот час напоминал разбуженный улей, будто кто-то пытался напасть на него, утащить весь запас меда, уничтожить пчел и забрать матку. В коридорах было полно милиции, людей в штатском, тут же разворачивали свое оборудование телевизионщики, туда-сюда бегали два секретаря, Маша и Настя. Я попытался найти Леру, но никто не знал, где она. В конце концов я пробился к отделу кадров. Его начальница, с грустными глазами, периодически всхлипывая, напоила меня чаем с мятой, сама выпила сердечных капель и только потом вспомнила, что вчера кто-то позвонил и сказал, что Лера заболела.

Вдруг дверь распахнулась, и на меня набросился Рафаэль:

— Вот ты где! А мы тебя ищем.

Оказалось, что никого, кроме меня, не нашлось, чтобы написать грамотный пресс-релиз, который через полчаса выдал в эфир бледный, но спокойный Бронницкий. А еще через час, когда следователи опросили всех, кого надо, а пресса записала и сняла всех, кого можно, мы собрались в личной комнате босса. Он, Подгурский, мы, пять директоров ЧОПов и секретарь Настя.

— Итак, подытожим! — Голос Салимгареича звучал немного глухо. Он привычно, поверх очков, оглядел собравшихся. — Каково состояние парней? — Он повернулся к директору первого ЧОПа.

— Виктор Сугробов потерял левый глаз. Сейчас в реанимации. Опасности для жизни нет. Второй, Африкан Прокопьевич, начальник смены, получил два ножевых ранения в грудь. Он тоже в реанимации. Ничего страшного нет.

— Как все произошло?

— По показаниям Сугробова, когда он еще мог говорить, девушек и водителей, проезжавших мимо, был шум и крики за забором овощебазы. Наши вышли посмотреть, девчонки стали кричать громче, мол, помогите, пристают! Наши туда — и трое парней набросились на них. Ну и... — Директор, высокий и грузный, закашлялся, налил газированной воды из сифона, выпил и продолжил: — Прокопич доложил дежурному по рации о драке и сказал, что надо вызывать милицию. Началась борьба. В Виктора выстрелили сразу, он упал и отключился. Старшего в схватке пырнули два раза, но он успел выхватить нож и стукнул рукояткой по башке нападавшего. Этого и взяли менты тепленьким, он, кстати, уже очухался, сейчас дает показания. Через десять минут подъехало сразу два экипажа. Двое убежали, но одного уже задержали в двух кварталах от базы.

— Кто был из ментовского начальства? — спросил Бронницкий.

— Зам Воскобойникова, Концедалов.

— Да-а! — сказал шеф и посмотрел на Подгурского. Они знали, что этот заместитель был человеком губернатора. Знал это и начальник УВД.

— Значит... так! — Бронницкий хлопнул себя по коленям и встал. Прошел до окна, поправил занавеску и снова сел. — Работать в прежнем режиме. Только в наиболее людных местах удвоить посты. Сейчас возможны любые, подчеркиваю, любые провокации. Директорам и начальникам охраны усилить контроль. Виталий Александрович, ты давай в страховую компанию. Делай что хочешь, но выплаты должны быть. Я в больницу. Родственники, я полагаю, уже там? — Он снова посмотрел на директора ЧОПа.

— Да, жена и сын Африкана, а у Сугробова — одна мать.

— Настя, назначай на после обеда, часа на три, пресс-конференцию. Жду вашей помощи в этом плане, проинструктируете меня. — Он посмотрел на нас с Бардовым. — Вопросы? Тогда по местам.

Ужинали мы с Ринатычем в тишине, Серафима нам не подавала. Она написала записку с подробными инструкциями, где и что лежит, и в конце приписала, что поехала в больницу — Виктор был ее двоюродным племянником. Я развел огонь в камине, и под треск горящих березовых полешек мы выпили водки и заели ее картошкой с котлетами, которые я разогрел на сковородке.

— Что скажешь, Хвёдор? — Даже в такой обстановке Рафа был верен себе.

— А что скажешь? Ужас дикий. У меня вообще такое ощущение, что события стали как-то спрессовываться. Не к добру это.

— Почему? — Ринатыч отхлебнул чая и уставился на горящий камин.

— Да потому, что все было уж больно гладко. И особняк, и еда, и обслуживание, и все наши мысли предвыборные Бронницкий воплоща-

ет в жизнь. Ну не может быть все так хорошо, по крайней мере долго. И мы-то, как назло, все делали отлично, нигде прокола не допустили.

— Ну... насчет проколов — это еще вопрос... — Бардов закурил, удобно устроился в кресле и опять приложился к ароматному травяному чаю, который заварила Сима-апа. — А тебе не приходило в голову, друг мой сомневающийся, что дела делаются хорошо не потому, что они ерундовые, а по той причине, что их быстро и со знанием дела исполняют профессионалы?

— Да знаю я! — в сердцах махнул я рукой.

— Знаешь, знаешь, а может, и не знаешь. Ладно, не стоит на отвратительной волне копаться в себе. Неконструктивно это. Давай помоем ручки — и баиньки. А ты книжку почитай — лучшее снотворное. Только ни в коем случае не стихи или производственную прозу, тем более — отечественную классику. С нее, наоборот, изменить мир захочется.

— А что же тогда... про войну, что ли? — недоверчиво спросил я.

— Немного можно, страниц десять, не больше. Иначе во сне захочешь Родину защищать до последней капли крови, да и не уснешь толком. Другое дело — американская детектива. Интересно, поучительно, этнографично, но — неглубоко. Главное, все понятно и честно. Я имею в виду главного героя. Спится после такого чтива очень хорошо. А ты думал, почему этот жанр так популярен в мире? Да, совсем из ума вон после этих дел: Подгурский говорил, что надо съездить на пару дней в деревню, какой-то колхоз «Гигант».

— В такой-то момент?

— А какой момент? На войне как на войне. Ну хорошо, если тебе не нравится, то все равно «шоу должно продолжаться». Председатель колхоза помогает шефу деньгами, спонсирует выпуск газеты... и ему просто приятно принять у себя московских писателей. Понял? — сказал он с ударением на последнем слого.

«Еще немного, и Бардов придет в норму. Ничего его не берет», — подумал я. «И ты таким будешь лет через двадцать — цинизм будешь прикрывать шуткой!» — продолжил мысль внутренний голос. «Почему через двадцать? Гораздо раньше», — поднял голову второй внутренний голос. «Пора с этим кончать», — подумало очередное мое «я». Я вымыл посуду и пошел спать.

В колхоз мы действительно не поехали. Занимались текущими делами, ездили по митингам, общались с редакцией нашей «Брони». Провели «круглый стол» с писателями и историками. На удивление, пресса преподнесла его в целом неплохо. Даже на телевидении сделали добротную передачку, снабдив ее историческими справками и видами Петропавловска столетней давности.

В деревню мы отправились дней через десять, незадолго до выборов, и снова на броневике, как это было весь последний месяц. Он был весь обклеен предвыборными плакатами с революционными лозунгами

в духе Гражданской войны — «А ты записался добровольцем?» Хотя, с другой стороны, все, что творилось тогда в России, во многом, к сожалению, напоминало те далекие годы.

Ехали мы долго. Успели и вздремнуть, и кроссворд поразгадывать, и перекусить, благо съестного было достаточно разложено в удобных бардачках, которые в большом количестве были размещены во всех маломальских закутках и выпуклостях боевой машины. Часа через три пути она съехала с асфальта и пошла по грунтовке, как бы подтверждая, что мы все-таки в Сибири и постепенно забираемся в глухомань. А еще через пару часов медленной и тяжелой дороги революционная машина дала сбой, а может, не справился с управлением Сергей. Все-таки навыки вождения такого транспортного средства у него было мало, в чем сам наш водитель виновато признался, когда мы вылезли из лежащего на боку в глубоком кювете броневика. Оглядев место ДТП, мы поняли, что нам повезло. Еще бы немного, и боевой автомобиль по инерции мог перевернуться. Повезло и в том, что уже через час по проселочной дороге нам навстречу ехал старенький и много коптящий черным дымом трактор ДТ.

Тракторист Кирилло (я потом все допытывался, почему у него такое скругленное имя, на что он пожал плечами: «Ну вот говорят — *Петро*, а почему бы не сказать — *Кирилло*?») сунул нам свою огромную шершавую ладонь, потом матюгнулся с улыбкой, глядя на броневик, и сказал, что издавдала принял его за летающую тарелку. Мы тоже улыбнулись, а Бардов не без язвительности спросил нашего спасителя:

— А ты что же, братец, видел эти тарелки?

— Да их по телеку кажинный день кажут! А вы чего, не видали их, что ли? — удивленно спросил тракторист и стал разматывать трос.

— А я хотел спросить, что у вас в самогон подмешивают? — с улыбкой резюмировал Ринатыч и подмигнул нам.

— А?.. Что?.. Самогон — да-а, самогон у нас знатный! Да только председатель у нас строгий, следит, чтобы лишка не пили. Да что же это я, все позабыл, как увидал вашу серебряшку! Он же и послал меня проведать вас, може, застряли где...

Кирилло ловко зацепил стальной канат за крюк и постепенно вытаскивал нашего циклопа, а потом так же неспешно потащил его в деревню, до которой, как оказалось, мы не доехали по здешним меркам всего ничего — десять километров.

Центральная усадьба колхоза встречала нас восторженными криками местных жителей и беготней мальчишек и девчонок. Две симпатичные, крепкие и румяные девицы преподнесли нам хлеб-соль. Председатель колхоза, великан с добрыми маленькими глазами под мохнатыми бровями, громогласно, так что его наверняка слышали не только все односельчане, но и звери на несколько километров вокруг, заявил, что от имени всех гигантовцев приветствует московских писателей и благодарен им за то, что приехали к ним, бедным, сирым и бескультурным в своем таежном углу.

Но председатель явно поскромничал, объявив земляков темными людьми. Это стало понятно по тем вопросам, которые сначала робко, а потом все настойчивее задавали гостям колхозники. Крестьян, главным образом местную техническую и гуманитарную интеллигенцию в лице зоотехника, учительницы и директора школы, интересовали не только вопросы политики, литературы, медицины и даже оккультных наук. Больше всего народ мучился незнанием, что называется, светских проблем, например, как живут Пугачёва, Киркоров и другие народные и бесконечно любимые артисты. Меня это своеобразное представление веселило и даже умиляло. Интерес старушек к московской и губернской жизни был наполнен такой искренностью, какой я не помнил с самого детства. Как всякий творческий и эмоциональный человек, я прослезился и незаметно вытер непрошеную влагу с глаз. Завершил длинное собрание председатель Егор Акинфиевич Кедрачов. Он приказал «угомониться сорокам» и не забывать, что через два дня выборы — и все знают, как и за кого голосовать.

— И если вы, дорогие мои земляки, проголосуете за пару Воскобойников — Бронницкий, то жизнь наша будет лучше и краше. А теперь, сами понимаете, надо дорогих гостей отмыть от дорожной пыли и ваших бессовестно откровенных вопросов, накормить и в постельку уложить. Поэтому — аминь!

Все бросились благодарить гостей, приглашали их приехать еще и посмотреть на местных девок, а вдруг какая и понравится. Народ уже знал, что молодой писатель холостой, и делал соответствующие выводы. А я за все это время, пережив не одну волну откровения, восторженности и почти катарсиса, только сейчас, когда нас обдули запахи деревенской улицы и прыснул июньский дождичек, заметил, что Бардов был серьезен и даже грустен. Нет, он, конечно, отвечал на вопросы, шутил, рассказывал смешные истории, но в глазах стояла легкая тоска. Когда мы уже подошли к дому председателя, я поинтересовался причиной такой непривычной замкнутости.

Пётр Ринатович внимательно посмотрел на меня, потом на далекий лес, на ворон, которые кричали в свое воронье горло и сотнями летали над деревней, делая хмурое небо еще темнее.

— Не к добру это, Феденька. Ты же журналист, а стало быть, суевёрный товарищ. Если наш символ, броневик, попал в аварию, то ничего хорошего это не сулит и его хозяину, нашему благодетелю, и вообще...

— Странно, и это говорите мне вы, сама уверенность и непоколебимость! — Я даже оторопел от такой не столько откровенности, сколько обреченности Рафаэля.

— Ладно, пошли отдыхать. День был трудный! — вздохнул Бардов.

У Кедрачова все было большим, как и он сам. Дом с высоченными потолками и большими кроватями, с горой подушек, самая верхняя и самая маленькая из которых, кажется, упиралась в крашеный потолок. Большие комнаты, большой обеденный стол, который уже перед баней, как только мы зашли в горницу, был уставлен огромным количеством та-

релок, из-за чего мне показалось, что угощаться начнем еще до мытья. Однако вышедшая худая, высокая и миловидная хозяйка поклонилась гостям, сказала: «Добро пожаловать!» — а затем пригласила в баню.

Баня тоже была огромной, с просторным предбанником и моечным залом, где стояли большие тазы, корыто и даже ванны. Последние предназначались для младших внучек хозяина. Мылись мы долго, два раза парились, потом ныряли с мостков в маленький пруд. Потом долго сидели в обвешанном пучками сухих и душистых трав предбаннике, накрывшись простынями, утоляя жажду квасом, а затем и самогоночкой. Хозяин извинился и вышел решить какие-то свои дела, а с нами остались его сын и два внука, пацаны десяти и тринадцати лет. Они пили квас, ели сушеную сахарную свеклу, каменную от сухости соленую рыбу и внимательно слушали взрослых, зыряка туда-сюда черными глазенками. Подростки, наверно, с большой охотой поспрашивали бы далеких гостей о многом интересном и незнакомом, но было видно, что они научены не перебивать старших и говорить с ними, только когда взрослые сами обращаются к ним. К тому же ребятки немного робели перед серьезными дядьками в очках и с диковинными бородами, совсем не такими, какие носят деревенские мужички.

А серьезные дядьки и не думали особо разговаривать по нескольким причинам. Во-первых, потому что всласть наобщались с деревенскими жителями только что. Во-вторых, дальняя дорога, баня и смесь ядреного кваса и крепчайшего первача — все это вкупе делало свое дело. Мы просто сидели тупо и расслабленно, периодически вытирая обильный пот, и с удовольствием слушали неторопливую, певучую и правильную русскую речь старшего сына хозяина Михаила Егоровича. В этом состояла третья причина нашего молчания.

Разморенный баней и напитками, он признался, что в деревне денег не видели уже несколько лет, что получают их только пенсионеры и учителя, да и то нерегулярно. Нет, это не значит, что жизнь хреновая. Тот, кто может трудиться, все имеет от земли-кормилицы: хлеб, овощи, мясо, да и тайга кормит любого, кто не ленится. Это и живность, и грибы, и рыба, и ягоды. А деньги, вырученные колхозом от продажи сельхозпродукции, уходят на оплату электроэнергии, горючки и запчастей к технике. По причине последних расходов в деревне все больше предпочитают пользоваться лошадкой, хотя, конечно, в уборочную не обходится без комбайнов и тракторов. Говорил Миша так размеренно и увлекательно, перемежая современными техническими терминами забытый сельский говор, что, даже несмотря на тревожные нотки в его рассказе о колхозных проблемах, я почувствовал, что дремота одолевает меня. Может быть, я так и заснул бы, но тут появился хозяин и громогласно заявил, что ужин готов, пора двигаться, а то хозяйка обидится. Сделать неприятность гостеприимной матери семейства не хотелось никому, поэтому мы быстро оделись и пошли в дом через большой огород и сад, заполненные вечерним солнцем, океаном тишины и сероватой дымкой. И неизвестно, чего было больше.

Такого стола я не видел никогда в жизни. «И скорее всего, никогда больше и не увижу!» — подумал я, пропустив первую стопку такого крепкого самогона, что пришлось вытирать выступившие слезы. Закусывали брусникой на меду, копченым гусем, тушеной уткой, жареной кабанятиной, маленькими маринованными маслятами и солеными груздями. Я при этом умудрялся говорить с хозяином, его сыном и с красивой и такой же высокой, как и все, его женой о творчестве Есенина, Цветаевой и Пастернака, о последнем фильме Михалкова, где он показал сибирскую глубинку. Постепенно хозяина взял на себя Бардов, говорили они много, еще больше пили — и чем дальше, тем больше не обращали внимания на других под сердитым взглядом хозяйки Марии Ивановны.

Потом пошла тройная уха, затем пироги с мясом, рыбой, квашеной капустой и еще бог весть с чем. Выпили четверть местного напитка и запотевшую бутылку «Столичной», которую под одобрительные возгласы водрузил на стол Бардов, когда еще был в состоянии. Затем осушили графинчик вишневой настойки, которую скромно поставила невестка. Последним аккордом стал кувшин медовухи, так сказать, ответный жест Марии Ивановны. Сей божественно вкусный напиток подкосил меня окончательно. На короткий промежуток времени мысли сделались удивительно ясными, понятными и правильными, вот только ноги нельзя было сдвинуть ни на сантиметр. Последние полчаса застолья я сидел и просто тихо восклицал по поводу шуток Ринатыча и качества еды и питья. Сказать-то хотелось много, а получались лишь слабые кивки головы, которая уже давно находилась в каком-то приятном и густом тумане.

Как я попал на перину, как разделся и как проспал потом несколько часов, не отмечено в моей памяти. Ночью я открыл глаза, увидел на белом потолке освещенный каким-то отблеском со двора большой сучок, и снова уснул, улетаая в бесконечность видений броневика, поющего Бронницкого, танцующего Бардова и хмурой Леры.

Туннель был длинным и серым. Я двигался по нему беззвучно и мягко, успевая увидеть, как плакаты в московском метро, лица и протянутые руки гигантских старушек, потом вдалеке показалась фигура начальника станции в красной фуражке. Когда я подъехал поближе, это оказался Рафаэль, который стал тормозить меня за плечо и громко говорить:

— Феденька, проснись, мой дорогой!

«Господи, ну зачем? Я так спать хочу!» — Я разлепил глаза. Бардов стоял рядом и продолжал трясти меня за плечо.

— А-а где ваша... эта... ну-у... красная фуражка? — Я физически ощутил тяжесть своей головы и количество выпитого вчера.

— Давай вставай. Есть большое и срочное дело.

Я попытался подняться, но не получилось — в перине не было опоры. Тогда я стал двигаться к краю и постепенно съехал на пол, как с высокой снежной горки. Но стоять было тяжело, и я присел на низенькую скамеечку, откуда кровать показалась Эверестом.

— Послушай, Фёдор Сергеевич, внимательно и на всю глубину твоего замутненного самогоном сознания...

— Ну зачем поднимать... — Я попытался возразить, но Ринатыч прервал меня и снова потрянул, уже сильнее, за голову.

— Ну не надо меня трясти, — промычал я и осмотрелся. В комнате горел свет. В окне только появились первые проблески серого рассвета. «Господи, такая рань!» Рядом в сапогах и полной экипировке стоял Кедрачов, а на улице пытались завести двигатель.

— Фёдор, раз, два, три, проверка... И так, сейчас до меня дозвонился Бронницкий. Точнее, не до меня, а до нашего гостеприимного хозяина. Ладно хоть у председателя один телефон на всю деревню. Так вот, вечером арестовали Подгурского и пару его парней, их обвиняют в инсценировке нападения на охранников и, естественно, причинении им вреда. Нам приказ — сматываться в Москву. Сейчас нас на «уазике» отвезут на станцию и посадят на московский поезд, который идет не из Петропавловска.

— Зачем? — Я зевнул так сильно, что звякнула цепочка на часах с кукушкой.

— Соображаешь. Чтобы нас не мучили следователи и не обвиняли в том, что это мы придумали.

— А разве это мы придумали? — Каждое слово мне давалось с трудом и выходило изо рта медленно.

— Ага, проснулся. Сам видишь, Егор Акинфич, молодежь — она еще пить-то не умеет. Всему учить надо, — обратился Рафаэль уже к Кедрачову.

— Ничего. Главное, что у него голова светлая. А остальное приложится, — отечески, по-доброму отозвался наш хозяин.

Я окончательно открыл глаза и посмотрел на Бардова. Тот стоял в брюках и рубашке, но в его взгляде уверенности и твердости было больше, чем вчера.

— Можно умыться?

— Ну наконец-то! Конечно! — Рафаэль подмигнул Кедрачову, они взяли меня под руки, подвели к ведру с водой и окунули туда головой.

— Ух, хорошо! Хватит, хватит! Все нормально! — Я оглянулся и вытер голову полотенцем.

Через минуту я уже пил кофе за огромным пустым столом. Все были одеты и сосредоточенно смотрели на стены, на которых были развешаны портреты Кедрачовых и других смежных фамилий.

— Уж не обессудьте, гости дорогие! Примите гостинца, не побрезгуйте! — В сенях Мария Ивановна подала нам большую корзину, прикрытую тряпочкой.

Бардов поблагодарил ее сдержанно и, неожиданно для женщины, не привыкшей к такому обращению, поцеловал ей руку. Та всхлипнула и поцеловала его в лоб. Я пожал ее маленькую шершавую руку и сказал: «Большое спасибо! Извините, если что не так!» — спустился с высокого крыльца и по пути к машине оглянулся. Мария Ивановна в халате и наброшенной на него шали вместе с Михаилом, который стоял в одной длинной рубахе, махали нам руками. Бревна их дома показались мне такими крепкими, что их можно было разбить только немецкой пушкой «Дора». Да и то — не с первого выстрела.

«Черт знает, какие мысли лезут в голову с ранья!» — рассердился я на себя самого.

Мы обнялись с Артуром и Сергеем. Те, поникшие, стояли возле забрызганного грязью броневика и виновато смотрели то на машину, то на людей, которых они охраняли почти два месяца.

— Парни, спасибо за все. Будете в Москве — сами понимаете... Бывайте здоровы! — сказал Ринатыч. Мы сели в «уазик», который проехал под аркой двора, пропылил по всей деревне и помчался, качаясь, по колдобинам проселочной дороги.

Когда мы въехали в лес, к нам повернулся Кедрачов и сказал:

— Едем до станции Махновская. Да, есть у нас и такая. Оттуда через... — он отвернул рукав, — через три с четвертью пойдет московский. Поедем не по трассе, а проселками. Не исключено, что вас уже ждут гаишники. До станции вас я не довезу, пару километров пройдете пешком. Поезд стоит там одну минуту. Билеты на вас уже отложили, я позвонил. Вот так! — сказал председатель с таким выражением, как будто могло быть иначе. Он отвернулся и стал смотреть на мелькающие вдоль дороги низенькие деревья и кусты дикой малины.

В Екатеринбурге, куда мы прибыли через сутки, Бардов дал телеграмму главному редактору, что мы едем обратно. К этому времени я выспался окончательно и настоятельно попросил моего спутника рассказать все, что он знает.

— Ну прямо все-все-все... — К нему давно вернулось его насмешливо-ироничное настроение. — А если не расскажу, то что будет?.. — Он усмехнулся.

— Я прошу вас, Пётр Ринатович! Ведь люди пострадали! — Я сам удивился тому, что в моем голосе послышалась сталь.

— Ух, какой ты грозный! Ладно, все-таки мы вместе хлебали это дерьмо... и еще будем хлебать. В общем, инсценировку придумал действительно Подгурский. Я был против. Ты еще как-то зацепил кусочек того разговора, если помнишь. И, как оказалось, я был прав. Но он уперся, что нужна страховка — и все. Ну и потом, знаешь, все-таки служба в спецназе морской пехоты на Тихоокеанском флоте не проходит даром. В общем, он был уверен, что все получится. Там, кстати, мы с ним и познакомились.

— Так вы служили в спецназе? — Я не поверил своим ушам.

— А ты думал, что я все время корпел над статейками, травил в курилке байки и пил из мелкой посуды? Были и мы рысаками! Чего только стоила одна эвакуация нашего посольства из Могадишо в... ну, это неважно когда. Тогда повоевали всласть, не хуже, чем в американских фильмах. Кстати, знаешь Сашку Гурнова и Витьку Гусева с телевидения?

— Кто же их не знает...

— Я там с ними познакомился. Они были армейскими переводчиками при нашей военной миссии. Хорошие ребята и выпить не дураки.

— А почему мы об этом не знаем?

— Э-э, милай, ты много еще чего не знаешь. И как мы выполняли спецзадания в Китае, в Индонезии, во Вьетнаме, в Корее!

— Ну... война же в Корее была в 50-х годах? Это вы загнули!

— А кто тебе сказал, что мы лазили по Северной Корее? Да ты хоть знаешь, что там наш контингент стоял до начала перестройки? Впрочем, не отвечай. Вижу по глазам. Эх, рассказать и написать, но ведь никто не поверит. Да и нельзя нам, подписку давали. Подгурского даже к герою представляли. Не дали, суки! Орден Ленина вручал сам командующий флотом. Ну ладно, хватит воспоминаний. Вижу я, горит на твоём честном и беспокойном челе один безутешный вопрос.

— Да, вы правы... Куда Лера делась?

— Эх, дорогой мой Аграновский, Поляновский и Голембиовский в одном флаконе. Она оказалась «курицей» губернатора!

— То есть?

— Шпионила в его пользу и доносила все про Бронницкого и компанию. Именно через нее мы и слили информацию о гей-параде и «Вашем досуге». Хотя, согласись, все прошло как по маслу. Ее, после того как использовали, естественно, уволили. Да ты не расстраивайся. Они давно знали, что она за птичка. Чего замолчал? У тебя что с ней, серьезно? — Бардов отпил чайку и уставился на меня, как будто сроду не видел. А я смотрел в окно. За ним шумел очередной мост через очередную уральскую речку.

На следующий день мы подъезжали к Казани — и, сидя в ресторане, узнали, что на выборах в Петропавловске победила пара Воскобойников — Бронницкий. По этому случаю Бардов заказал коньяку. Я хотел было отказаться, но потом все-таки выпили и молча провели весь обед. Телевизор, не переставая, трещал что-то о грязных предвыборных технологиях, сомнительности результатов и аресте группы лиц из штаба победителей.

Москва встретила нас нудным дождиком, под стать моему настроению. Мы успели немного промокнуть, пока добирались до редакции. Хворов тут же принял нас. Он был в курсе всего и сразу ошарашил тем, что мы уже месяц как уволены — и находились в Сибири по своей инициативе.

Мой спутник, а после всего пережитого, наверно, мой старший брат или даже отец, и бровью не повел. Он лишь строго посмотрел на меня, молча приказывая оставаться на месте. Редактор долго ходил по кабинету, пока мы пили кофе, отвечали на уточняющие вопросы и смотрели на его отражение в полированном столе. Наконец Хворов подошел к сейфу, открыл его, достал толстый конверт и положил на стол. Потом закурил, подошел к окну и выпустил дым в форточку.

— Здесь на двоих. Бронницкий вами доволен. Вещи ваши уже отправлены. Где-нибудь перекантуйтесь месяц, а лучше два. И не светитесь в редакции, да и вообще... — Он крутанул пальцем в воздухе...

Александр ДЕНИСЕНКО

**«В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЛЮБВИ
МНЕ ОПЯТЬ УХОДИТЬ...»**

* * *

Александр Родионову

Здравствуй, Саша, здравствуй, светлый Родионов —
Лучший в мире барнаульский человек:
Лучше старых двадцати аккордеонов,
Лучше старых ста пятидесяти рек.

Здравствуй, сердце Александра Родионова...
Два ведра аквамариновых очей...
Ради князя дорогого, ради одного
Перейду сорокаградусный ручей.

Много лиц у нас, похожих на иконы,
Нарисованных болезнью любви,
Оттого так страшно действуют законы,
Запрещенные в родительской груди.

И не мы ли, Александр-снисходитель,
Пожалели центробежного врага,
Когда он с утра приветствовал обитель
Поцелуем вороного сапога?

И не мы ли пили жалобные слезы
Из старушечьих рабочих синих глаз,
Когда родина упала наша в бозы,
Не успев облобызать иконостас?

Во лесах, в полях и возле магазина
Все у нас одно и то же ремесло:
Долетят твои слова до Албазина,
По пути лаская каждое село.

Плачь, весна, ликуй по радио, подруга,
Спой нам с Саней барнаульский полонез —
Город Н. и город Б. найдут друг друга
И подпишут нашей жизни манифест.

* * *

Отчего в этом доме светло...
Это бревна прогрелись за лето,
Да еще два окна под ветлой,
Как глаза, переполнены светом.

Отчего на душе так темно...
Это кони мои под ветлою
Ливнем шелковых грив мне окно
Занавесили черной фатою.

По ночам меня душит ботва
За мои неумные речи
И цветы — полевая братва —
Заплетают мне руки и плечи.

И в ночи полевая луна,
Протекая сквозь ситец оконный,
Своим красным вином допьяна
Напоит золотые иконы.

Или это бессонницы бред:
Это сам я качаюсь пред ними,
Это их исцеляющий свет
Сохраняет меня невредимым.

Отцвели кумачи на Руси,
Отошли комсомольские пасхи.
Светлый сонм деревенских святых
Пополняют слепцы и подпаски.

Не заглянет в окошко мой дед —
Он с шестнадцати лет враг народа.
И меня в этой горнице нет —
Я расстрелян среди огорода.

* * *

Я вернулся домой через зарево лет —
Слишком долгим был путь к переправе,
И глядит на меня темноглазый портрет
В золотой потемневшей оправе.

Прямо в сердце портрета пробита доска,
Болт забит и закручена гайка,
А открутишь — так хлынет такая тоска,
Что заплачет над озером чайка.

Может, друг мой, вернувшийся раньше меня,
Не простил мне девичью измену,
Или враг мой, укравший на счастье коня,
Подгадал мне шальную замену.

На Ивана Купалу в дубраву пойду,
Соберу все волшебные краски,
На купальной росе все цветы разведу —
Другарю, врагарю, златовласке.

Архилин и плакун, одолень и разрыв,
Бузина, мандрагор и крушина —
Пусть они засияют, улучшив в разы
То, чем здесь любовалась кручина.

В день рожденья любви мне опять уходить
И коня уводить к переправе.
Друг, невеста и враг будут долго следить
Из портрета в веселой оправе.

* * *

Я с детства боялся сиреневых глаз,
А верил в слегка золотые.
Мне нравилось то, что они, как оргазм,
Всегда были чуточку злые.

Когда ты в упор из обоих зрачков
Смотрела своими очами,
Из самых больших человеческих слов
Два самых прекрасных молчали.

И было взглядеться от счастья невмочь
В лица ее лунного очерк,
В котором светилась пожарная ночь
И школьных бровей беглый почерк.

И млеко по небу текло оболочь
Поэта в плядах Стожаров —
Насквозь разнотравьем пропахшая ночь
С моею душой чуть дышала.

— Скажи мне, корова, ответь мне, Бодлер,
Что сбудется в жизни со мною:
Сиреневым цветом покроется ль сквер...
Иль жизнь — золотою золою?..

И теплый под вечер задует «калмык»,
И лошадь с глазами иконы
Подводит к тебе древнерусский ящик
С улыбкой китайской мадонны.

Вторую ко мне он ведет под уздцы,
Качается лунное стремя.
И прошлое вспять потечет, словно ци,
Спать — в настоящее время.

Мы встретимся снова и в снег упадем,
Целуясь на Красном проспекте,
Опять потеряемся, снова найдем,
Чтоб встретиться в плюсквамперфекте.

В него мы вернулись, и снова стоим,
И шепчем два слова простые...
Из глаз моих льется сиреневый дым,
Текущий в ее золотые.

* * *

...В день рожденья Пушкина на речном вокзале
Я глазами встретился с гордыми глазами,

Я с глазами встретился, они мне приказали:
А ну беги быстрей ко мне, а то зальюсь слезами.

Я купил у бабушки кукушкины слезки,
Я купил у дедушки значок КПСС,

С бабушкой и дедушкой мы оказались тезки,
И один на четверых Георгиевский крест.

Обвенчали они нас, словно были дети мы,
В этот наш прощальный час стали нам свидетели.

А мы тоже их свели: она как Анна Снегина
Стала верною женой дедушки Онегина.

Что мне делать? Как ей быть? Как нам злоупотребить
Этим достоянием — нашим расставанием...

Слезы плакали из глаз, бежали спорадически,
Мы обнялись: она и аз — светло, как в День родительский.

Я метался, я стонал, плацкарт губами склеивал,
Снова рвал и покупал билет — листок у дерева.

Но тут взглянули на меня две слезы кукушкины:
...Ее звали как меня, а меня как Пушкина.

* * *

По урезу воды,
Красным ветром печали гонимый,
Шел с войны человек, капитан бронетанковых сил,
В деревенскую грудь был навывлет он пулей ранимый,
А вторую, без памяти, в горькую душу впустил.

По урезу воды
Лист подбитый, теченьем влекомый,
Все ж прибился туда, где стояла ветла,
Но она прижимала огонь незнакомый,
Не дождавшись его, уж сгорела дотла.

По урезу реки, у воды,
Хрупким ветром разлуки гонимый,
Шел с войны человек, и была ему боль не остра.
Он вернулся домой, своей светлой любовью хранимый.
А навстречу ему на войну шла жена-медсестра.

АЛЕКСАНДРОВСКОЕ ПОЛЕ

Поймать стрижа. На шею крепко сесть.
Шепнуть: вали до площади Свердлова.
Осуществим, мой друг, святую месть
И отомстим за Толю Соколова.

Он здесь ходил. Его менты встречали.
Пытались укротить. Он боком отвечал.
Они его ни разу не читали,
А он на них анапест изучал.

Стриги же, стриж, сей воздух золотой,
Сгустившийся над куполом собора,
Чтоб из Оби, по небу разлитой,
Пролился свет от княжеского взора.

Он здесь ходил. Он здесь переплавлялся
В поездках в золотой Каракорум,
С Покрышкиным и Плитченко встречался
На площади Свердлова, там, где главный чум.

И эта Александровская площадь —
Царя, поэта, князя и пилота —
Да будет есмь, когда поэт восхощет! —
Я ж завожусь всегда с пол-оборота.

И хлынет Обь в Спартаковское русло —
Омыть и залечить сей родовой плацдарм.
Лети, лети, мой стриж, и Расскажи изустно
Про Сокола, который сострадал.

Его стихи — таких на свете нет.
Его слова — никто их не умеет.
Поймать стрижа. И там, где жил поэт,
Притормозить над сердца мавзолеем.

И через все «Невразумительные годы»
«Осенних птиц» мы слышим долгий крик
Над «Крепостью», где храма облик гордый
Вернулся к нам: на русский «Материк».

ИВАН И ПРАСКОВЬЯ

Мама идет с покоса,
Отец бредет с войны —
Встречались у откоса,
Оба с чувством вины.

Мама идет из школы.
Отец вытирает коня.
Прямо за частоколом
В море течет Иня.

Мама наденет платье.
Поедет узнать до конца
О том, как погибли братья
И где расстреляли отца.

Мама ведет корову —
Снег по колено — в рай.
Я вспоминаю снова:
Это был месяц январь...

Отец, не сказав ни слова,
Ведет коня за ней в рай.
Я вспоминаю снова:
Это был месяц май...

Сергей ПЕТРОВ

СВЯЗЬ

Р а с с к а з

Позиции отступающих немцев полк занял утром. Оставленные противником землянки были вырыты основательно, с солидным накалом. Солдаты брезгливо выбрасывали с нар полотенца, тряпки, куски брезента, мешки с соломой, на которых спали немцы, рассовывая по карманам сигареты, разбирая консервы и хлеб, запаянный в целлофан. Сигареты, впрочем, оказались трава травой, хлеб — пресным. Удивило обилие газет и журналов с красотками, которые мгновенно разошлись по рукам.

Между тем не спеша подтянулась полковая артиллерия, рассредоточились пулеметчики, выжигая шквальным огнем все на холмах, где засел противник. Немцы отвечали редкими минометными залпами.

Понимая, что артподготовка наступления — дело не скорое, уставшие от бессонных ночей бойцы укладывались спать. Ольга устроилась в углу землянки. Мешкообразная форма, уставшее, обветренное лицо старили ее, но тонкие кисти рук и неокрепший еще голос выдавали юный возраст. Она сидела не шевелясь, закрыв глаза, начиная дремать, но на этот раз ей не повезло.

— Рядовой Смирнова, ко мне! — Зычный голос командира не давал отсрочек.

Не успела она, запыхавшись, встать перед комбатом, как прозвучал приказ — восстановить связь со штабом дивизии.

— Есть! — отчеканила она.

Черный провод уходил в сторону леса. Грязь противно чавкала, пропитывая обмундирование липким месивом. Было скользко, ползти удавалось с трудом, хватаясь за траву и подтягиваясь. Узкие стебли резали в кровь пальцы, а катушка с кабелем, рация, оружие и подсумок за спиной замедляли и без того нескорое передвижение к месту обрыва. С таким снаряжением ползти даже по сухой земле было бы тяжело. Когда она поднимала голову, было видно, что позади горизонт подсвечивается артиллерийскими вспышками, а впереди светло от ответного огня.

Передохнуть решила прямо тут, в грязной жиже. Под свист мин всплыл в памяти грязный зал районного военкомата. Вдоль стен — деревянные скамьи, вокруг толпится множество незнакомых людей, на лицах — растерянность и слезы. Они, поселковые, втроем прижались в уголке — высокая и статная Катя, живая, со вздернутым носиком, усыпанным веснушками, худенькая Надя и она, Оля, голубоглазая кнопка, старше остальных и самая робкая... Потом были вагоны, полные вагоны молодых девчонок. Увидев их, на одном из полустанков кто-то ахнул, крепясь и причитая: «Уже и девочек на фронт повезли...»

Когда выдали первое обмундирование и Ольга, от горшка два вершка, стала натягивать брюки, то утонула в них. Ботинки на ногах тоже не держались. Но самыми жуткими оказались мужские трусы, из грубого сатина, широкие и длинные, почти как юбка. Выходило так, что ты вроде бы на войне, собираешься умереть за Родину, а одет как пугало. Смешно и грустно, но ничего не поделаешь — обмундирование, как сказал старшина, включая нижнее белье, у каждого солдата должно быть одинаковое. Но и это еще ничего... Самым же трудным было найти возможность хотя бы раз в сутки умыться. О «женских» днях и говорить нечего — ваты и бинтов не хватало даже для раненых, потому приходилось использовать любые подручные средства, но чаще всего пропитанные кровью и понятными выделениями брюки засыхали, становясь стеклянными, режущими кожу до глубоких ран. Но это никого не интересовало, главное, что от нее требовалось, — это связь, которая не должна прерываться никогда, особенно во время боя.

Запомнилось первое поручение — доставка секретного пакета в отдел «Смерша». Путь лежал через поле. Она шла, придерживая за пазухой пакет, кругом была непроглядная тьма. И вдруг ей показалось, что следом кто-то крадется. Несколько раз она останавливалась и прислушивалась, но вокруг была тишина. А как только снова начинала идти — тут же слышала шорох позади. Пока дошла до места назначения — перетрусилась; лишь когда отдала пакет, то вздохнула с облегчением. На обратном пути уже рассветало, потому и страхов поубавилось. Так и осталось неясным, кто же за ней крался позади, да и был ли этот кто-то реальной угрозой...

Ольга приподнялась. Темнеющее небо стало хмурым и недобрым. Время от времени резали глаза вспышки пулеметных очередей, но огонь был неприцельный — на всякий случай. Она поползла дальше, цепляясь руками за траву — теперь, с небольшого пригорка, ползти было легче, дорога шла под уклон. Где-то внизу сиротливо темнела развороченная туша «тридцатьчетверки», ствол высунутым языком свисал к земле. Сорванная снарядом башня лежала рядом с распластавшимися змеей гусеничными траками.

Ольга была уже где-то неподалеку от немецких окопов, но обрыва провода так до сих пор и не обнаружила. Она легла на осклизлую землю и снова закрыла глаза... Вспомнился первый день на передовой. Первую

ночь в общем блиндаже, оказавшись тут единственной девчонкой, она долго не могла сомкнуть глаз. Спали одетыми, вплотную, тесно прижавшись друг к другу. От усталости она все же отключилась на время, но тут же пришлось отмахиваться от наглых рук. Уже после, попав после ранения в госпиталь, она так и продолжала махать руками во сне. Нянечка стала допытываться, что, мол, за оказия, а ей было так стыдно объяснять, что пришлось отшутиться.

А потом в батальон прибыл новый ротный. Молодой, с необычным именем Арман, красивый настолько, что напоминал Ольге... вечерний летний луг, в который садится солнце. При каждом его появлении она смущалась, а однажды ротный и вовсе вогнал в краску шутивными расспросами о любовных похождениях. Она тогда покраснела и отмахнулась, но ротный не унимался, приговаривая, что любовь — это така-ая штука, повкуснее пирожного. Ольга пирожных никогда и не видела, откуда в деревне такие изыски, а уж про эти самые любовные утехи и говорить нечего: не принято было до свадьбы подобным заниматься. Была у них в деревне Варька, шалава, так до свадьбы побаловалась — и ни один парень так и не взял в жены, порченую-то... Арман между тем продолжал о чем-то нежно ворковать и уговаривать, и его голос звучал как безупречно настроенный музыкальный инструмент, словно не было вокруг войны...

А на следующее утро его принесли тяжелораненого. Вокруг рвались снаряды, а ротный лежал на плащ-палатке и почему-то смущенно улыбался. Врач тихо сказал, кивнув на него, что, мол, не жилец уже. Ольга прониклась к ротному необъяснимой жалостью, погладила ласково по голове, не зная, что еще может сделать. Арман снова смутился, достал помятую шоколадку и, извинившись, сказал, что хоть это и не пирожное, но тоже вкусно.

Она вспыхнула и сразу отвернулась, краснея от смущения, а когда взглянула на Армана вновь, на лице ротного уже замерла смиренная улыбка. Склонившись перед умершим, Ольга виновато поцеловала его в щеку, — таким и вышел ее первый поцелуй... А ночью ей приснился сон, будто она держит какую-то диковинку, от которой идет сказочно вкусный запах, а рядом стоит Арман и говорит, что теперь она наконец-то отдает тех самых пирожных. Но только она подносит куснятину к губам, как раздается зычный приказ: «К бою!» — и больше нет ни Армана, ни пирожного, есть только война...

Однажды она все же решилась попробовать того самого, на что намекал Арман, выбрав для этого тихого и неказистого пулеметчика Жилева. Он был деревенским, почти своим. Все случилось в лесочке, и не было никакой сладости, было только больно и страшно. А еще было стыдно. Очень стыдно. Но самое ужасное произошло на следующий день — ее отозвал молодцеватый Слава Тимофеев по прозвищу Тимоха и шепнул:

- Предлагаю вечером в лесочке... прогуляться.
- Да как ты смеешь!

— Думаешь, не видел, как ты вчера с Жилиевым кувыркалась? Сморчком, выходит, не брезгуешь, а я для тебя не гожусь?..

Ольга растерялась и замолчала, не зная, что ответить.

— Не лома-айся... — тем временем продолжал уговаривать Тимофеев.

— Уйди!

Тимоха попытался приобнять, но неожиданно получил звонкую пощечину.

— Шлюха! — разозлился он. — Я тебе устрою, дрянь! Еще пожалеешь...

На следующий день к ней подошел сержант Григорьев и, ехидно улыбаясь, предложил прогуляться все в тот же лесочек.

— Не гуляю я по лесу, — хмуро ответила Ольга.

— С Жилиевым гуляла, с Тимофеевым любила, а я чем-то плох тебе?.. — удивился Григорьев.

— Не было у меня ничего с Тимохой! — выпалила Оля и отправилась искать обманщика.

Тот вместе с двумя солдатами курил махорку, над чем-то посмеиваясь, — уж не над ней ли...

— Сплетни распускаешь, — закричала она ему еще издали, — не стыдно врать-то?

— А что, с Жилиевым не миловалась? — нагло улыбнулся Тимоха. Его товарищи тоже не скрывали ухмылок.

С этого и началось... Не было дня, чтобы к ней не подходил кто-то из солдат и не звал в лесок. Ольге стало казаться, что даже смотреть на нее теперь стали оценивающе и презрительно. Раньше она, когда случалось затишье, мечтала о будущем, о времени, когда закончится война и наступит мир. В такие минуты становилось светло и хорошо, будто стоишь на косогоре у родной деревни, над соцветием дурмящих лугов. Теперь же каждый вечер она уходила подальше от всех и тихо плакала от бессилия и унижения.

Однажды в таком вот заплаканном виде Ольга попала на глаза командиру батальона, бывшему учителю, человеку пожилому и совсем уже седому.

— Почему у вас глаза опухшие, в чем дело? — как мог, проявил участие капитан.

В ответ на это Ольга снова расплакалась: ей давно хотелось выговориться, и она рассказала все от начала до конца.

— Что ж ты, дочка, молчала... — вздохнул комбат. — Надо было сразу ко мне обратиться, не дал бы этим ухарям в обиду. Хорошо, будет первая передышка, выстрою батальон — и этот твой Тимоха будет у тебя на коленях прощение вымаливать!

— Ой, не надо, товарищ капитан... — испугалась Ольга.

— А это уже теперь не тебе решать. Несправедливости в батальоне не место... Ты не бойся, все будет хорошо!..

Земля под ней содрогалась и ухала. Деревья неясными силуэтами выступали в сумерках. В той стороне, где окопался противник, стали вспыхивать желтые осветительные ракеты. С нашей стороны длинными очередями отвечали пулеметы, захлопали винтовки.

Ольга вытерла пот суконной пилоткой. Показалось, что запахло кислой капустой.

Обрыва она так и не могла найти, хотя искала его, с какой-то детской наивностью веря в то, что еще немного — и все получится, все будет хорошо. Почему-то вспомнилось детство. Мама достает из печи глиняный горшок с молоком, покрытым румяной пенкой. Она выходит на крыльцо. Только что прошел дождик, все вокруг сверкает. По двору важно шествует гусыня, ведя за собой ватагу гусят. Они пищат, посвистывают и толкают друг друга. Процессию бдительно сопровождает гусак, глава семейства. Он поминутно оглядывается — не грозит ли откуда опасность? Но все спокойно, и слышится его тихое, миролюбивое «га-га». Гусята, увидев одуванчики, бегут к ним, тыкаются клювами и пускают пушинки по ветру. Гусыня смотрит на гусят и качает головой — какие они еще глупые. Оля тоже, бывало, фукала парашютиками одуванчиков в лицо младшему брату, когда тот оглядывался на неожиданный оклик. А потом уже брат, подкараулив, отвечал тем же, и она хохотала, а мягкие пушинки щекотали ее лицо...

Свист и ухнувший рядом взрыв оборвал воспоминания. Ольга вскрикнула от острой боли, причиной которой был глубоко вошедший в руку осколок. От вида крови даже закружилась голова. Она одним отчаянным рывком выбросила тело из воронки, охнула, но поползла дальше. Руку жгло будто огнем, но она ползла и ползла... Она не помнила, сколько так продолжалось, придя в себя, только когда уткнулась лицом в лужу. От прохлады стало так легко, что не хотелось поднимать голову. Но надо было двигаться дальше — и она снова попыталась ползти, но свалилась в очередную подвернувшуюся воронку, закричав от боли в руке и даже зажмурившись от вспыхнувших в глазах искр.

Когда Ольга открыла глаза, то снова вскрикнула — теперь уже от радости: прямо перед ней торчал оголенный конец провода, это был тот самый злосчастный обрыв. Оставалось только срastить провода. Она неуклюже присела; перебитая осколком рука безжизненно висела плетью, другая рука была, похоже, сломана после неудачного падения в воронку, и даже поднять ее не было сил.

Зажмурившись от страха перед будущей болью, она все же приподняла руку и соединила оба конца провода. На их скрутку сил уже не оставалось — и тогда, поняв, что остается только одно, Ольга сжала зубами концы, вздрогнув от удара током: инструктор в училище им говорил, что когда на том конце кто-то крутит ручку, устанавливая связь, напряжение подскакивает до ста двадцати вольт.

Рядом громыхнул новый взрыв. В глазах у Ольги потемнело, и она почувствовала жгучую боль.

Тут и нашли ее после боя, присыпанную землей и стискивающую зубами концы провода.

В расположение батальона Ольгу принесли на растянутой плащ-палатке. Из пилотки достали бумажку с адресом родных, которых надлежало уведомить о том, что случилось. К расстеленной на земле плащ-палатке стали подходить бойцы из ее взвода, бросил свое занятие даже повар, отмывающий котел полевой кухни.

— Давалка... — вдруг сквозь зубы процедил Тимоха.

— Тимофеев, отставить! — прогремел голос комбата. — Жаль, поздно Оля рассказала о том, как ты себя повел... Не довелось мне восстановить справедливость, пока живой она была. Но я тебе сейчас скажу: сволочь ты и мерзавец, коли травил человека и сплетни распространял! И остальные, кто на твою брехню повелся, тоже хороши. Была у нас одна девочка в батальоне, беречь ее нужно было, а мы — не сберегли...

Взгляды у солдат потупились.

— Сволочи мы, мужики, все-таки, — вдруг хриловато продолжил за капитаном худой и белобрысый сержант по фамилии Хлебный, обычно тихоня тихоней. — Прости нас, Ольга, безвинная душа...

Пожилой и седовласый рядовой Акимов, медленно подбирая слова, добавил:

— Она была всегда грустной... Говорила негромко, рассудительно. Иные от переживаний начинают языком молотить, а Ольга немногословна была... А чтобы смеялась — почти и не видно было. И мы в том виноваты...

— Будем представлять к награде... посмертно, — подытожил комбат.

«МЫ — ПОСЛЕДНИЕ ДЕТИ»

В конце 2014 года, накануне Года литературы в России, в Новосибирске состоялся финал шестого межвузовского поэтического конкурса «Сверхновое чудо», организованного Новосибирской областной юношеской библиотекой. Редакция журнала «Сибирские огни» сочла возможным познакомить читателей со стихотворениями девяти финалистов конкурса. Отрадно, что молодые поэты Новосибирска все увереннее заявляют о себе — это значит, что у сибирской поэзии намечаются интересные перспективы.

Юрий Татаренко

Василина ВЛАДИМИРЦЕВА

* * *

На этой планете
Престарелых циников
Наши игры по-детски жестоки.
Мы верим, что солнце взойдет на востоке
И не зайдет никогда,
Потому что солнце — наша звезда!

Мы дотягиваемся руками до неба
И становимся легкими, словно пух,
А из тех, кто твердит про эффект плацебо,
Мы выбиваем дух,
Потому что они убивают мечту.

Мы питаемся на лету,
Мы летим, и кричим, и визжим,
Потому что нельзя не кричать.
Потому что кто останавливается и замолкает,
Падает замертво — и перестает дышать.

Как бы ни было страшно, эта игра
Всегда идет на ура,
Потому что все дети
Обожают страшилки.
И потому что лишь дети
Умеют в нее играть.

Мы строим огромные корабли,
Которые отрываются от земли
И плывут по бескрайнему морю сосен...
И нас никогда не настигнет осень,
Поскольку лето
У нас внутри.

И поэтому
Мы ничего не боимся.
Мы боимся только взрослеть.
Потому что вырасти — это страшнее,
Чем умереть!
Потому что вырасти — это стать как они,
Коротаящие свои дни
В мыслях о настоящем,
И думать чаще,
Чем чувствовать...

Мы — последние дети
На этой планете
Престарелых циников.
Это опасно
И, кажется, очень заразно.
Нам, ухмыляясь, протягивают
Горстку фиников
И шоколадных конфет.
Безобразно
Скалясь в ответ:
«Спасибо, дядя!» —
Мы закуриваем сигаретку.

Анна ЖУКОВА

ТОБОЛЬСК (предчувствие города)

Я отправлюсь туда, когда чаша терпения — вдребезги,
Будто полная мелочи, нужной когда-то, копилка;
Город меня не ждет, он мучительно грезится,
Туда жаждут вернуться, туда отправляются в ссылку.

Белокаменный город по-древнерусски духовен:
Кремль — ковчег на застывших волнах. Надо быть осторожней:
Говорят, здесь опасно — не кончилось средневековье,
И купола филигранно синеют под кожей.

Горький воздух на волю из камер и келий выплыл,
Звон цепей и колоколов расколос раскаленно-застывшее время,
И в пении ангелов слышатся хрупко и хрипло
Крики приговоренных, и посвисты стрел все острее,

И до рези в глазах пахнет дымом пожарищ — и ладаном,
Ничего не сравнить с этой грозной пугающей радостью,
И покорность становится видом борьбы самым страшным. Все это угадано,
Не придумано. Сквозь километры, часы, и века, и минуты, и градусы

Я отправлюсь туда — с точки зрения вечности — скоро,
Хоть нечего ждать мне у запертых мира дверей, и
Надеюсь, что станет пугающе древний город,
Пока нет в нем меня, на несколько лет древнее.

И движением, сходным с гремящим вращеньем ключа
Многokrатным, когда с каждым кругом все ближе к свободе,
Буду время назад на века и на час вращать,
Пока стрелки не вылетят стрелами в небо, не прекращая завода.

На катушке колес киноплёнка железной дороги,
Только не нужно стесняться сбежать без спроса,
Только не нужно бояться хотеть слишком много:
Чтобы путь в этот город с линией жизни сросся.

Не сотрутся следы стертых ног; нестерпимой, звенящей, тяжелой
Цепью тянется незаживающий путь, с кровью смешанный.
Иступленно петляет дорога, пронизано болью
Наше древнее право на бег, неизбежный и бешеный.

Всеми чувствами сразу найду этот город в неведомой шири,
Это будет побег и почти что набег — непрошено, но бескорыстно,
Не покорить — я отправлюсь туда покориться
Белым башням, стенам до небес — покориться Сибири.

Екатерина ТУПИЦЫНА

* * *

Я не то что сошел с ума, но устал за осень
проседью листьев встречать рассвет;
чайные листья, заваренные для гостя,
или чайный бумажный пакет
опрокидывая в стакан от злости и от бессилья,
от стыда и от страсти, сжимая в груди
комочек себя, ты считаешь до горизонта мили;
все пройдет, ну чего ты,
расслабься,

жди.

Пётр МАНЯХИН

* * *

Я кручусь, постоянно сбиваясь со счета,
Сколько раз я хватался за кончик хвоста.
Мне сказали: «Крутись — это круг почета».
До почета никак не могу достать.

Я кручусь, я помню, живу и плачу,
Я все живое готов простить.
Мне как-то сказали, что будет иначе,
И я продолжаю свой крест нести.

Я кручусь и знать ничего не хочу,
Мне больше от вас ничего не надо.
А если хотите помочь чуть-чуть,
То знайте, мой круг — последний из Ада.

.....
Каждый горит, не зная, за что погаснет.
Каждый живет и думает по часам.
В мире, пожалуй, нет ничего прекрасней,
Чем выйти из колеса.

ВОЙНА ОСИН

Давайте представим, что в лесу осин
Осины рубят друг друга просто так.
Почему? Ты у них спроси.
Скажут: «На осине распяли Христа».

Ты им: «Лес перестает расти,
Вы скоро лишитесь этих мест».
— «Мы хотим богоубийце отомстить
И найти ту, из которой крест».

К твоим призывам они глухи,
Им по-людски ближе дух кровавой возни.
Никто не знает, что крест был из ольхи
И давным-давно сгнил.

Татьяна ТЮЛЬКИНА

* * *

Таня пашет в гриль-баре одной из известных улиц,
Среди юных и старых гостей и холеных куриц,
Что листают жеманно меню, беспрестанно хмурясь
И пытаясь в уме калории подсчитать.

Улыбаясь до боли в скулах, их терпит Таня,
Продает им бутылку «Ламбруско» или «Бертани».
(Про себя отмечая, что благодарить не устанет,
Что ей Бог не дал равнодушною стервой стать.)

В баре пятница — пахнет виски, баблом и б...ством,
Таня пашет, стараясь приветливо улыбаться
(Даже если ей хочется спрятаться и надраться,
А потом материться, смеяться и слезы лить).

Ну а если о личном ей гость задает вопросы,
Говорит про ее улыбку, глаза и косу,
Она ставит пустые бокалы на гладь подноса,
Отвечая спокойно: «Вам водочку повторить?»

Таня пашет, спасая людей от бабла и стресса,
 Ей кричит постоянный гость, молодой повеса,
 Мол, привет, Танюха, давай отвлекись от процесса,
 А то как ни зайду — ты как пчелка, в делах и в делах.

Окруженный бабами и дымовой завесой,
 Он за ней наблюдает с особенным интересом,
 Говорит: «Я тебя здесь жду, подбегай, принцесса!»
 А «принцесса» меняет пепелки на столах.

Таня форму снимает, как будто сбежав из плена,
 Таня едет в такси, рассуждая о жизни тленной,
 Вспоминая, что завтра зачет, а потом на смену,
 И пытаюсь, раз есть минутки — то подремать.

Таня в общем-то не глупа — у нее причуды,
 Таня лет с десяти настойчиво верит в чудо,
 Таня лет с десяти — девчонка из ниоткуда,
 Таня лет с десяти себе за отца и мать.

Таня дверь отворит и, вздыхая усталой лошадкой,
 Таня сядет на пол перед детской кроваткой,
 В одеялко уронит голову и украдкой
 Будет плакать, стараясь сына не разбудить.

Будет всхлипывать и шептать, на мальчишку глядя:
 «Я надеюсь, родной, что когда станешь взрослым дядей,
 То ты сможешь маму понять и, Господа ради,
 Сможешь то, что я часто не рядом с тобою, — простить».

А потом, засыпая уже на закате ночи,
 Таня мысленно скажет Ему: «Ну послушай, Отче...
 Я не жалею, нет, я знаю... но дай мне мочи,
 Чтобы быть мужиком и верить в счастливый конец...»

Таня пашет как заведенная. Мудрый Отче
 Ищет взглядом тревожным ее под покровом ночи,
 А потом говорит в пустоту, как бы между прочим:
 «А она ничего, справляется. Молодец».

Тимофей ТИМКИН

* * *

Последние дни лета как последние гроши, как вода.
 Последние дни лета как патроны для последних побед.
 Несколько монеток, и последние — на ветер всегда.
 Несколько патронов, и последний, как обычно, себе.

Ветер пролистал деревья, выметая пригоршни птиц.
 В просвете двух веселых песен выпорхнет нездешняя грусть.
 Листья — воск от свечки солнца — затекают между страниц,
 Закладками в места, что надо выучить нам наизусть.

Мы наломали дров — так ими будем греться потом.
 Мы потеряли голову — так не о чем болеть будет ей.
 А что останется от нас? А после нас лишь потоп
 Да букет последних алых закатов в целлофане дождей.

А осень — наказание за то, что было лето, но брось, —
 Ведь тем теплей сегодня, если завтра будут ветви в снегу.
 Вставай, иди ко мне, мы протанцуем небо насквозь.
 Четыре четверти тепла с синкопой на последнем шагу.

Герда СТАРК

* * *

Адресат подразумевается

мы были мертвы, но дышали воздухом на двоих,
 выдыхая друг другу в рот, и каждый из нас
 думал: вот идиот, это же газ, а не кислород,
 но мы продолжали дышать.

и внутри меня лопались пузыри, и вскипала кровь,
 и кричало сердце, молило: «господи, помоги,
 вдох за вдохом я дальше от страсти, поэзии и любви,
 от себя и киберразвалин моих городов».

и ломило кости, и бросало в жар, и неведом был нам покой,
 а потом — взрыв, тишина, накатившая, как прибой.
 и осколки сыплются через нас.

извини, я к такому был не готов, мир разрушен, а море рядом,
 отпусти меня в мой серебряный океан:

опускаться на дно историй,
 быть в чистоте смрадом,
 мелочным секретарем рая,
 размениваться на опиаты.

я устал. господи, побереги меня,
 коль не в силах держать ладони
 тонкого мальчика, любившего как нельзя
 искренне, выжигая в себе пробоины
 внутреннего корабля.

каждый раз,
 отдавая себя на поверку кому-нибудь,
 помни всегда два правила:
 как правильно сделать вдох
 и как не утонуть.

Маша ШТОЛЬЦ

* * *

Вчера из моей груди проросли цветы.
 Пахло землей и смогом, и будто тучи
 Вмиг надо мной собрались, и дым летучий
 Быстро меня окутал, а все мечты

Будто бы вмиг пропали. Я видел небо.
 Небо сверкало ярко, сгущались тени,
 Вмиг я упал на землю, поджав колени,
 Часто дышал и плакал. Я был и не был.

Слезы бежали градом. С трудом и сипло
 Имя твое скользило в раскатах грома.
 Где ты была? Не знаю... Возможно, дома.
 Грудь нестерпимо ныла, земля налипла.

Грудь нестерпимо рвало. Но вот снаружи
 Стали видны побеги, за ними листья.
 Я изгибался, вился, стремился ввысь я!
 Свет отражая лунный, дрожали лужи...

Утро почти настало, а я не спал.
Стало легко, хоть тело почти не дышит.
Я умирал, но чувства взметнулись выше.
Выше лесов, и солнца, и грозных скал.

Чтобы вздохнуть и кровью наполнить жилы —
Мог бы цветы я вырвать и дальше жил бы.

Но я не стал.

Дарья ВАЛОВА

* * *

После того как папоротник отцвел,
В воздухе привкус ржавчины — это ночь,
Стылый, холодный купол, пустой костел,
Это котлы, кипящие в темноте,
Ноты, упавшие с хоров,
Усталый взмах
Рук дирижерских, чаек на берегу,
Это болота на главной площади,
Это мир,
Вспомнивший прошлый сон
И забывший явь.
Это железная, злая, чужая ночь.
Лес за твоим окном расстилает дым,
Точки стекают в линии и бегут,
Небо вокруг застилает тягучий мед,
Пчелы уснули,
Полился холодный дождь.
Танец бесцветных и щуплых, прозрачных рук,
Чайки, летящие дальше и дальше вверх,
Сталь на воде и сальто недель и дней,
Ночи и утра, ночи и чистоты.
Темная тишь и тихая темнота —
Тает уверенность, волны теряют вес.
Лес вырастает в комнате за окном.
Это чужая, ржавая, злая ночь.

Урмас СООС

КАПУСТА ЦВЕТА БЕЖ

Р а с с к а з ы

Автомобили, независимо от марки и модели, бывают двух типов — механизмы и живые существа. Моя героиня была, несомненно, живой — бежевая «копейка» в зрелом возрасте, но сохранившая детскую резвость, подростковый максимализм и женскую непредсказуемость. Я был влюблен в нее — это была первая женщина-машина, полностью принадлежавшая мне. Я упивался ею — что, думаю, и должен делать счастливый жених в медовый месяц. А она... Как и полагается настоящей женщине, она благосклонно позволяла себя любить, принимала подарки и комплименты, иногда капризничала и требовала ненужных, но существенных трат. Однако в трудный момент на нее можно было положиться — она меня никогда серьезно не подводила — если и падала в обморок, то в пятидесяти метрах от гаража.

К тому времени, когда появилась в моей жизни, она была уже не девочкой — у нее до меня было два законных мужчины: сначала пожилой и почтенный (которого я никогда не видел), а после — молодой и симпатичный, от которого она и ушла ко мне. Я тоже уже давно не был невинным водителем. Невинность я потерял в двенадцать лет, когда отец посадил меня за руль своего «москвича». В нашей семье всегда были машины — сперва голубой «москвич», потом красный, потом коричневая «шестерка»... Я был уже довольно искушенным водителем, получающим удовольствие от общения с разными машинами, включая нанятые за деньги на короткое время. Мне это нравилось, и я полагал, что это одно из основных наслаждений в жизни. И вот появилась она — моя бежевая «копейка». В первый раз, когда я сел в нее, ничего особого не почувствовал — все как обычно, те же привычные приятные ощущения, бывали машины и помощнее, и покруче. Но вскоре я понял, что она — не как все, она — моя. Если проводить аналогии дальше, это как заниматься любовью с любимой женщиной в зрелом возрасте, когда главное — не только и не столько тактильные ощущения, сколько необъяснимое единение, которое возникает на всех уровнях, начинаясь из солнечного сплетения и доходя до кончиков пальцев, наполняя душу сладкой тоской.

Когда я садился в мою «копейку», мы становились двуединым организмом с общей нервной системой и объединяли энергию. Мы вместе с ней могли со светофора сделать навороченные «опели» и прочие буржуйские механизмы. Мы прорывались по таким лесным тропинкам, где и на тракторе-то нелегко проехать. В тяжелые времена мы вместе с ней работали, «бомбили». Вozить пассажиров ни она, ни я зазорным не считали.

Итак, моя бежевая подруга участвует во всех историях, озвученных здесь.

1. Знакомство

Мои друзья из одной страны, которая раньше была далеко-далеко, а сейчас стала гораздо ближе, захотели навестить мою страну, мой город, а заодно и меня. Поскольку тогда они еще были студентами, то экономить старались на всем — и при этом умели нестандартно мыслить. И они решили найти скромную, но здоровую машинку, чтобы ехать на ней. Им удалось наткнуться на мою бежевую героиню у какого-то престарелого фермера, который в глубине души давно хотел от нее избавиться. Доехать-то друзья доехали, но с «копейкой» характерами не сошлись, она капризничала, а им было нужно полное исполнение желаний, как у старика Хоттабыча. В общем, иметь дело с этой стервой дальше они отказались, предложив мне забрать ее. Я посмотрел на жалобно затуманенные фары, подгнившие крылья, лысоватые покрышки — и согласился: стерпится — слюбится. Друзья, честно отработав туристскую программу, вручили мне документы и написанную от руки дарственную на «копейку» и укатили назад автостопом. Детали общения с бюрократией в лице таможни, налоговой службы и ГАИ скучны и выпадают из контекста, посему просто скажу, что после годичной помолвки мы в конце концов вступили в законные отношения. Стерпелось и слюбилось. Я ее приодел, подлечил (прежние мужчины держали ее в черном теле) — и мы знатно покуролесили.

2. Ржавеет ли старая любовь

Однажды, коротая вечер в финской гостинице, я листал рекламную брошюрку на русском языке. Финны очень смешно пишут по-русски, грамматически правильно, но слова часто складываются в нестандартные сочетания, вроде «Мимо нас легко можно проехать на машине, но в нас можно и попасть» или «Доброго переночевания, у нас вы все передохнете!». Одна подпись под фотографией со счастливой пожилой парой гласила: «Старая любовь не заржавела, время лишь ласково патинировало ее». Вопрос о коррозиоустойчивости любви меня волнует давно, и эта теплая и уютная фраза проникла мне в самые глубины души и там удобно устроилась навечно. Не претендуя на детальный анализ вопроса, мы с «копейкой» оказались свидетелями одного очень частного случая «ржавчины», который, я надеюсь, не типичен.

Таких гостей мы любим — мужчина лет тридцати пяти, одетый без претензий, но аккуратно, общительный, но без навязчивости и панибратства, и с умными живыми глазами. Взгляд его все время менялся — то убегал вдаль, то фокусировался на каком-нибудь предмете, внимательно его изучая, то уходил внутрь. Видно было, что он чем-то удручен. Он назвал адрес, мы поехали, «копеечка» бежала ровно, тихо и слушала наш разговор.

— Простите, — сказал пассажир, — вы не могли бы остановиться у какого-нибудь приличного кафе, мне надо немножко выпить. Я оплачу простой и вас угощу.

Вообще-то я от таких предложений (выпить, уколоться, переспать) отказываюсь сразу, но, во-первых, он меня назвал на «вы», а во-вторых, он мне понравился.

— Хорошо, — сказал я, — эспрессо мне не помешает.

Мы зашли куда-то, познакомились (его звали Игорем), он извинился за навязчивость и объяснил, что с кем-то поговорить хочется, а дома не с кем. Спокойным, ровным голосом, немного высоковатым для его фигуры тяжелоатлета, он рассказывал; я слушал, теребя пустую чашечку из-под эспрессо, откуда все еще доносился легкий аромат кофе, а бежевая «копеечка» снаружи любовалась белой ночью.

* * *

В последнем классе школы Игорь был влюблен в одноклассницу Таню, невероятную красавицу. Влюблен был неприлично, в наше время так не принято. Его любовь, чистая и бескорыстная, скорее бы подошла героям Шекспира, чем комсомольцу эпохи развитого социализма. Про любовь знали все в школе, и старенький еврей, учитель физики, даже объединил их в пару на своих лабораторных занятиях, и что-то подозрительно поблескивало в его глазах, когда он глядел на них. Наверняка в молодости у него была какая-то история... Однажды Игорь, один из лучших учеников в классе и любимчик математика, помогал учителю проверять контрольные (в физматшколе еще и не такое случается), и ему попался Танин листочек с довольно нелепыми ошибками. Не отдавая себе отчета в том, что происходит, он их исправил, стараясь скопировать ее почерк. При зачитывании результатов (Таня получила за эту контрольную пять с двумя плюсами, что было необычно) учитель математики на секунду задумался, посмотрел на Игоря и продолжил чтение. Игорь продолжал проверять работы и далее, но ее тетрадка к нему больше не попадала. Таня, разумеется, тоже знала про все, но вела себя достойно — не издевалась и не использовала Игоря без особой надобности. И хотя про нее ходили разные слухи, якобы она и целовалась, и вроде как уже кое-что кое с кем было, Игорю было плевать — он любил беззаветно и преданно, ничего не требуя взамен.

После экзаменов был выпускной вечер, который проводили в большой квартире родителей одного из ребят. Игорь был «официальным»

фотографом, поэтому на половине кадров была Таня, чье приталенное воздушное платье лишало разума. А когда все расходились-расползались часов в пять утра, она подошла к Игорю и, глядя чуть припухшими глазами (один благородного стального цвета, другой чуть зеленоватый), спросила:

— А когда фотки делать будешь?

— Да хоть прямо сейчас, — еле прошелестел он и пояснил: — Родители на даче, можно реактивы развести.

— Тогда пойдем к тебе, — улыбнулась она, добавив для приличия: — Фотки делать.

Как Игорь не умер от разрыва сердца — непонятно, наверное, молодые сердца крепкие. То впадая в озноб, то потея, сбиваясь и заикаясь, он довел ее до своего дома, дрожащими руками открыл дверь, чуть не сломав ключ, и... в это время кто-то другой, чужой и вредный, завладел его языком; он сказал:

— Прежде всего надо перемотать пленку назад в катушку в фотоаппарате, помоги мне завернуть руки в одеяло.

— Дурак ты, — воткнулся в его сердце голос Тани и трижды прозвучал в ране. — Проводи меня до автобуса, отличник...

Спорить, умолять, настаивать было бесполезно.

В пустом утреннем автобусе они молчали — внимание Игоря было сосредоточено на том, что автобус был очень пыльный и низкое утреннее солнце рисовало идеально прямые и грустные светлые линии, которые возникали из ниоткуда и уходили в никуда. О чем думала Таня, он не знал, но вид у нее был задумчивый и почему-то возвышенный и неприступный. Ему очень хотелось ее обнять, но он так и не решился. На своей остановке она просто сказала: «Дальше дойду сама. Расти большой, не будь лапшой», — поцеловала в щеку и вышла.

Несколько раз потом он собирался ей позвонить, один раз даже позвонил, но, услышав знакомый голос, не мог и звука произнести, только какое-то мычание выползло из его мгновенно пересохшего горла. Трубка помолчала, а потом сказала уставшим голосом:

— Вам Таню? Ее сейчас нету, это ее мама говорит.

Потом он учился в университете, а она поступила в Первый медицинский со второго захода. Он несколько раз подстерегал ее у метро «Петроградская» и неуклюже пытался сделать вид, что встреча случайная. На первый раз она вроде даже обрадовалась, согласилась забежать в кафе и слопать по мороженому, на второй раз у нее нашлись срочные дела, а на третий, увидев Игоря, раздраженно сказала:

— Слушай, или пригласи меня нормально на свидание, или чтоб я тебя больше не видела.

— Ага, — радостно сказал он, — приглашаю тебя прямо сейчас.

— Сегодня не могу.

— Тогда завтра?

— И завтра тоже.

— А когда ты можешь? — не врубался Игорь.

— Как-нибудь в другой раз, — бросила Таня, пропадая в толпе желающих быть унесенными железной лестницей в подземное чрево, которое поглощает людей в одном месте и извергает в другом.

После того выпускного вечера он напечатал все многочисленные фотографии, оборудовав фотолабораторию в ванной комнате, и иногда любовался ими — какая же она красивая! Теперь он сложил все эти фотографии в большой конверт, туда же вложил негативы, запечатал, написал ее домашний адрес (знал его наизусть, как и номер телефона) и отнес на почту. Там неопрятная и чем-то обиженная старуха приклеила марку, залила край конверта сургучом и тиснула печать. Он не думал о том, что почувствует она, получив толстый конверт со своими фотографиями. Он не хотел делать ей больно, просто надо было избавиться от фотографий, а выбросить или сжечь их он не мог.

И он вычеркнул ее из жизни, полагая, что навсегда. Даже на встречи одноклассников не ходил. Хотя фотографии с тех встреч просматривал жадно — какая же она все-таки красивая!

Через общих друзей Игорь знал о ней многое — она вышла замуж за доцента, у которого училась, вышла удачно, ибо у него была хоть и далековато, но своя двухкомнатная квартира во Всеволожске и «запорожец» (тут мы с «копеечкой» еле сдержали улыбку). Потом она родила сына, стала работать педиатром, перешла в платную поликлинику и, по сути, содержала теперь семью — купила небольшую квартиру в центре города в старом фонде и плазменный телевизор. Встречаться с ней Игорь не хотел, просто следил издалека. У него была жена, росла дочка, он приходил в себя после бешеных 90-х годов.

Однажды жена узнала, что его одноклассница — педиатр в частной клинике.

— Надо показать ей дочку, вдруг что не так.

— Я же ее пятнадцать лет не видел! — пробовал отбиться Игорь.

— Не думаю, что она тебя забыла, — загадочно сказала жена и добавила: — Или ты не заботишься о здоровье ребенка?

Аргумент был неоспоримый, и Игорь набрал Танин номер. Она узнала его голос:

— Здравствуй, Игорь! Спасибо, что позвонил. Дочку посмотреть? Сколько лет?.. Конечно. Приходите во вторник к часу дня. Адрес... Ты знаешь, где я работаю? Ну ладно, жду.

Во вторник, стараясь сдерживать дрожь руки, за которую держалась дочка, он вошел в подъезд обшарпанного старого питерского дома, где располагалась клиника.

— Татьяна Витальевна? Сейчас подойдет, — сказала медсестра; и тут вышла она.

Она была совершенна, из прекрасной девушки превратившись в еще более красивую женщину. За таких женщин раньше, не задумываясь, пускали в ход стилеты.

— Ну здравствуй. А ты растолстел... — сказала она. — Подожди здесь. Мы с девочкой... как тебя зовут?.. Саша?.. мы с Сашей скоро вернемся.

Когда они вышли, Таня начала говорить о том, что нужно сделать, на какие процедуры записаться, но потом, посмотрев на Игоря, сказала задумчиво:

— Давай-ка... я лучше все тебе напишу.

Пока она писала, дочка отошла в сторону изучать плакат, где Крокодил Гена плохими стихами объяснял Карлсону, что микробы опасны. Воспользовавшись моментом, Игорь, изумляясь собственной наглости, выдал:

— Может... как-нибудь встретимся?

— Молодец, растешь! — улыбнулась она. — В пятницу, часиков в пять пойдет?

Игорь согласился не задумываясь. Лишь потом он сообразил, что лучше времени и быть не может: жена уезжает на сутки в командировку в Москву, дочку родители забирают на дачу, он свободен до утра субботы, когда надо встречать жену на вокзале.

Много чего он надумал, нафантазировал за эти три дня, и, когда подошел вечер пятницы, в голове была полная каша.

Она вышла из клиники, он галантно открыл ей дверцу своего почти нового «форда» (подумаешь, сказал я потом своей бежевой подруге, ты этого «форда» уделаешь, как из пушки).

— О-о! — восхитилась она. — Хорошая машина, не то что у нас. И совсем не дребезжит, а как тихо идет...

— Куда дама желает направиться? — спросил Игорь, напрочь забыв все хитрые планы, придуманные бессонными ночами накануне.

— Куда кавалер повезет, но чтобы мне понравилось, — чисто по-женски ответила Таня, продолжая восхищаться шедевром буржуйского автопрома.

У Игоря был в запасе козырной туз на такой случай — острова. Далеко не все петербуржцы знают про острова Петроградской стороны: Крестовский, Каменный, Елагин. А там попадаются восхитительные тихие и зеленые уголки, где, сидя на скамеечке, глядя на Невку и слушая птиц, просто невозможно поверить, что совсем рядом бурлит громадный город.

— Здорово! — сказала она, когда они сели на какое-то бревнышко с видом на залив. — Я и не знала, что в Питере такие тихие места есть.

Игорь взял ее за руку, и зеркало залива перед глазами поплыло вбок и зарябило, как при сильном ветре. «Привет, товарищ!» — невпопад воскликнула Таня, пожала его ладонь и почему-то приложила руку к воображаемому козырьку.

— А квартира у тебя какая? — Судя по всему, этот вопрос вертелся у нее на языке давно.

— Трехкомнатная... восемьдесят пять метров... — рассеянно ответил Игорь.

— А где? — не унималась Таня.

— На Московском, в зеленой зоне.

— А сколько стоила?

— Я не помню, жена этим занималась, там срочно подвернулся вариант, а я в командировке был, — все еще ничего не понимал Игорь.

— А куда ты в командировку едешь? — как-то плотоядно поинтересовалась Таня.

— Ну... тогда в Италии был год, а сейчас только из Швейцарии вернулся.

— Так ты богатый... — задумчиво сказала она.

— Нет, — ответил Игорь. — Но и не бедный.

— А своди меня в ресторан! — залихватски потребовала Таня.

— Приглашаю! — откликнулся Игорь. — Только я по ресторанам не хожу, мест хороших не знаю.

— Я покажу! — она вдруг воодушевилась.

Они прошли мимо здания летнего театра, сели в «форд»; она показывала дорогу. Доехали до Садовой и вошли в ничем не примечательное кафе — не очень чистое, в меру дорогое. Владелец, невысокий, плохо выбритый и лысоватый кавказец, укором стоял в проеме двери на кухню, а две худенькие официантки сновали взад и вперед, с трудом протискиваясь между его брюхом и стойкой бара и старательно улыбаясь.

У Игоря сложилось впечатление, что Таню тут знали, хотя вида не подали.

Что-то ели, что-то пили, Игорь не помнил. Потом Таня сказала:

— Поехали, ты мне свою квартиру покажешь...

«Yes! Вот оно! Хватай ее и тащи!» — неистовствовал голос в его голове. «А пошел ты!» — неожиданно для себя сказал голосу Игорь и показал (мысленно) неприличный жест.

— Ты знаешь, я сейчас выпил, за руль нельзя, а завтра утром рано вставать. Давай... в другой раз зайдешь.

— А ты не поумнел, — удивилась она.

— Как раз наоборот — теперь я умный, — озадачил ее Игорь.

Жила она совсем рядом, на Садовой. Игорь проводил ее до подъезда, они попрощались, на этот раз обошлись без поцелуев. Он вышел на Садовую, поднял руку, — а тут и мы с «копеечкой» проезжали.

* * *

— Вот такие дела, — сказал Игорь. — Двадцать лет думал, что эта любовь крепка, как сталь, а она за два часа рухнула, трухлявая какая-то была.

Мы его отвезли по адресу, потом ехали назад с «копеечкой» и обсуждали — ведь должна же быть и нержавеющая любовь. Например, когда маленькая симпатичная привязанность через тридцать лет превращается в блестящую любовь... Но это будет другая история.

3. Гуру

Шел дождь. Пока не затяжной — всего четвертый день. Все было серое, сырое и низкое — низкое небо, прижатые к земле дома, спешащие приземленные люди. Да и моя «копеечка» пошаливала — видимо, сырость в карбюраторе давала о себе знать. Я поглаживал ее по рычагу переключения передач и успокаивал, не очень-то веря своим словам — потерпи, милая, послезавтра обещают солнце. Она терпела, умница, только иногда постанывала.

Небольшая фигура в куртке с капюшоном стояла на тротуаре, неуверенно голосуя. По тому, как человек голосует, грамотный «бомбила» может кое-что сказать о нем. Этот, очевидно, был неопытным пассажиром.

Мы притормозили, он приоткрыл переднюю дверцу и назвал адрес на Гражданке. Это было недалеко от моего дома, и я, стараясь изобразить недовольную физиономию, с радостью согласился.

— Сколько возьмете? — поинтересовался он, явно не собираясь торговаться.

— Двести пятьдесят пойдет? — вопросом на вопрос ответил я.

Это было очень по-божески, существенно ниже обычной цены, но *заряжать* не хотелось. Он не ответил, захлопнул переднюю дверцу, открыл заднюю и сел на заднее сиденье. Это мне понравилось, я обычно тоже в такси сажусь сзади.

Гость был невысокий и сухощавый, но в нем чувствовалась сила. Если бы я охотился за сокровищами и, преодолев все препятствия, дошел бы до финала, где только он один стережет волшебную пещеру, я бы, наверное, все бросил и вернулся бы домой, но с ним связываться бы не стал. Он не был настроен разговаривать, я в такую дождливую погоду тоже предпочитаю молча мечтать. Поездка предстояла серая и молчаливая. Стоя в пробке на мосту, я в зеркало заднего вида разглядел его большую спортивную сумку и от нечего делать пытался прочесть зеркальную надпись на сумке. «Айкидо» — получилось у меня. Айкидо занимался мой брат, который уверял, что это не столько боевое искусство, сколько философия, стиль жизни. Ничего себе философия — ногами махать!..

— Простите, — спросил я, — вы айкидо занимаетесь?

— Да, — неохотно согласился он.

— А у меня брат тоже занимается, — ляпнул я.

— Угу, — пробурчал гость, впрочем, без особого раздражения.

— В клубе на Удельной, — решил я уточнить на всякий случай.

— Как зовут?.. А-а, нормальный парень, но отвлекается, — отозвался гость, когда я назвал имя брата.

Применив дедуктивный метод, который не посрамил бы и Холмса, я вычислил, что мой сегодняшний гость — тренер брата. Брат всегда отзывался о нем с восхищением — тренер был мастером своего дела, чемпионом России и Европы, обладателем пояса какого-то цвета (я всегда был дальтоником по части цветовых различий поясов, штанов и лампасов), но еще он был *гуру*. Он не только учил махать в нужной последовательно-

сти ногами и руками, но и объяснял подросткам, как правильно смотреть на жизнь. Ученики его боготворили. Я тоже боготворил своего первого тренера по фехтованию, когда был подростком. Но чемпион Европы и обладатель пояса нужного цвета — это вызывает уважение, профессионалов я люблю.

Машины впереди тронулись, мы проскочили бутылочное горлышко Кировского моста, я тут же свернул направо к «Авроре», и через минуту «копейка» выскочила на относительно свободную набережную, где резво побежала, объезжая, а иногда, если я не видел, перепрыгивая колдобины на проезжей части. Расслабившись и положившись на бежевую подругу, я осторожно подошел к теме, которая меня давно интересовала.

— Скажите, — допытываться было неприлично, мне было стыдно, но вопрос рвался наружу, — вот вы мастер боевых искусств... А вам приходится их применять на практике?

Гуру улыбнулся, добро и жалостливо, как если бы увидел маленького котенка, гонящегося за солнечным зайчиком:

— Нет, никогда.

Поняв, что я ничего не понял, он улыбнулся уже совсем доброжелательно и пояснил:

— На меня никто не нападет и я ни на кого не нападаю.

С первым утверждением я согласился полностью — наверняка не только я чувствовал, что связываться с ним не стоит, но второе вызвало неоднозначную реакцию.

— Ну, предположим, — разгорячился я так, что чуть не вылетел на красный свет, спасибо, «копеечка» подтормозила, — вы идете вечером домой, никого не трогаете, заходите в подъезд, а там трое подонков женщину грабят. Вы же вмешаетесь?

— Нет, — спокойно, все так же улыбаясь, ответил гуру. — Это невозможно.

— Что — невозможно? — изумился я и даже бросил руль, — если бы бежевый ангел нас не охранял, то точно уже воткнулись бы в столб. — Вы бы не стали вмешиваться?

— Да нет. — Видно было, что я далеко не первый, кому он пытается это объяснить. — Такая ситуация невозможна.

Я обалдел:

— Как это — невозможна? Да вы знаете, сколько кругом грабят, насилуют? Вот недавно секретарша нашей лаборатории шла вечером домой...

Он меня перебил, не грубо, но властно:

— Я все знаю, но мастер никогда не окажется в ситуации, когда кто-то его к чему-то вынуждает. Ваш брат пока, может быть, вынужден спасти женщину, но если он станет мастером, то это станет невозможным. Около меня не станут насиловать или убивать. Боюсь, что вы не поняли... — Он явно не собирался продолжать этот странный разговор.

Я хотел было возразить, открыл рот, повернулся к нему. Но тут (спасибо, «копейка», ты опять меня выручила!) мы попали колесом в яму,

и мне пришлось вцепиться в руль. Выравнивая траекторию, я вдруг осознал, что гуру не несет чушь.

— Это как хороший водитель — не тот, кто лихо баранку крутит и быстро ездит, а тот, кто в аварийные ситуации не попадает, чувствует их заранее и ликвидирует до возникновения?

Гость с интересом посмотрел на меня в зеркало заднего вида, но ничего не сказал. Я сконцентрировался на дороге: уже были сумерки, а уличные фонари еще не зажглись, ямы были плохо видны. Через несколько минут он вдруг сказал:

— Можно и так, если тебе так понятнее.

От этого неожиданного «тебе» вместо «вам» меня пронзила гордость, как будто я экстерном сдал очень важный экзамен. И тут я вспомнил один случай из моей предыдущей жизни.

* * *

Как-то, будучи в байдарочном походе на Урале, мы зашли в одну деревеньку подкупить свежих продуктов. На выходе из магазина к нам подошла группа местных парней. Их главный сказал:

— Давай-ка отойдем за угол, мы вас бить будем!

— За что? — удивились мы.

— Акцент у вас московский, а мы москвичей не любим, — пояснил главарь.

Слова о московском акценте показались нам, мнящим себя питерскими интеллигентами, забавными, и мы хихикнули.

— Мы из Ленинграда, туристы, я — Слава, — представился за всех наш руководитель.

— А нам пофиг, не тяни давай. — И местные стали нас окружать.

Страшно не было, их было чуть больше, но и мы не ботаны дохлые, и был среди нас Миша — борец, мастер спорта, чемпион города. Да и драка явно затевалась ради развлечения, с обычными правилами — драться до крови, лежащих не бить...

Дрались без энтузиазма, хаотично — много беготни, шума и пыли, но пока без повреждений. Мы старались держаться вместе, обороняясь. Сами не нападали, но если на кого-то из наших наседали более одного противника, сразу бросались на помощь и оттесняли лишних. И вдруг я заметил, что наша главная сила, чемпион Миша, стоит в стороне, сложив руки на груди. Предатель — он же один мог раскидать всех нападавших! Кто-то из местных ринулся на Мишу, но тот схватил его под мышки, приподнял над землей, как Геракл Антея, и секунд через десять опустил. Антей молча побрел прочь с застывшим на лице изумленным выражением обиженного ребенка. Еще один нападавший замахнулся на Мишу, но его кулак был пойман на лету. Драка затихла, все смотрели на Мишу.

— Вы того... извините... — потупившись, сказал главарь.

— Ладно, — ответил Слава. — Нам двигаться пора.

— А давай выпьем? — придумал главарь. — Сейчас у Вальки-продащицы купим.

— Нет, спасибо, нам сегодня еще десять километров проплыть надо.

— А мы вас на моторке дотащим. — Местные уже, похоже, подружились с нами.

— Сами грести будем, — в первый раз подал голос герой сегодняшней битвы Миша.

Новые друзья проводили нас до реки, велели, если где еще будут приставать местные, говорить, что мы друзья Витьки из Идельбаевки, и обещали вечером заглянуть в гости на моторке, хотя, к нашей радости, обещания не сдержали...

* * *

— Этот Михаил на верном пути, — прокомментировал мой рассказ гуру.

— Ну да. — У меня кое-что начало проясняться в голове. — Если бы он ввязался в драку, неизвестно, чем бы все кончилось, да? А так — само затихло. А могло ведь вообще не начаться...

Гуру согласно кивнул. Оставшуюся часть пути мы промчались быстро по полупустым проспектам. Когда приехали, я хотел отказаться от денег, но понял, что, если он дает, надо взять. Я негромко сказал:

— Спасибо, гуру!

Он усмехнулся и захлопнул дверцу, а потом, мне показалось, подмигнул. Но было довольно темно, да и разве гуру может подмигивать...

Когда мы подъезжали к гаражу, я спросил у «копеечки»:

— Я же хороший водитель, правда? Я же тебя в аварийные ситуации не загоняю?

— Угу-р-р, — согласно проурчала она, делая вид, что не было случаев, когда она чудом спасала нас обоих. Но это было давно, до того как я встретил гуру. Теперь-то я знаю, как стать мастером.

4. Русская невеста

Пожалуй, самое ценное, что есть в России, — это женщины. Они могут быть разными, простыми или изысканными, большими или маленькими, рыжими или русыми, но есть общая черта — у них душевное преобладает над материальным, а тяга к самопожертвованию бросается в глаза. Кто еще может тянуть пьянчужку мужа на себе всю жизнь только из-за того, что когда-то давно он сказал, что любит ее, и, рискуя быть оштрафованным, украл с клумбы несколько чахлах тюльпанов, гордо подарив ей. И неважно, что с тех пор он ей больше ни разу цветов не дарил, но за те тюльпаны она ему прощает все и навсегда.

Русская женщина еще не испорчена тлетворным влиянием феминизма. Слава о русских женщинах гремит по всему миру, и многие по-

тенциальные женихи, уставшие от претензий эмансипированных фемин, обращают взор на нашу малопонятную страну, где живут удивительные люди. Сайты знакомств и брачные агентства процветают, предоставляя за скромную мзду возможность тем и другим поиграть в лотерею...

Весенним утром, когда остатки снега на газонах прямо на глазах сели, сжимались и растворялись в ярких солнечных лучах, мы с «копейкой» выехали на охоту. Практически сразу нам повезло: голосовал «новый русский». Он сел к нам и велел:

— Давай, шеф, и можешь особо не гнать.

На нем был малиновый пиджак, золотой перстень, закрывающий целую фалангу на пальце, и мобильный телефон с короткой и толстой антенной, торчащей из кармана. Золотой цепи с «гимнастом», популярной в те годы, на шее не было. Несмотря на стандартную квадратную фигуру, голову без шеи и короткую стрижку — «чтобы противник в бою за волосы не схватил», — что-то в нем было привлекательное. Весь этот прикид был для него не более чем обязательная униформа, чтобы можно было определить статус — наверняка не ниже «полковника». Тяжелый и серьезный взгляд сразу отличал его от той шпаны, которая кругом кишела.

Мы поехали, «копеечка» побряхтывала амортизаторами на непре-рывных неровностях улиц. Гость осмотрелся и спросил:

— Слышь, а чем ты ваще занимаешься, кроме того, что «бомбишь»?

— Ну так... — начал мяться я. — В институте я.

— Студент, что ли? Чему учишься?

— Да нет. — Допрос меня начал раздражать, поэтому я вывалил все сразу: — Я научный сотрудник, кандидат физ.-мат. наук, занимаюсь физикой космоса.

— Слышь, физик, — вдруг выдал гость, — хочешь на меня работать?

— Как это? А что делать надо? — не понял я.

У меня уже был опыт работы программистом в ресторане, платили там не очень, зато обедом из вкуснейших остатков кормили бесплатно. Та халява закончилась, когда помощница бухгалтера и племянница директора умудрилась нажать такую комбинацию клавиш на клавиатуре, что программа схлопнулась, не сохранив данные за день, что было в принципе невозможно. Такую работку я был бы не прочь повторить.

— Будешь моим доверенным человеком. Сейчас трудно найти кого-то, кому можно доверять, а ты с высшим образованием, да еще и физик, не обманешь. Платить буду хорошо, за доверие.

Логика была странноватая, хотя, наверное, правильная.

— А что делать-то надо? — Что-то меня беспокоило.

— Да фигня... иногда отвезти пакет, куда скажу — там важные документы, нельзя кому попало доверить. Стольник баксов за поездку.

Это была почти моя месячная зарплата. В голове у меня замигала красная лампочка, раздался сигнал тревоги, да и «копейка» начала дергаться, привлекая мое внимание. «Спокойно, мой бежевый ангел», — сказал я ей, а гостю ответил:

— Извините, не могу.

— Ха, умный, да? — усмехнулся, сверкнув золотым зубом, гость и добавил: — Тогда другую работенку, попроще.

— Нет, — сказал я, — спасибо, мне не нужна работа.

— Да ты не ссы! — хохотнул гость и похлопал меня по плечу громадной ручищей, которой он мог бы просто взять меня за голову, как мячик, и приподнять. Наколок на его пальцах я не заметил. — Эта работа тебе понравится. По-аглички соображаешь?

— Ну... немного... — оторопел я.

Неужели через границу пакеты возить?!

— А много и не надо, — заржал он.

«Копеечка» перестала кряхтеть и внимательно слушала, готовая в любой момент предупредить.

У нашего гостя, который занимался непонятно чем и имел через это много денег и неприятностей, была дочка девятнадцати лет, которая чему-то где-то вроде бы училась. А он очень хотел ее отправить за бугор. «Не хочу, чтобы она здесь жила. Сама ничего делать не умеет, а если что со мной не так пойдет... Мне-то — хрен с ним, а ее жалко». И не придумал он ничего лучше, как пристроить дочку в самое дорогое агентство знакомств, чтобы найти американского жениха — «знаешь, сколько баксов туда запихал». Там дочке составили описание, подретушировали фотографию и выпустили в полет. Довольно быстро нашелся жених, американец лет тридцати, с виду вроде ничего. Он и письмо барышне прислал, заплатив агентству за адрес. В общем, все идет по плану, да вот непредвиденная загвоздка вышла — письма-то он пишет по-английски. Осознав оплошность, папа нанял дочке учителя английского, который обещал за пару месяцев обучить языку. А пока надо заняться письмом — перевести его на русский, а потом перевести ответ.

— Идет! — согласился я, мой ангел вроде тоже не возражал.

Письмо оказалось у него с собой — четыре небольшие странички рукописного текста и парочка вложенных фотографий, которые мне было видеть не положено.

— Сколько тебе нужно времени, чтобы его перевести?

— Минут двадцать, — прикинул я.

— Значит, так, — взял на себя командование заботливый папаша. — Я пойду по делам, меня не будет полчаса. Ты переведешь письмо, запишешь перевод — и нормальными буквами, чтоб я понял! — а потом отдашь мне. Никуда не уезжай, понял?..

Я кивнул в ответ. Через пять минут мы подъехали к какому-то подъезду с железной дверью без вывески, он оставил мне письмо и ушел. Я начал читать. Американец восхищался русским искусством и мечтал найти русскую девушку, которая перечитывает Толстого и Достоевского, наигрывает на рояле Чайковского и запивает все это чаем из самовара. Он работает в библиотеке, любит итальянскую пиццу и самостоятельно изучает русский язык, чтобы обсуждать со своей невестой стихи Пушкина. Он уже знает, как сказать по-русски «я тебя люблю». Тут я спох-

ватился — не на чем было записать перевод, ручка-то в бардачке всегда валялась, а бумаги не было. Я покопался в своей сумке, нашел парочку завалывшихся листов из черновика диссертации и на обратной стороне написал все, что американец хотел сообщить своей русской невесте. Некоторых слов я не знал, придумывал на ходу, чтобы вписывались в контекст. Потом я отдал заботливому папаше письмо его будущего зятя, оставил бумажку со своим телефоном (рабочий номер) и именем, получил очень неплохой для получасовой непыльной работы гонорар и укатил по делам.

Звонок раздался на следующий же день.

— Слышь, это я, — раздалось в трубке.

Я узнал его сразу, но решил помучить, хотя и было страшновато:

— Кто — я?

— Это Серый, Сергей это, Михайлович. — Чувствовалось, что Серый с трудом вспоминает свое отчество. — Ты мне вчера письмо переводил.

— Добрый день, Сергей Михайлович! Все в порядке? — поинтересовался я, хотя, если бы все было в порядке, звонить бы он не стал.

— Проблема есть, — сообщил он и, видимо, услышав, что у меня прервалось дыхание, добавил: — Да ты не ссы, все хорошо, надо ответ написать.

Через полчаса я подъехал к той же двери, он вышел и сказал:

— Слышь, брат, выручай. Дочка в мать — послала меня с женихом, не хочет к такому придурку ехать и писать ему не хочет. Короче, ты пока сам америкосу отвечай, как будто ты — это она.

Я не очень понял, решил уточнить — я же должен согласовывать письмо с ним. Он рассердился:

— Ты тупой, что ли? На кой мне эти сопливые письма читать? Тебе надо сделать, чтобы он ее пригласил в Штаты, но чтобы сам не приезжал, а я дочку уломаю... У-у, дура!

Сердился он все-таки не на меня, дал мне гонорар и велел принести завтра ответное письмо.

Вечером меня терзали муки творчества — нелегко перевоплотиться в девятнадцатилетнюю благородную девицу, как ее представляет себе американский библиотекарь. Что-то я из себя выжал — про Большой театр и про Рахманинова (немножко тяжеловато для кисейной барышни, но ничего), поругал современную «так называемую музыку». С музыкой я попал в самую точку — в следующем письме американец долго поносил современную эстраду. Еще я спросил, что наиболее интересно из американской литературы. Расписал, как красиво встречать белые ночи над Невой, стоя на набережной и наблюдая за разводом мостов (а вот это было ошибкой — у него даже промелькнула мысль приехать, но я ее в корне загасил).

Я вел двойную жизнь — мое обычное дерганое существование и сутенная забота о хлебе насущном иногда прерывалась, и я превращался на вечер в странную идеализированную барышню, существующую только в воображении американского библиотекаря. Мы с ним вели изысканные бе-

седы без содержания, он никогда не спрашивал о практических деталях, не просил прислать фотографии. Я относил письма Сергею Михайловичу и получал свою мзду, довольно существенную. Когда приходил ответ из Америки, он звонил, и я забирал письмо библиотекаря. В третьем письме я уже напрямую намекнул на встречу, жених начал свыкаться с этой мыслью.

Поначалу мне это было забавно и интересно, а потом стало жалко библиотекаря. Я представлял его, сидящего в одиночестве в громадном зале вечером после закрытия и общающегося в письмах не с реальным человеком, а всего лишь с плохим отображением его собственных фантазий, преломленных через мой мозг. По сути, он общался с самим собой, и это замыкало круг, изолирующий его от мира. Поэтому, когда мне опять позвонил папаша и сказал, что писем больше не будет, я не очень огорчился, все же поинтересовавшись, что случилось.

— Не твое дело, — отрезал он, а потом неожиданно добавил: — Спасибо тебе!

Больше я его не видел, и что стало с библиотекарем — тоже не знаю...

Мы все играем роли: успешный профессионал, послушный ученик, заботливый отец, бесшабашный хулиган... Но любая роль — это отражение кого-то другого. Но не могут же все быть отражениями — даже в самом сложном зеркальном лабиринте должно быть что-то настоящее, чтобы заполнять все своими отражениями, иначе будет только мрак. Кто они, те, кто многократно отражается в других? За ролями трудно познать себя — какой ты есть, да и есть ли ты вообще, настоящий и искренний... Может, ты только нагромождение ролей, как капустных листьев, а внутри нету кочерыжки, и ты уже не капуста, а салат... Не знаю, но среди листьев моего кочана есть довольно необычный — роль русской невесты.

5. Сестра

Разные нам с «копеечкой» попадают гости, мрачные и веселые, щедрые и жадные, разговорчивые и молчаливые. Разговорчивых больше. Иногда в таких грехах каются, что священник в исповедалне завистью изойдет. Думаю, это не из-за излишней болливости, просто таксист в большом городе — очень удобный слушатель. Он выслушает (а куда ж деваться-то?), а потом пропадет навсегда. Мы же, таксисты, не священники, наше дело маленькое — доставить гостя по указанному адресу.

Белые ночи — самое лучшее время в моем городе. В легких сумерках его ненавязчивая, но запоминающаяся красота многократно усиливается, затмевая блистательные мировые столицы, а неприглядные стороны, заметные при ярком солнце, наоборот, становятся незаметными. В это время не чувствуешь утомления даже ночью, после тяжелого дня. Спать, конечно, хочется, но изматывающей, пронизывающей все тело и душу усталости, которая зимой прижимает к земле, во время белых ночей нету. И земля не так крепко держит — дает распрямиться и даже как будто немножко полетать. А сон в белую ночь, легкий и добрый, напоминает бабочку капуст-

ницу, незаметно опустившуюся на плечо, а не тяжелый пыльный мешок, падающий на голову, когда доползаешь до кровати зимой.

Был поздний летний вечер или уже раннее утро — ночи в это время просто нету, солнце висело низко над самыми домами, прямо по курсу. Его красноватые лучи очищали мысли и осветляли воспоминания. Машин здесь, вдалеке от массовых гуляний на набережных Невы, было мало, людей еще меньше.

Эту девушку мы увидели издалека. Она не вытягивала руку, не выходила на проезжую часть, она взглядом дала понять, что ей нужно ехать. Мы остановились. Она устало, но мягко опустилась на сиденье, сказала: «Домой» — и задумалась о чем-то. Я молчал. Через минуту, заметив, что мы никуда не едем, она спохватилась, виновато улыбнулась и назвала адрес, пояснив:

— Извините, задумалась...

— Бывает, — согласился я, и мы поехали.

Ехать было далековато — на северную окраину города, но белой ночью ездить по пустым проспектам легко и приятно. Наша гостья была молода, красива, одета «на выход», дорого, но оставалось ощущение какой-то незавершенности в одежде. Вид был уставший. Поначалу она пыталась если не заснуть, то хотя бы расслабиться и забыться, но не получалось — видимо, что-то мешало. Она посмотрела по сторонам, потом на меня — и сказала:

— Красиво! Люблю белые ночи.

— Ага, — сказал я, — я тоже.

— Профессионально «бомбите»? — без особого любопытства заинтересовалась гостья.

— Да нет, так, между делом.

Я вспомнил, что мы ее подобрали около развлекательно-гостиничного комплекса, и спросил, тоже без любопытства:

— С вечеринки едете?

— С работы... — ответила гостья.

— В казино, крупье? — решил я блеснуть знанием красивой жизни, почерпнутым из бульварных газеток.

— Да ладно, не прикидывайтесь, что не поняли. — Она, видимо, решила, что я глупо шучу.

Но я и вправду не подумал о древнейшей профессии. Она совсем не походила на уличных проституток, которых мне доводилось видеть и которые иногда, совершенно непонятно откуда взявшись, заглядывали в окошко «копеечки» со словами: «Молодой человек не желает развлечься?» В таких случаях «копейка» с отвращением закрывала окно, и мы уезжали. Но сегодняшняя ночная гостья не была похожа на ту публику.

— Продаю любовь за хорошие деньги, — цинично, с вызовом, пояснила она.

— Любовь? — поразился я. — Вы можете продать любовь? Это сильно, такие женщины всегда ценились, но их было совсем немного.

Гостья взглянула на меня с интересом и протянула:

— Забавно... — в уголках ее глаз появились легкие морщинки, обозначающая едва заметную улыбку. — Ладно, уточним — не любовь продается, а профессиональные услуги.

— Теперь ясно, — улыбнулся в ответ я, — а то я уж подумал...

Развивать эту тему мы не стали — и дальше ехали молча, наслаждаясь солнечными лучами.

Вдруг она заплакала, тихо, по-девичьи, вздрагивая плечами. Я посмотрел на нее, но ничего не сказал и не попытался выяснить причину или успокоить. Она перестала всхлипывать и сказала:

— Блин, наступил ты на большую мозоль...

— Извините, — вежливо ответил я, хотя не понимал, за что именно, и раскаяния не испытывал.

— Да ладно, — отмахнулась гостья. — А давай на «ты», мы же с тобой оба услуги продаем. Ты чем вообще занимаешься, кроме того, что таксуешь?

— Я тоже продаю свои услуги, знания и умения, только не отдельным людям, а всем сразу. — Я решил говорить загадками, как Сфинкс.

Но ее эта загадка не смутила.

— Художник? Или ученый? — сразу сообразила она, потом внимательно осмотрела меня и заключила: — Нет, не художник.

— Верно! — удивился я такой проницательности. — Физик.

Опять помолчали, наслаждаясь прозрачной и парящей атмосферой белой ночи.

— Физик... — выдавила гостья, — лирик... Художник... Вот ты говоришь, что любовь не продается... — продолжила она. — Не возражаешь, я поплачусь тебе? Советов, сожалений не надо, послушай — и все. По крайней мере, не заснешь.

— Давай, — согласился я, готовясь отключать слух от мозга, чтобы не вникать в историю раскаявшейся проститутки. Но кое-что я все-таки уловил.

Гостья была из «золотой молодежи» — дочка профессора-лингвиста по романским языкам, который постоянно мотался по заграницам, и легко оказывалась своей в самых элитных компаниях. Яркие шмотки, модные гаджеты и большая дача с громадным участком, заросшим лесом, на Карельском перешейке — пропуск в высший мир. Она без проблем поступила в университет на филфак — папины контакты работали безупречно. А потом... Пришли большие перемены, статус и доходы профессоров упали ниже плинтуса, тем более что папа заболел и больше не мог часто ездить на отхожий промысел по Европам. И она стремительно свалилась на уровень обычного студента. Привыкшая к широкой жизни, она заметалась в поисках источника нормального существования. И метания были замечены. Один из солидных людей, изредка появляющийся на тусовках, взял ее под покровительство, и она стала тем, кем стала — элитной эскорт-девицей, обслуживающей гостей и деловых партнеров своего покровителя. Надо было не только и не столько обслужить их физически, но и провести экскурсии, сводить на балет, обаять и сделать так, что-

бы у гостей остались самые приятные впечатления. И она преуспевала в этом — красивая, хорошо образованная (теперь-то она с благодарностью вспоминала те убитые дни и вечера, когда папа силой таскал ее в музеи и театры), неплохо, с приятным акцентом и милыми мелкими ошибками говорившая на нескольких европейских языках. Оплата была хорошей — пары выездов хватило бы, чтобы нормально жить месяц, но вызывали чаще, а отказать покровителю было нельзя. Сам он, впрочем, никогда не пользовался своим покровительством в личных целях — только бизнес. Она знала, что такое положение — недостижимая мечта тысяч других девушек, но на душе рос пласт недовольства, который был готов в любой момент сорваться сокрушающей лавиной.

У нее был друг детства — парень на пару лет старше, творческая натура. Он окончил архитектурный институт, работал где-то в проектно-бюро и был художником от бога, писал странные картины. На жизнь подрабатывал тем, что делал акварели с видами города, которые чужие люди продавали на Невском проспекте. Ему доставалось не более десяти процентов от дохода, но этого хватало. Среди местной богемы он не появлялся, недолюбливал ее и вел довольно тихую и спокойную для артистической натуры жизнь.

Она была влюблена в художника еще с детства, а когда повзрослела, то влюбленность не пропала, как это обычно бывает. А он, хотя и симпатизировал ей — она это знала, — сторонился ее. И сейчас она созрела, чтобы подойти к нему в открытую, но боялась, что он отвергнет ее. И вообще, она хотела бросить все и начать новую жизнь. Почти никто не знал про ее *работу*, и она была уверена, что покровитель отпустит. Но она-то не забудет, над ней-то прошлое будет всегда висеть. Новой жизни не получится.

— Вот и все, спасибо, что выслушал, — сказала гостя, — соплей и слюней не надо.

Я прищурился на солнце.

— У тебя есть сестра-близнец? — спросил я, сам не понимая, к чему это.

— Нет, — оторопело ответила она. — А почему ты спросил?

— Давай считать, что есть, — сказал я, все еще глядя на солнце.

— Зачем?

— Давай считать, что твоя сестра-близнец — она совсем как ты, только она не знает про твою... торговлю.

— И что? — Она заерзала на сиденье, видимо, начиная сомневаться в моей умственной полноценности. Я ее сомнения разделял.

— А то, что я сейчас тебя убью, а дальше поедет твоя сестра. — Я сам поразился своим словам, но воспаленный от солнца мозг гнул свое.

Гостя начала нервничать, рылась в сумочке в поисках то ли телефона, то ли перцового баллончика. А я со спокойствием маньяка продолжал:

— Вот смотри, навстречу шаланда-грузовик едет, «вольво», весит тонн тридцать. Через десять секунд я выверну руль влево и дерну ручник, нас занесет правым бортом вперед, прямо под «вольво». У тебя не будет никаких шансов, да и у меня их немного...

Она судорожно искала ручку двери и одновременно продолжала рыться в сумочке. «Копеечка» тоже испугалась — я чувствовал это по задрожавшему рулю, но, умничка моя, доверяла даже после таких слов...

Грузовик стремительно приближался, я отвел глаза от солнца — на всякий случай...

— Что-нибудь заметила интересное? — спросил я через секунду.

Гостья подняла голову и только сейчас увидела, что «вольво» уже позади нас.

— Кретин, псих! Останови сейчас же! — закричала она.

Все-таки филологическая семья накладывает отпечаток на человека — я бы легко понял, если бы она употребила более крепкие слова и выражения... или ударила бы меня. Я притормозил — «копеечка» тоже еще подрагивала от пережитого стресса — и сказал нашей дрожащей гостье:

— Посмотри назад.

Она оглянулась, глядя на то место, где грузовик и «копейка» мирно разошлись — ничего особенного, выбоина в асфальте, крышка люка, пятно давно пролитой белой краски. И она увидела, как бы это могло быть: вот наша маленькая бежевая машинка заскользила влево, тридцатитонная махина подмяла ее под себя с отвратительным скрежетом... и все.

— Я вижу, ты все себе представила... Все ведь так просто, верно?.. Так вот, твоя сестра, которая совсем такая же, как и ты, но у которой был один секрет, осталась там. А ты — здесь. Твоя сестра не хотела, чтобы ты знала про этот секрет, и ты не будешь знать.

Она еще раз взглянула на то самое место, на меня, достала зеркальце, посмотрелась в него, переложила что-то в сумочке. Успокоилась и наконец-то сказала нормальным голосом:

— Ну ты, блин, даешь, псих хренов. Спасибо, я, наверное, кое-что поняла. А теперь вези меня домой, только тихо, без закидонов...

Оставшиеся пару километров мы проехали спокойно, на солнце я больше не смотрел.

Когда она выходила из машины, я пожелал:

— Удачи, сестра!

Она весело рассмеялась и махнула рукой:

— Спасибо, псих! — А потом уже тихо добавила: — Может, работает, а?..

А я еще раз извинился перед «копеечкой» за такую выходку: «Это все солнце», — потом погладил ее по оплетке руля и сказал: «Спасибо, подруга, ты-то мне всегда веришь».

6. Друг

В жаркий летний день самое лучшее — это вырваться из каменного мешка города и очутиться на даче. Крохотные участки, напичканные грядками или сорняками, спрессованы до состояния, когда можно переговориваться, не повышая голоса, с соседями соседей, с перерывами на чай

с сушкой или клубнику, малину или смороду со сливками, в зависимости от сезона. А можно сидеть с какой-нибудь давно знакомой, зачитанной до дыр книжкой или журналом «Наука и жизнь» 30-летней давности или просто задремать на затененной веранде на продавленном, неудобном, но ужасно уютном диванчике и видеть легкие странные сны, как те, что отображены на картинах Дали.

Но всему когда-то приходит конец, мое пребывание на даче закончилось, и мы с «копеечкой» аккуратно выползли на дорогу, ведущую к центру поселка, а потом, переходя в асфальт, вливающуюся в шоссе. Сперва мы с кряхтением переваливались из ямы в яму на внутренней улице, называемой почему-то *линией*, пока не выбрались на нечто, напоминающее дорогу. Здесь не так давно прошел греjder, и дорога была покрыта мелкой гребенкой. По такой гребенке надо или ползти медленно, плавно перекаtywаясь между грунтовыми волнами, или нестись быстро по самым гребням этих волн. Разумеется, мы выбрали второй вариант — и неслись, едва касаясь колесами земли. Амортизаторы работали напряженно, но кузов плыл над грунтовкой ровно и плавно. Сзади поднималось облако пыли в форме дракона: уже давно не было дождя. Мы от него убегали, но бесформенный серый дракон не отставал, растянувшись на добрый километр. Мы проезжали вдоль бывшего карьера, заполненного водой — там и купались, и пытались ловить рыбу, даже испытывали самодельные бомбочки. Сразу за карьером грунтовка переходила в асфальт, и там уж мы бы оторвались от пыльного дракона.

Вдруг я увидел, что нам наперерез бежит мальчик лет десяти и что-то держит в руке. Я напрягся — у нас уже был опыт, когда подrostки кидались камнями в мою бежевую подругу, а потом убегали. Но этот мальчишка подбежал уже слишком близко для хулиганских выходок, и в руке у него — я от изумления даже присвистнул — был одинокий ботинок. Он что-то кричал, но я не слышал слов — похоже, надо было остановиться и разобраться, в чем дело. Я затормозил, и нас тут же накрыл серо-желтый дракон — на зубах заскрипел песок, в горле запершило.

— Дяденька, дяденька, помогите!.. — неразборчиво затараторил мальчишка и чихнул.

— Спокухин! — сказал я. — Спокойно расскажи, что случилось.

— Там Витька! У него из ноги! Кровь идет! Он весь белый! Помогите! — Каждую фразу мальчишка выкрикивал отдельно.

— Пойдем, посмотрим на твоего Витьку, — сказал я спокойно, хотя помощь, похоже, действительно требовалась.

Пыль начала оседать, и я увидел, что на берегу карьера около воды в странной скрюченной позе сидит мальчишка в одних трусах и его выпяченные крылья-лопатки равномерно дергаются. Я ускорил шаг и подошел к нему, но он меня не замечал — сидел, обняв обеими руками свою правую ногу, и, склонившись над ней, разглядывал ступню, равномерно раскачиваясь взад-вперед. Мне пришлось его обойти со стороны воды, где было причалено какое-то несуразное подобие плота. На подошве

ступни была довольно глубокая рана, откуда медленно сочилась густая кровь. Непосредственной опасности для жизни не было, но что-то меня беспокоило.

— Быстро рассказывай, как тебя так угораздило! — скомандовал я, но парнишка молчал и продолжал раскачиваться, разглядывая свою рану. Он явно был в шоке. В глазах, кроме ужаса, ничего не было.

Я повернулся к тому, что бежал мне наперерез:

— Тебя как зовут?

— Гоша, — отозвался тот и тут же уточнил: — Игорь.

— Давай, Гоша-Игорь, рассказывай, как Володя ногу пропорол.

— Не Володя, а Витька, — поправил Гоша.

— Хорошо, пусть Витька.

— Мы плавали на плоту... — начал тот.

Я внимательно посмотрел на плот — дощатый щит от забора, на нем кривая палка полтора метра длиной, разбитый стакан с землей. Так... стакан с отбитым верхом...

— Он на стакан наступил? — спросил я Гошу. Тот кивнул и опять начал быстро-быстро бормотать:

— Вы ему жгут наложите и еще таблетку какую-нибудь дайте, чтоб не больно было. Он не умрет?.. Если надо, я ему свою кровь дам.

— Вот угораздило-то... — пробормотал я про себя, а вслух громко и сердито произнес: — Жгут не нужен, он не умрет, помоги-ка мне.

Я взял Витьку на руки и осторожно понес к машине. Мальчик был худенький и почти ничего не весил. Он немножко отвлекся, в глазах появилось что-то живое. Он посмотрел на меня с подозрением, попытался отодвинуться, так что я его чуть не уронил.

— Отпустите меня, мне домой надо, мама зеленкой намажет — и все пройдет.

— Ты где живешь?

— Мы за родником живем, — пояснил Гоша, — я на третьей линии, а Витька — на четвертой, второй дом от дороги, желтый такой.

Это пара километров по колдобинам, а смысл... Только время потеряем.

Я вытащил из бежевого багажника аптечку и неумело перевязал раненую ступню.

— Значит, так... Тебе надо в больницу, там сделают укол от столбняка, только потом домой.

Слово «укол» подействовало успокоительно, Витька согласился на больницу. Когда рана скрылась за белой повязкой, он уже мог реагировать на слова.

— А ты, Гоша, помоги мне одеть Витю, не в трусах же ехать, и дуй к нему домой, скажи, что я повез его в районную больницу. Пусть подъезжают туда.

— Нет! — твердо ответил Гоша. — Я с ним поеду! Вдруг ему кровь понадобится, я дам.

— Хорошо, — согласился я.

Мы поехали. До больницы было минут сорок спокойной езды, но Гоша нервничал и все время просил:

— А побыстрее можно? Витька, ты только не столбений!

Мы поддали. «Копеечка» лихо крутила колесами, я сосредоточенно глядел на дорогу, высматривая ямы. Витя начал снова впадать в ступор, и Гоша его постоянно тряс. Я увидел в зеркало заднего вида, что Гоша даже гладит Витю по голове и еле сдерживает слезы, а тот с удивленным видом отстраняется — такие сантименты не приняты среди мальчишек. Атмосфера стала напряженной. Чтобы хоть как-то разрядить загустевшую тишину, я сказал:

— А теперь расскажите, как вас занесло на этот чертов плот с разбитым стаканом.

— Мы рыбу ловили, — объяснил Гоша.

— Рыбу? — изумился я. — В этой луже? Да ее там и не было никогда.

— Есть, — вмешался раненый. — Я сам мальков видел.

— Ага. — Я наконец-то понял, что та кривая палка на плоту была удочкой. — Ну и ловили бы себе с берега.

— С берега не клевало, — грустно сказал Витька. — А вот он сказал, что надо, чтоб глубоко.

— Ничего я такого не говорил, — закричал Гоша. — Ты сам сказал, что с лодки лучше.

— Да? А кто предложил плот сделать? — Витя от возмущения даже про ногу забыл.

— Эй, друзья, не ссорьтесь! — я попробовал их утихомирить. — Вы сделали плот, а стакан-то вам зачем?

— Для шитиков, — хором ответили рыболовы.

— Для кого?

— Для шитиков! Это такие гусеницы, под водой живут, в домиках.

— А-а, ну это понятно, — ничего не понял я. — А рыбу вы куда собирались складывать?

Они переглянулись: было ясно, что об этом не подумали. Ладно, запомним для ясности. Я спросил, почему они были босиком. Оказалось, что под их тяжестью плот почти полностью уходил под воду; чтобы не замочить обувь, они ее сняли и оставили на берегу. Нашли где-то разбитый стакан, накидали туда земли и стали с плота искать в воде шитиков. Плот качнулся, и Витя наступил на стакан. Все просто.

Бежевая подруга не подвела — примчала быстро и остановилась прямо на пандусе у приемного покоя. Нас приняли сразу. Витю увели, Гоша ринулся было за ним, но похожая на белый шар медсестра оттеснила его в угол и спросила:

— Друг?

— Друг! — подтвердил тот.

— Ну и сиди спокойно. Теперь все с твоим другом будет хорошо — доктор все сделает.

— А ему кровь нужно будет переливать? Я дам! — Гоша снова вско-чил.

— Ух ты, друг. — Шарообразная сестра улыбнулась и погладила его по давно не стриженным волосам. — Если понадобится кровь, мы тебя позовем в первую очередь.

— Хороший друг у вашего сына, — обратилась она ко мне.

— Он не его сын, — вскочил возмущенный Гоша, решив, что я сейчас присвою Витьку себе. — Он мимо проезжал!

— Сознаюсь, — улыбнулся я. — Я просто проезжал мимо и решил подвезти мальчишек до больницы.

— Ну тогда ты, друг, помогай анкету заполнять, — обратилась сестра к Гоше. — Как зовут больного?

— Витька! — с гордостью, что ему доверили столь важное дело, отчеканил тот.

— Виктор, — записала сестра. — А фамилия?

— А я не знаю... — прошептал Гоша в ужасе, что теперь Витьку не станут лечить.

— Ну вот, — огорчилась сестра. — Друг, а фамилию не знаешь. А родился он когда?

— Зимой... — Гоша был совсем убит собственной ничтожностью.

— И где он живет — тоже не знаешь?

— Четвертая линия, второй дом, желтый. — Гоша радостно начал, но сразу понял, что это не то, что нужно, и печально закончил: — Также не знаю... А вы его теперь лечить не будете? — Он почти плакал от досады.

— Без фамилии-то? — засмеялась сестра, но, посмотрев на Гошу, перешла на серьезный тон: — Лечить мы его будем обязательно, не переживай, но и форму заполнить надо.

— Пусть придет кто-нибудь из взрослых родственников. — Она уже обращалась ко мне тоном, не допускающим возражений. — Постарайтесь побыстрее, чтобы до окончания моей смены.

— Ну что, друг Гоша, поехали назад. — Я пошел к выходу.

— Я останусь! — уперся он. — Она же сказала, что позовет меня, когда кровь будет нужна.

— Переливать кровь не понадобится, — уверенно сказал я.

— Вы не знаете, вы не доктор! — Гоша не сдавался.

— Дядя правильно сказал, — вмешалась сестра. — Поезжай домой.

— И вы не доктор! — Гоша был непреклонен. — Вы медсестра... и не знаете.

Сестра тяжело вздохнула, сказав:

— Ну ладно, пойду спрошу у доктора, — и скрылась за дверью с забеленными стеклами. Вернулась она через минуту и с сердитым лицом объявила: — Доктор сказал, что кровь не понадобится.

Доверчивый мальчик смирился и уныло поплелся к выходу, теребя в руках Витин ботинок. Вдруг он ринулся назад, подбежал к сестре и, заглядывая ей в глаза, заканючил:

— А можно с ним попрощаться? Ну пожа-а-алуйста...

— Ишь, чего удумал, прощаться. — Сестра рассердилась. — Ну-ка, давай домой! Прощаться... Нельзя туда, дружку твоему сейчас укол делают.

— Чтоб не остолбенел? — выказал эрудицию Гоша.

— Чего?.. — остолбенела сестра. — А-а, ну да, от столбняка. Забирайте его отсюда, мне работать надо!..

Назад ехали долго. Сколько я ни пытался разговорить попутчика, он молчал и упрямо глядел в окно. После карьера мы ехали медленно, чтобы не будить пыльного дракона. У родника я остановился.

— Куда дальше?

— Дальше я сам, — сказал Гоша и начал вылезать из машины.

— Погоди, — сказал я. — Давай я с тобой, надо же все объяснить, отвезти Витиных родителей в больницу.

— Спасибо, — твердым голосом ответил он. — Я сам. Машина у них своя, получше вашей будет. А Витьке мама запрещает разговаривать с незнакомыми, ему попадет за вас.

Меня такая логика удивила, но спорить не хотелось.

— Давай так, Гоша, — предложил я, — я подъеду поближе и буду ждать в машине. Если будет нужно, ты меня позовешь. Идет?

— Идет, — согласился Гоша, снова залезая в машину. — Сейчас вот туда... и осторожно, там яма глубокая.

Мы подъехали к четвертой линии. Я остался в машине; Гоша, все с тем же одиноким ботинком в руке, помчался к желтому дому. Я включил радио, но ничего стоящего не ловилось. Конечно, полдня пропало, я сегодня собирался поработать, но не судьба. Я вышел из машины и решил пройтись по полю, начинающемуся сразу за дорогой: красота — трава по пояс, ромашки... Но тут же споткнулся о кочку, принялся отбиваться от мух, а когда к ним на подмогу примчалась пара слепней, позорно ретировался к «копеечке».

Стал думать о сегодняшнем происшествии. Само по себе ничего особенного. Почему-то я совершенно выбросил из головы пострадавшего — рана нестрашная, с ним все будет нормально. Героем дня сегодня стал Гоша — о таком друге можно только мечтать... А вот и он, легок на помине...

— Ну как? — спросил я. — Все в порядке?

— Да, — ответил Гоша. По-моему, он уже держал меня за своего. — Хорошо, что Витькин папа дома, а то его мама чуть от страха не умерла.

— Что ты ей такого сказал?

— Я ничего не сказал, — начал оправдываться Гоша. — Но, когда я вошел с Витькиным ботинком, она чуть не упала. Хорошо, что Витькин папа на веранде сидел.

— Да-а... — посочувствовал я. — Так помочь чем-нибудь надо?

И сам же понял, что не надо: с четвертой линии с ревом и пробуксовкой вылетела красная машина и помчалась в сторону выезда из поселка. Разбуженный серо-желтый дракон встал в полный рост, но быстро стал снова засыпать.

— Ну ладно, Гоша, а тебе что-нибудь нужно? Хочешь мороженого?

— А мне тоже нельзя с незнакомыми разговаривать, — парировал он. — Особенно, если они конфетку или мороженое предлагают.

— Молодец, правильно, — согласился я. — Тогда я сам поеду мороженое есть. Ну... пока, Вите привет!

— А вы здесь живете? — мальчишеское любопытство брало свое.

— Здесь мои родители живут летом, а я к ним в гости приезжаю, — ответил я. — Так что, может, еще увидимся. Тогда я уже не буду незнакомым... и обещаю тебе и Витьке по мороженому.

— Если с Витькой, то можно, — согласился Гоша.

— Ты хороший друг, Витьке повезло! — сказал я.

— Не-е, Витька лучше, он мне американскую машинку подарил! Ему дядя две привез.

— Ладно, Гоша, мне ехать пора. Пока! Давай пять!

— До свидания! — Он очень старательно пожал мою руку и повернулся, чтобы убежать.

Бежевая подруга заурчала двигателем и начала разворачиваться, как вдруг я увидел, что Гоша снова бежит к машине. Я остановился. Он опять затараторил:

— А ему правда кровь не нужно переливать?

— Правда! — твердо ответил я. — Так доктор сказал. А ты домой иди, тебя тоже, наверное, мама уже ищет.

— Бабушка, — поправил он и побежал.

А мы с «копеечкой» тихонечко поползли по пыльной дороге. Сонный изжелта-серый дракон лениво шевелил хвостом там, где мы проехали.

7. Саблист

Плотный серый туман, наползший на город в этот осенний вечер, проникал повсюду. Даже нам с «копейкой» было сыро и зябко, несмотря на включенную печку и отличный джаз по радио, а уж думать о тех, кто был снаружи, не хотелось, чтобы окончательно не испортить настроение. Свет уже включившихся фонарей не разгонял туман, а лишь, многократно рассеиваясь, освещал его изнутри. Видно было на несколько метров вокруг, а дальше был только светящийся туман — ни людей, ни машин, ни домов, ни даже светофоров. Не требовалось особой фантазии, чтобы представить, что ты не едешь по улице на городской окраине, а плывешь по светящемуся океану и любопытный планктон со всех сторон наползает на твою не такую уж и прочную лодочку, а вот сейчас, возможно, выскочит грозный Кракен — ужас морей, который тебя чувствует, а ты его не видишь из-за светящегося планктона, и тогда не будет спасения...

Фары не помогали, они лишь сгущали туман, делая светящуюся стену впереди еще более плотной и страшной. Мы с бежевой подругой плыли на север очень медленно, чтобы иметь возможность хотя бы остановиться при приближении Кракена: вдруг он нас не заметит... И тут на нас с северо-северо-запада стало торжественно наползать что-то большое и темное. Кракен? Нет, мелкогато для грозы океанов, скорее... неболь-

шое суденьшко странной кубической формы, в нем человеческая фигура с большим мешком, лежащим возле ног, а в руке... Что это? Сабля? Куда меня занесло?..

Мы проехали еще пару метров, и все прояснилось: я не сошел с ума и не попал в пространственно-временной портал в этом проклятом тумане. Суденьшко превратилось в трамвайную остановку, а страшный пират — в молодого человека, даже подростка, немножко нескладного, со спортивной сумкой и длинным чехлом, откуда торчала рукоятка спортивной сабли.

Спортивная сабля, в отличие от легкой стремительной рапиры и тяжелой прямолинейной шпаги, рассчитана на нанесение рубящих ударов и требует от фехтовальщика комбинации навыков и умений — тут важна и реакция, и физическая сила, и умение выжидать момент. Поскольку это оружие не боевое, то клинок спортивной сабли легко гнется в поперечном направлении, что позволяет применять неспортивный удар с захлестом. У саблиста хорошо защищена голова фехтовальной маской, а грудь и передняя рука — защитным костюмом и перчаткой. Спина не защищена. Поэтому, если ударить противника плашмя, клинок захлестывает и бьет его по спине — это очень больно и обидно, и остается длинный и тонкий синяк.

Я знаю эту улицу — по ней ходит всего один трамвай, и одинокому саблисту придется еще долго его ждать в мистическом промозглом тумане. Я остановился, приоткрыл окно и сказал:

— Эй, спортсмен, давай довезу до площади, ты тут трамвая не дождешься.

— Почему вы так думаете? — недоверчиво спросил парень.

— Я сейчас мимо трамвайного кольца проезжал, там нету трамвая, тебе ждать не меньше получаса.

— А у меня денег нет, — сказал он. — Ладно, я подожду, спасибо.

— Садись, — сказал я, — за так довезу. Туман больно нехороший, негоже коллегу-саблиста тут бросать.

— А вы тоже саблист? — Парню явно понравилось, что я по форме гарды распознал саблю.

— Бывший, — уточнил я.

Он взгромоздил свой баул с формой на заднее сиденье, а сам сел рядом со мной, чехол с саблей держал в руках. Мы тихо поплыли дальше на север.

— Как успехи? — поинтересовался я.

— Уже никак! — Он вдруг рассердился. — Я теперь тоже бывший саблист...

Я молчал, он тоже. Потом его прорвало:

— Меня дисквалифицировали на два года, а это — конец карьеры! Я же должен был сейчас второй разряд получить — зачет был. А из-за этого Цветулькина... Ну я же не хотел — я его с захлестом, а клинок сломался. Сабля ведь хорошая была, венгерская, от дяди досталась. Вот смотрите!

Он раскрыл чехол и достал саблю — она была сломана пополам. Он сбивчиво продолжал, и я понял, что он сломанным клинком распорол защитный ватник на груди соперника, за что его и дисквалифицировали. И тут он заплакал от обиды... Потом попросил остановить, сказав, что здесь живет, и вышел. Я уверен, что жил он совсем не тут, но он уже не чувствовал себя комфортно в моей «копеечке», ему было спокойнее в светящемся тумане. Со сломанной саблей в руках можно и Кракена не бояться.

А мы поплыли дальше. «Копейка» уютно урчала, как домашний кот на теплой батарее, когда за окном беснуется вьюга; джаз по радио закончился и сменился попсой. Я выключил радио и, чтобы снова не попасть под гипноз тумана, стал думать о нашем сегодняшнем госте. Его рассказ был невнятным и путаным, и я решил придумать для него историю, даже если она и не имеет ничего общего с реальностью. Поскольку я не знаю его имени, звать его буду просто Саблист.

* * *

Когда в спортзале их школы открылась секция фехтования, Саблист туда пошел ради интереса вместе с друзьями — сразу человек десять из их класса, мальчики и девочки, воспитанные на романах Дюма, пришли на первое показательное занятие. Раньше они фехтованием не интересовались, если не считать «дуэлей» сучковатыми палками. Рапиру он отверг сразу — легкая какая-то, несерьезная. Да и показательное выступление рапиристов разочаровало — выглядит обменом булавочными уколами, хотя из романов он знал, что это впечатление обманчиво и укол острием настоящей рапиры может быть смертельным. Шпага слишком тяжелая, не для подростков. А вот сабля — самое то! Показательное выступление понравилось — серьезные мужчины в белых масках легко двигаются на некоторой дистанции друг от друга, выжидая удобного момента. Затем один бросается в стремительную атаку — красивый удар, другой парирует и тут же наносит ответный удар — очко засчитано!

Тренер, Ашот Адамович Арутюнян (они его называли *Три-А*), спуску им не давал: тренировочные бои были только в конце тренировок и рассматривались как десерт после изнурительной ходьбы «гусиным» шагом, отжиманий и игры на выбивание теннисным мячиком. У Саблиста получалось хорошо — врожденная реакция и аналитический склад ума позволяли ему успешно выстраивать бой, что в сочетании с неплохой физической подготовкой быстро вывело его в лидеры группы. Три-А делал на него ставку и всячески толкал вверх. На городском уровне Саблист был уже завсегдаем, зарабатывая очки, впереди светили первые национальные соревнования.

Когда стало понятно, что Саблист всерьез занялся фехтованием, его однажды пригласил к себе родной дядя и, заведя в кладовку, сказал: «Бери, если нужно!» Там был старый комплект фехтовального снаряжения — полуистлевший защитный ватник, фехтовальная маска и сабля.

Саблист и не знал, что дядя тоже фехтовал. Ватник можно было сразу выбрасывать, защитная сетка маски заржавела, через нее было плохо видно. Зато сабля была невероятной! Сделанная в Венгрии еще до войны (интересно, какими путями попала к нам?), она была не сравнима с тем казенным оружием, что он привык держать на тренировках: гарда блестяла, а деревянная резная рукоятка сливалась с кистью руки в единое целое. Саблю он взял с благодарностью, зашкурил, отполировал — получилась конфетка. Три-А оружие одобрил, сказал, что рукоятка удобнее, а баланс лучше, чем у современных массовых сабель. На соревнованиях Саблист получал от этого еще и легкое психологическое преимущество: в первые секунды поединка противник отвлекался на эту бросающуюся в глаза необычную саблю, что позволяло захватить инициативу.

В тот осенний день были очередные соревнования районного масштаба, где Саблисту надо было просто войти в десятку, чтобы добрать нужные очки. Плюнуть и растереть. В раздевалке он был спокоен, и когда произошла мелкая перепалка с парнем из другой команды, это его не особо задело. С кем не бывает — не поделили удобный шкафчик, тот его обозвал нехорошим словом, исковеркав фамилию, Саблист тоже в долгу не остался. На том и разошлись.

Но вот названы результаты жеребьевки, и Саблист должен сражаться со своим обидчиком из раздевалки. После первых же шагов на дорожке наш герой понял, что соперник слабый, опасности не представляет, и возникшее было напряжение спало. Тот бросился в атаку и сильно замахнулся. Саблист улыбнулся и даже показал язык (под маской все равно не видно) — замах выдает неопытного бойца, удар должен производиться незаметным движением. Парировать столь очевидно обозначенный удар труда не составило, и он тут же нанес контрудар легким движением правой руки. Есть первое очко! И тут острая боль пронзила ногу, да так, что брызнули слезы и захотелось взвыть — это соперник, поняв, что атака провалилась, ударил его по незащищенной ноге. Такой удар не считается, и судья даже сделал предупреждение, да что толку — очень больно, будет синяк. Что-то темное и густое заполнило его сознание — он отомстит этому наглому обидчику, который сперва обозвал и потом подлым запрещенным приемом заставил испытывать жгучую боль. Задача осложнялась — надо было не просто победить в этом бою, но и наказать противника. Тот теперь держался осторожно и в атаку не лез. Ну что ж, его это не спасет. Саблист выдвинулся вперед, сделал ложный замах справа; соперник купился и увел клинок для защиты, открываясь сверху. Саблист совершил молниеносный выпад и нанес сильный удар по плечу обидчика. В последнее мгновение рука сама повернула клинок плашмя, тот изогнулся, захлестнул через плечо и больно приложил противника по незакрытой спине. Это и была страшная месть, согласно плану, разработанному в кипевшем темной обидой мозгу. И тут произошло то, что часто происходит, если полностью отдаться чувству мести. Удар оказался слишком сильным, венгерский довоенный клинок сломался, и острый обломок сабли наискосок распорол стеганный защитный жилет противника.

Вся обида и жажда мести мгновенно исчезли, теперь Саблист с ужасом глядел на распоротый жилет, и в его широко раскрытых глазах отражалась страшная рана груди. Он помнил такое с детства, когда глубоко порезал руку: сперва была только белая, аккуратно открытая рана, такая, как сейчас, и только потом оттуда хлынула кровь. Он зажмурил глаза, потом открыл их — ничего не произошло, крови не было, соперник не падал запертво с раскрытой грудью. Да, сломанный клинок взрезал защитный жилет, но до тела не дошел. Теперь он наконец-то мог вдохнуть свежий воздух.

Разумеется, его дисквалифицировали, что означало конец карьеры, тренер прозрачно намекнул, что ему бы следовало переименоваться из Саблиста в кого-нибудь другого, например Горнолыжника или Пловца, освободив место для нового кандидата. Он был со всем согласен, готов понести любую кару — и только благодарил всех ангелов сразу — за то что защитный жилет оказался достаточно толстым.

* * *

Да, историйка получилась явно высосанная из пальца — столько неправдоподобных деталей торчало наружу, что даже моя «копеечка» недоверчиво хмыкала и, по-моему, даже посмеивалась надо мной. А может, причиной ее смешков были просто отсыревшие провода? Наверняка все было гораздо проще, но чего только не придумаешь, чтобы не провалиться в светящийся океан с притаившимся беспощадным Кракеном... Да и настоящую историю Саблиста мы никогда не узнаем.

8. Романтическое свидание

Даже самая деловая и суровая женщина тайно или открыто мечтает о романтическом свидании. Мужчины тоже не чужды романтике, но в силу давящих стереотипов и навязываемых им массовой культурой и женщинами же ролей вынуждены это скрывать под маской. Это может быть суровый терминатор с трехдневной щетиной, который не разменивается на романтику и быстро овладевает женщиной в коротком промежутке между срочными делами (спасение человечества, продажа партии оружия или просто пивной мальчишник), или изысканный джентльмен с такой же щетиной, который романтичен и благороден, но только потому, что леди это нравится. Ни тот ни другой романтиками не являются. Впрочем, за пределами киноэкрана и книжной обложки они и не встречаются. А если вам такой попадетсЯ — попробуйте содрать с него маску и посмотреть, что под ней. Обычно под романтическим свиданием подразумевается ужин при свечах, беседа при полной луне (от себя замечу, что полярное сияние гораздо романтичнее полной луны), поход в театр на что-нибудь печально красивое и не слишком тяжелое. Отсутствие комфорта и тяжелая нагрузка на организм, например горные восхождения повышенной сложности или сплавы по

бурным рекам с риском для жизни, тоже могут быть романтичными, но только после некоторой тренировки. Но нет предела возможностям, если есть желание и фантазия.

В то солнечное и уже по-осеннему прохладное августовское утро я завершил утренние гигиенические процедуры со своей бежевой подругой — промыл ей глаза, залил воду в бачок омывателя, проверил колеса — и забежал домой выпить чашечку кофе. Кофе я, когда могу, варю сам в кофеварке, привезенной много лет назад из Италии, и только из итальянского кофе. В Италии не растет кофе, как и в Финляндии, Германии, США, но итальянский кофе — самый лучший. Хотя я готов допустить существование и других мнений. Я люблю, когда во рту долго сохраняется легкий вкус хорошего кофе.

И тут зазвонил телефон. Это была моя хорошая подруга Оля, жена моего лучшего друга Миши. Был у меня еще и другой лучший друг, дружили мы втроем еще со школы. Был да сплыл... Как-то я ненароком узнал, что он флиртует с моей девушкой. Не знаю, насколько серьезно, насколько глубоко, да и знать не хочу. К девушке претензий быть не может: пофлиртовать с интересным, эрудированным мужчиной с благородно вытянутым лицом, печальным умным взглядом и томным неровным дыханием, намекающим на нелегкую судьбу, — кто ж против такого устоит. Но вот для него тайком встречаться с девушкой своего друга — это было выше моего понимания... Что ж, он сделал свой выбор. С тех пор мы с ним не виделись, он не пытался наладить отношения, а я отвергал все попытки общих друзей нас помирить.

После обмена приветствиями и подтверждениями, что все в порядке и погода сегодня отличная, Оля сказала:

— Ты знаешь, что-то мне тоскливо. Миша уже полтора месяца в отъезде.

Точно, за суетой я забыл, что он укатил на пару месяцев на стажировку во Францию.

— Заходи вечером к нам в гости, — предложил я.

— Знаешь, мне очень хочется чего-то романтического, а попросить некого. — Она немножко помялась, а потом решилась: — Если я с кем другим пойду, я за себя боюсь, вдруг голова закружится... А с тобой мне не страшно — мы же сто лет друг друга знаем, да и ты ведь Мишин лучший друг.

Моя реакция была триединой, да простят мне возможное богохульство. С одной стороны, слова красивой женщины (а она таковой была) о том, что она не боится идти со мной на свидание, не вызвали большого энтузиазма. С другой стороны, это было одним из высших проявлений доверия в моей жизни. И наконец, воспоминания о том, как я уже лишился одного лучшего друга, также не способствовали проявлению радости.

— А как же Миша? — осторожно спросил я.

— А мы ему не скажем, — беззаботно ответила она, — он сам посоветовал мне развлечься как-нибудь. Пожалуйста, очень тебя прошу, мне действительно очень надо!

Похоже, ей действительно это было нужно. Патовая ситуация: и Оле не откажешь, и лишиться еще одного друга не хочется. Я решил, что Мише потом все расскажу в любом случае, иначе как же я с ним водку пить буду и за жизнь разговаривать... А пока тянул время и пытался найти более-менее нейтральный вариант.

— Может, в театр тебя сводить?

— Не-е, не хочу, — не поддалась она, — надо что-то такое, романтическое, чтоб вспоминать можно было долго.

— В ресторан? — шел я по дорожке избитых ассоциаций, уже сочиняя на ходу легенду, в связи с пустотой в кошельке, что якобы забежал по делам к маме, которая меня накормила от пуза, так что сам есть ничего не буду.

— Ты что-нибудь пооригинальней придумать можешь? — Помоему, она даже начала сердиться. — Помнишь, ты на спор килограмм мороженого в «Лягушатнике» ел? Я до сих пор помню.

— Э-э... нет! — возразил я, посылая приказ успокоиться животу, который тоже, похоже, вспомнил то мороженое. — Я это тоже хорошо помню, больше на такое меня не купишь. Да и романтики там было не особо.

Задача была не из легких, но решить ее надо было быстро и без потерь.

— Слушай сюда, — принял я командование на себя. — Я подумаю и перезвоню. Ладушки?

— Отлично. — Оля с радостью отдала инициативу. — Давай только сегодня, хорошо? У меня сегодня выходной.

— Отбой! — закончил я. — Жди зеленого свистка!

Пока мы разговаривали, кофе забулькал. Я налил его в чашку, взбил в стакане молочную пенку с несколькими крупинками сахарного песка и осторожно добавил сверху. Получился капучино со сладкой пенкой — мое собственное изобретение и предмет особой гордости. Горячий кофе обжег язык, аромат — небо, мозг переключился на получение наслаждения от этого сочетания и рассылку бодрости по всем уголкам организма. А когда я с излишней старательностью соскребал ложечкой остатки пенки со дна чашки, он включился и отрапортовал: «Решение готово!» Решение было простым и неожиданным.

Я вымыл посуду и набрал Олин номер.

— Собирайся! — сказал я. — На сегодня самая романтическая одежда — джинсы, куртка, которую не жалко, и что-нибудь на голову, но только не соломенную шляпку.

— Класс! Мы поедем на пикник? — обрадовалась Оля.

— Нет, — загадочно протянул я. — Там увидишь...

Я вышел на улицу, похлопал «копеечку» по левому крылу и сказал: «Ну что, подруга, сегодня мы едем на романтическое свидание. Ты уж не подведи, да и за мной там следи, чтоб я не подвел». И мы поехали за Олей.

Когда Оля подошла к машине, я понял, что она не совсем точно исполнила мои указания: курточка была новенькая и яркая, красиво

уложенные волосы ничем не были покрыты. Зато я ей составлял хорошую пару — бесформенные джинсы, брезентовый анорак, старая бейсболка. И это она еще не видела, что в багажнике лежат две пары резиновых сапог.

— И куда это мы в таком виде? — Она явно не одобрила мой прикид. — Ты уверен, что это будет романтично? Учти, прополку грядок или лесоповал я романтикой не считаю.

— О-о! — восхитился я. — Отличная идея, в следующий раз приглашу тебя вместе с Мишей к маме на дачу на прополку. А сейчас поехали. Если ты потом скажешь, что это было не романтично, я снова готов слопать килограмм мороженого.

И мы поехали за город. Оля еще разок попыталась взбрыкнуть:

— Ты же знаешь, я не люблю туристскую романтику, туман и запах тайги...

— Знаю, — буркнул я, и она больше ничего не пыталась выяснить.

Это не значит, что мы ехали молча. Оля на меня вываливала свои успехи и проблемы, я спокойно пропускал это мимо ушей, иногда поддакивая, задавая наводящие вопросы или просто травя байки. «Копеечка», похоже, наш доброжелательный треп нравился, она не вмешивалась и бежала ровно, легко смягчая неровности дороги — ей вообще шоссе нравится больше, чем улицы, да и дорогу она знала, давно догадалась, куда мы едем.

Дорога заняла больше часа, но за разговорами время пролетело незаметно. Наконец «копеечка» свернула с шоссе направо, на грунтовую дорогу, заехала глубоко в лес и, слегка покряхтывая пружинами, остановилась на лесной опушке.

— Ну и куда ты меня завез? — оглянулась по сторонам Оля. — Под каким кустом романтику искать?

Я тем временем открыл багажник и вытащил две пары резиновых сапог. Одну пару протянул ей: «Надевай. Шерстяные носки внутри». Оля пока еще ничего не понимала, но сапоги натянула. И тут из багажника торжественно появилась плетеная корзина с небольшим ножиком, вертикально воткнутым между прутьями. Оля заглянула в корзину, убедилась, что она пустая, и удивленно спросила:

— Ты что, за грибами собрался?

— Почти угадала, — засмеялся я. — Только не я, а мы.

Да, это и была гениальная идея, навеянная кофейными парами — пойти за грибами. Место это я знал, погода стояла подходящая, в середине недели конкурентов быть не должно, в общем, ожидался неплохой урожай.

Поначалу Оля не выказывала энтузиазма, лениво ходила по тропинке и явно скучала, но, найдя небольшую семейку белых грибов (по моей наводке) и несколько подосиновиков (совершенно самостоятельно), она вошла в раж, бесстрашно зарываясь в дикие заросли. Она вела себя совсем не так, как положено уважающему себя грибнику, который блюдет одно основное правило — не показывать грибам, что ты в них заинтересо-

ван. Даже увидев красивейший гриб, ты не идешь прямо к нему, а слегка обходишь стороной, не выпуская из виду, чтобы не сбежал, как бы невзначай подходишь и, сохраняя каменное лицо, молча срезаешь. Оля все делала по-детски: едва завидев что-то похожее на гриб, она издавала боевой клич индейца, вышедшего на тропу войны, и бросалась в лобовую атаку прямо через подлесок. Ее радостные крики, означающие удачную находку, раздавались то слева от меня, то справа, то где-то впереди. Моей основной задачей стал уже не поиск грибов, а бег за Олей, чтобы она не потерялась. Через три часа на подгибающихся ногах мы вышли назад на полянку с тяжелой корзиной, полной разных грибов. Сверху лежали какие-то мелкие, но ужасно симпатичные лесные цветочки — ума не приложу, где Оля их нашла, мне такие не попадались, а может, я просто не туда смотрел.

Под бежевой крышкой багажника нашлось несколько бутербродов и термос с чаем, в который было добавлено чуть-чуть сахара и пол-лимона. Дожевывая колбасно-сырный бутерброд и запивая обжигающей бурой жидкостью с плавающими хлопьями лимона, Оля довольно сказала:

— Ладно, можешь не есть килограмм мороженого. Это самое романтическое свидание, какое можно придумать. И как тебе такое только в голову пришло? — Она по-дружески обняла меня.

В «копейке» что-то предупредительно защелкало, но опасности не было.

Назад мы ехали почти не разговаривая, ноги болели и ломило спину, но боль была приятная. Уже на подъезде к городу Оля задумчиво сказала:

— Спасибо, мне действительно понравилось. Это романтическое свидание на болоте я запомню.

— Кушайте на здоровье и заходите еще, — парировал я. — Романтика еще не закончилась, тебе еще целый вечер эти грибы перебирать и обрабатывать.

Вскоре приехал Миша, я забежал к нему поздороваться, послушать про заморские впечатления и, конечно же, получить гостинец. В качестве закуски к разговору Оля выставила на стол маринованные грибы.

— Ух ты, откуда грибочки? — обрадовался Миша.

— Из лесу, вестимо, — ответила Оля и улыбнулась. — Это очень романтическая история. Я тебе попозже расскажу...

9. Талисман

Многие любят украшать свои машины снаружи и изнутри. Причины бывают разные — одни хотят, чтобы их авто отличалось от остальных, другие просто выпендриваются, третьи (особенно женщины) пытаются создать свою атмосферу. В общем, все стараются персонализировать, сделать уникальной стандартную единицу стандартного изделия, существующего в тысячах идентичных копий. Мою «копеечку» не надо было украшать наклейками или уродливыми фигурками, болтающимися на

зеркале заднего вида, она была совершенно уникальна, по крайней мере для меня. Нам не требовалось внешних символов принадлежности друг к другу. Хотя одна вещица все-таки болталась на зеркале заднего вида. Это был талисман.

Однажды я сел на свое место за рулем, достал из кармана зеленый плоский камешек почти овальной формы, идеально отполированный. В небольшую дырку была продета грубая некрашенная шерстяная нить, за которую я его и повесил на зеркало, чтобы он все время был на виду. «Копейка» недоуменно молчала и требовала пояснений.

— Это талисман, — озвучил я очевидную истину.

Этого было явно недостаточно — она пока не приняла это странное украшение.

— Он всегда теплый, — добавил я, и это было правдой: зеленый камешек был теплым и, пожалуй, даже мягким на ощупь.

— Он должен, просто обязан приносить удачу. — Я говорил все убедительнее, но моя бежевая подруга не реагировала.

— Ну ладно, — сдался я, — расскажу тебе его историю...

* * *

Давным-давно я был подростком и увлекался лыжами. Впрочем, я до сих пор на них хожу. Наша дружная лыжная компания состояла из двух неравных частей — взрослые и дети. Взрослые занимались своими взрослыми делами, а мы, дети, быстро скучковались и организовали свой мирок с простой иерархией. Я был самым старшим в компании и, соответственно, королем. Две девочки, Даша и Света, были на год моложе, они были принцессами. Далее шли еще двое мальчишек на пару лет младше меня, графья, они имели право совещательного голоса. Остальная мелюзга в расчет вообще не принималась.

Наша компания, король с принцессами и графьями, хорошо сцентирировалась. Мы встречались не только в лыжный сезон на склоне, но и круглый год, где заблагорассудится — в кино, в Петродворце, на пляже залива, просто в лесу. Обычно мы, предварительно созвонившись, встречались на Финляндском вокзале и решали, куда ехать, или просто бродили вдоль Невы. Мы болтали обо всем на свете — о погоде, стихах Высоцкого, выставках в Эрмитаже, новом кинофильме, старых книгах...

Особенно мы сошлись с Дашей: иногда мы шли гулять вдвоем, не созваниваясь с остальными. Если погода была плохая, мы просто болтали по телефону: три часа разговоров ни о чем — с ней это было не утомительно.

Однажды солнечным летним днем мы все впятером забрели в дальний уголок Пушкинского парка и сидели на скамеечке, попивая теплый лимонад. Разговор увял, было жарко, уютно и лениво. Я, желая позавбавиться, предложил:

— Давайте говорить на заданную тему. Выберем тему, и все выскажутся.

— Давайте! — Идея нашла отклик.

— Можно я тему предложу?.. Нет, я!.. А у меня есть тема! — закричали все хором.

Для разрешения спора решили тянуть жребий. Короткая спичка досталась Даше. Она, ни секунды не задумываясь, объявила тему:

— О любви, — потом ткнула в меня пальцем и сказала: — Ты начинаешь.

Я открыл рот, потом закрыл. Взял бутылку и медленно хлебнул лимонада. Подождал, пока теплые и сладкие пузырьки перестанут щекотать нос. Посмотрел вдаль — там за кустами был пруд, по которому медленно ползали лодки с отдыхающими. В небо — там бесконечно высоко висел самолет, за которым тянулся длинный белый след; я вдруг увидел чуть выше самолета белую Луну — что она тут делает днем?.. В голову не лезло ничего, кроме неуместной фразы «Акела промахнулся». Я понял, что мне нечего сказать на эту тему. Да нет, мне было уже полных шестнадцать лет, уже была романтическая мальчишеская влюбленность, я уже чувствовал себя готовым к чему-то более сильному, но говорить об этом было решительно невозможно. Я и сам-то только сейчас впервые осознал что-то смутное, а уж произнести это вслух... Отщучиваться тоже желания не было. С усилием я собрал растекшееся сознание в волевою кучку, посмотрел на часы и сердито сказал:

— Времечко, дамы и господа! Пора трогаться.

Трогаться было действительно пора, но все восприняли это как позорное отступление.

— Акела промахнулся! — насмешливо пропела Даша, подражая шакалу из мультфильма про Маугли, а у меня в груди надулся и лопнул горячий пузырь: она читает мои мысли!

Потом нас разбросало — мы стали встречаться реже, да и встречи были мимолетнее. Из нашей компании остались только мы с Дашей. Редко-редко я слышал по телефону: «Привет, это Даша! Погуляем?» Еще реже сам набирал номер: «Дашка! Привет! Прошвырнемся?..»

Как-то после бесконечно долгого молчания позвонила Даша и предложила встретиться. Как обычно, я ждал ее на платформе метро «Площадь Ленина», под эскалатором. Вскоре я увидел, как она быстро спускается по лестнице. Она была невысокая, плотная, но очень изящная. Двигалась она красиво: ее верхняя часть тела быстро и плавно плыла над поручнем, а подвижных ног практически не было видно — они быстро перебирали ступеньки. Вдруг мелькнула мысль: «Только бы не упала...» Разумеется, она не упала, а подбежала, замерла, глубоко дыша, в полшаге от меня и радостно сказала:

— Привет! Сто лет не виделись.

— Привет! — машинально ответил я, с изумлением и восторгом рассматривая молодую женщину, в которую вдруг превратилась девочка, с которой я дружил. Ее слегка миндалевидные черные глаза и волосы цвета воронова крыла делали ее потрясающе красивой, и я получал чисто эсте-

тическое удовольствие, любуясь ею — она была бы достойна кисти великого художника. Даша изобразила недовольство, хотя глаза продолжали улыбаться:

— Что ты там разглядываешь на мне?

— Где ты так загорела? — изобретательно выкрутился я.

— В Крыму, — ответила она. — Мы две недели лагерем стояли.

— Здорово! — сказал я. — Куда поедем? У тебя сколько времени?

Мне к девяти надо быть дома.

— Никуда. — Она как-то напряглась. — Мне бежать надо. Я тебе просто вот это хотела подарить.

Даша, глядя мне в глаза, вложила в руку что-то твердое и теплое. Я не рискнул отвести взгляд, чтобы посмотреть, что это. Глаза ее стали бездонными, я погружался в них все глубже и глубже. Там блеснула искорка, вот сейчас я что-то увижу...

— Это талисман, я нашла в Крыму и для тебя привезла.

Связь нарушилась.

Я взглянул на то, что лежало на моей ладони — зеленый талисман, еще хранящий тепло ее руки.

— Спасибо, Дашка, пригодится. — В моем голосе звучал скепсис.

— Он теплый. Ты его храни, он тебе поможет, — уговаривала меня Даша.

Она все еще остается девочкой, подумал я, красивые стекляшки, камушки, талисманы... Чтобы стать талисманом, недостаточно быть красивым камнем, надо нести заряд энергии и тепла.

— Может, все-таки пошляемся? — предложил я.

— Нет, все, пока! Убежала! — Даша развернулась и побежала к эскалатору, идущему вверх.

— Спасибо! Созвонимся?.. — крикнул я вдогонку.

Она, не оборачиваясь, помахала рукой и плавно взлетела, исчезая в бескрайнем тоннеле.

Талисман тихо лежал в дальнем углу верхнего ящика письменного стола. В его волшебную силу я не верил (однажды решил проверить: взял с собой на экзамен, в итоге получил четверку — не работает, решил я), а выкинуть Дашкин подарок, который она приперла из Крыма, не мог. С ней мы тоже как-то больше не встречались. Я пару раз звонил, она не могла встретиться, у меня тоже были новые дела...

Как-то я случайно встретил одного из наших *графьев* и от него узнал, что Дашка выходит замуж за кого-то из своих туристов. Меня не пригласили, ну и подумаешь... Надо забежать на свадьбу, подарить цветы, поздравить — рад за нее.

В день свадьбы я шел к Дворцу бракосочетаний (приехал туда без «копеечки» — она была в ремонте) с букетом в руке и на подходе догнал Свету — вторую лыжную принцессу.

— Привет, Светка! — обрадовался я. — Здорово! А чего меня не позвали?

— Привет-привет, — без восторга отозвалась она. — Отойдем-ка в сторону...

— Зачем?

— Слушай, ты туда не ходи, — железным голосом сказала Света.

— Ты сюда ходи? Снег башка попадет?.. — Я ничего не понимал и прикидывался дурачком.

— Ты что, совсем тупой? — Света повысила голос. — Ты что, не видел, что она в тебя влюблена по самое-самое, а ты в старшего брата играешь?.. Она и замуж-то назло выскакивает: мол, пусть он — ты — поймет!

Я хватал ртом воздух и вращал глазами — наверное, был похож на лебца, вытасченного из воды. Это дурацкий розыгрыш? Дашка-то, пожалуй, могла бы, но Света на розыгрыши не способна.

— Так. — Я попробовал собраться с мыслями. — Вот это все ты сейчас серьезно?

— Серьезнее не бывает. — Света явно не шутила. — Если ты там сейчас появишься, черт знает, что Дашка может учудить — сбежит или тебя убьет!

Эта может и убить, про себя согласился я. Лучше не провоцировать.

— Ну ла-а-адно... — протянул я; в такие странные ситуации мне еще попадать не доводилось. — Я ж не знал... Ты ей тогда привет передавай и поздравления.

— Ага, щас! — Света опять рассердилась. — Дурак ты, а уши холодные! Чего она в тебе нашла? А ты куда сам-то смотрел?..

— Свет, а чего ты-то мне ничего не шепнула, чтоб я увидел?

— Не-е, ну ты точно кретин! — Она покрутила пальцем у виска. — Вали отсюда, а букет давай сюда, цветы на свадьбе лишними не бывают.

* * *

— Такие дела, подруга, — сказал я «копеечке». — Зато теперь я верю, что талисман заряжен и должен работать.

«Копеечка» тоже поверила и согласилась принять талисман. Работал он здорово — помогал во всем, так и зеленел у меня в поле зрения. И было от него всегда тепло.

Игорь КАНЦЕВ

В ДВУХ СЛОВАХ

Несмотря на то что я его долго ждал, Слава появился неожиданно, словно выпрыгнул из полумрака зала, и с ходу уселся напротив меня за большой дубовый стол, подставив свою почти белую голову под тусклый свет круглой лампы, висящей над столом.

— Сергеич, привет. — Он уселся поудобнее и жестом подозвал к столу девушку в темно-синем переднике и красной рубашке с бейджиком «Аня».

— Твое, что ли? — он посмотрел на полупустую большую чашку кофе передо мной и три пустые стопки из-под водки на самом краю стола.

— Мое. — Я, блуждая еще где-то далеко в своих мыслях, с трудом возвращался в реальность. — Мое. Привет, Слав. Хорошо, что пришел. Как-то на душе хреново...

— Что с тобой, Сергеич?

— А-а... — Я бессильно махнул рукой, не желая вылезать из нахлынувших воспоминаний и не в силах в них больше оставаться.

Подошла Аня, положила перед Вячеславом меню и составила на небольшой поднос три мои стопки.

— А мне еще водки и кофе, — оживился я, глазами спросил Славу, но тот замахал рукой. — Да, только мне...

С Вячеславом мы знакомы почти двадцать лет. Когда-то ранней весной он пришел к нам в отряд спецназа, где я был заместителем командира, устраиваться на службу. Так и понеслись наши «веселые» годы совместной службы. Учеба, тренировки, полевые выходы, боевые задачи, военные командировки, первые боевые крещения, первые победы, первые потери... И вот я теперь на пенсии, а Слава — полковник, командир спецназа. И, несмотря на долгие годы дружбы, он почему-то до сих пор обращается ко мне не иначе как Сергеич, хотя давно уже главнее меня.

— Так что за червь душу тебе точит? — сделав короткий заказ, вернулся ко мне Вячеслав.

— Да долгая песня, — я причмокнул и повертел головой, — запутанно все как-то...

— Ну, ты в двух словах...

— Хм, в двух словах? В двух словах... И тебе в двух словах?

Я помычал, потер свой морщинистый широкий лоб, поглядел куда-то сквозь дымчатые занавески:

— Да, Слав. Я, конечно, расскажу тебе... В двух словах...

Я тяжело уселся за массивный дубовый стол на длинный мягкий трехместный диван, обитый грубым гобеленом с причудливым рисунком. Зал был для некурящих, но в спертom сладком воздухе табачный дым чувствовал себя как дома.

— Большую чашку черного кофе без сахара. — Я сделал паузу, отложил на край стола массивное меню. — И стакан воды... И пока все...

Я откинулся на плоскую спинку, убрав себя из-под навязчивого круглого пятна огромного светильника, болтающегося сверху на толстом проводе, мельком взглянул на свои часы и вздохнул: «Рано пришел, ну да ладно, подожду...»

В несмелом свете бордовых ламп в пряном воздухе ресторана трепетала старомодная музыка и тонула в монотонном гуле пустых разговоров за соседними столами.

Я расстегнул верхнюю пуговицу рубашки и ослабил тугой узел синего галстука.

Ничего не хотелось в этот момент! Хотелось забыться и умереть. Умереть лет на сто, а потом чудесным образом воскреснуть, проснуться вот здесь же, на этом мягком пестром диване, чтобы все уже было позади! Все тяжелое осталось бы где-то в другой жизни, где-то на страницах старых книг, чтобы все это уже было с кем-то другим и меня уже не касалось... Но так, наверное, не бывает.

Три дня назад я потерял еще одного боевого товарища.

— Сергеич! — В телефоне раздался взволнованный голос Славы. — Сергеич, Лёшка умер!

— Какой Лёшка?

— Командир.

— Как умер? Ты что, с дуба упал?

— Полчаса назад, в отряде! У меня на руках. На полевом выходе были — плохо стало! Мы бегом обратно, «скорую», а все — поздно. Сердце!

— Ё-ё, да как же так?

— Вот так...

— Не отпускает нас война, будь она неладна...

Вчера было прощание, много народу, слезы, слова, слова... На кладбище я не поехал. Не смог.

Я взял со стола зубочистку, повертел ее между пальцами и положил себе в рот. Мысли теплым потоком унесли меня далеко в детство.

Мне было лет шесть-семь. Дом деда — большой, с резным коньком и деревянными синими ставнями. В гостиной топится печь, бабушка суетится за столом, стряпая блины. Зима. За маленькими оконцами уже темно. Потрескивают дрова в печи, пахнет теплым воздухом и свежим тестом, из-под потолка смотрит Богоматерь, а под полом тихонько скребутся мыши.

Я незаметно шмыгнул в соседнюю комнатку и залез во второй ящик старинного черного комода. Вот — красная картонная коробка, в которой лежат медали деда. Я сажусь на кровать и в который раз, затаив осторожное дыхание, раскладываю их на подушке, представляя, как они висят у деда на груди. Отец говорил, что главных медалей у деда три — два ордена Славы и медаль «За

отвагу», но дед почему-то всегда говорил, что главная для него — желтенькая медалька на полосатой колодке «Мы победили».

Вошел дед, пахнувший свежей стружкой и табаком.

— Деда, расскажи про войну.

— Нечего рассказывать. — Дед по обыкновению махнул рукой, снял рубаху и пошел умываться.

— Ну расскажи, ну хоть в двух словах, — никак не унимался я, представляя киношные взрывы, ревушие самолеты и грохочущие танки.

— В двух словах этого не расскажешь. Воевали и воевали. — Дед намыллil руки и лицо. — Мы стреляли, в нас стреляли, и все...

— Деда, а эта медаль вот за что?

— Эта? — Он мельком глянул на орден Славы и смыл мыло с шеи. — Это за Днепр. Мы через Днепр переплыли.

И я представлял, как дед плывет на каком-то бревне через реку, а на берегу его уже ждет генерал и вручает ему награду.

— А эта?

— Эта? — Дед улыбнулся. — Эта за то, что мы через Вислу переплыли.

И снова я вижу реку и генерала на том берегу.

— А что, тебе только за реки награды давали? Ты моряк был, что ли?

— Нет. — Дед подошел и потрепал меня по голове. — Вот эту мне дали за взятие Будапешта.

Он бережно сложил все награды в коробочку и убрал на место:

— Фильмы смотришь про войну?

— Угу, — мотнул я головой.

— Ну вот так мы и воевали.

— Угу, — понимающе протянул я.

Когда холодным утром в кузове потрепанного армейского «Урала» я въезжал в Грозный, я вспоминал в том числе и своего деда.

Все было для нас тогда в первый раз. Все не понарошку, не в кино, не во сне. Я крепко сжимал холодное цевье тяжелого автомата и смотрел в узкий проем заднего борта на уходящие прочь побитые дома и простреленные заборы.

Как его звали, я сейчас и не вспомню. Андрей или Артём? Вечная ему память. Веселый парень, капитан из самарского отряда. Молодой, сильный, высокий. У него был с собой пулемет, на дульный пламегаситель которого он надел белую перчатку средним пальцем вверх, так что получался неприличный жест. Все смеялись, мол, наш привет Дудаеву... Шел второй день, как мы прибыли на место. Ночью был осторожный снег, но встало солнце и прогнало последние курчавые облака, превратив снежную пыль в прозрачную воду. Во дворе нашего лагеря я шел вдоль огромной кучи старых рейсовых автобусов после смены постов. Напротив, через небольшой пятак гладкой асфальтовой площадки, на скамье у стены подсобного домика из старого серого кирпича сидели трое ребят из самарского отряда. Я махнул рукой, они ответили тем же. В этот момент раздался непонятный хлопок, и Андрей, странно скорчившись, упал со скамейки на землю. С запозданием над площадкой раскатился гул выстрела. Я кинулся к скамье. Мальчишки уже подскочили к товарищу и повернули его лицом вверх. Он только хрипел и пытался поднять дрожащие, не слушающиеся его веки. Шея и голова были в густой крови. Неожиданно ноги его задрожали, и он обмяк. Все, как по команде, закричали. Прибежали ребята из

других отрядов, но все было уже кончено. Посты с крыш открыли беспорядочный огонь по окрестным строениям, но кто и откуда стрелял — так и осталось загадкой.

Андрея унесли. Левая ладонь у меня была в крови. Я, совершенно ошеломленный и подавленный, поднялся наверх, к своим, всю дорогу сжимая и разжимая липкую ладонь, удивляясь тому, как быстро сворачивается кровь. Ночью я так и не смог уснуть. Я поднялся на крышу, на пятый пост, и просидел там с другом Вовкой, размышляя о бренности нашей жизни и глядя в черные глазницы соседнего разбитого завода, покорно ожидая предназначенного мне выстрела от вражеского снайпера, возможно, уже выбирающего очередную жертву.

Первый раз в жизни я встретил смерть лицом к лицу. Руки дрожали, но я понимал, что должен перешагнуть через это. И я перешагнул.

Я не люблю вспоминать войну. С военного училища я готовился к ней, готовился к атакам, стрельбе, взрывам, победам. Потом служба в спецподразделениях внутренних войск, потом один спецназ, другой, третий. Спецоперации, задержания преступников, вооруженных, порой отчаянно сопротивляющихся. Опасные задания, бои почти без правил в лихие девяностые. И вот настоящая проверка — война. Да, мы были уверены, что готовы к войне, готовы даже погибнуть, выполняя задачу или спасая друга. Но мы, оказывается, не были готовы терять друзей.

— Аня, — я сделал знак рукой девушке в синем переднике, убирающей посуду с соседнего столика. — Аня, можно водки?

— Сколько?

— Рюмку.

Она исчезла.

На войне все воспринимается не так, как в мирной жизни. Все преломляется через какую-то странным образом повернутую призму, выпячивая наружу одно и совершенно стирая другое. Проходит первый страх, первая неуверенность, проходят быстро — с первым обстрелом, с первыми потерями, с первыми победами и неудачами, и ты превращаешься в подобие робота, машины, единственным назначением которой становится выжить и победить. И совершенно не важно, какими путями можно этого достичь и через что необходимо перешагнуть. Нет больше меня прежнего. Я вспоминаю свои прошлые поступки, волнения и мечты — и не понимаю их! Я уверен — это был не я.

Володя с позывным Ворон был старше нас лет на пять-шесть, и мы его очень уважали. Он был мастер на все руки, он был и врач прекрасный, и боец отменный. Мотался он по Грозному на нашей «коробочке» по госпиталям, позициям армейцев, омовским блокпостам, выменивая на спирт еду, боеприпасы и медикаменты.

— Поехали в одно место, покажу кое-что, — как-то подошел он ко мне после утреннего развода на посты.

— Поехали.

Я взял документы для передачи в головной штаб, доложил о выезде руководителю нашей группировки и поставил задачу своей группе на марш. Мы собрались, нарядились по всей военной науке: шлемы, бронезилеты, наполненные разгрузки, автоматы, пистолеты, пулеметы — и шестером уселись на броню нашей «коробочки».

Грозный, Чечня. 1996 г.

Ехали недолго. В то время днем по Грозному на бэтээре семерым до зубов вооруженным бойцам можно было передвигаться относительно безопасно, если не считать бандитских фугасов. Но это была уже лотерея, мы к этому давно привыкли. Выехали за город в сторону аэропорта, свернули за частные дома и уперлись в армейский палаточный городок с грязными окопами и вкопанными пушками. Ворон спрыгнул и зашел в крайнюю палатку. Через пять минут, посадив между нами провожатого капитана, мы проехали еще с километр в сторону плоского серого холма.

— Вот здесь. — Капитан спрыгнул с брони и смело пошел к краю раскопанного оврага, перемешивая красную грязь своими старенькими берцами.

Озираясь по сторонам, пошли и мы все.

— Вот здесь. — Капитан наконец остановился и, глубоко выдохнув, устался на землю. — Три дня назад местные показали.

На дне длинной ямы плотно в ряд лежали двенадцать тел. Некоторые были одеты в наш синий милицейский камуфляж. Двое были голыми, со связанными руками и с вырезанными звездами на спинах. У троих отрезаны кисти рук, у половины выткнуты глаза, один обезглавлен. Тела почернели и были перепачканы глиной, но видно было, что это наши ребята и что досталось им от бандитов сполна!

Я присел на корточки — ноги не держали. Я не мог смотреть на это, но и отвести взгляд от страшной могилы так и не посмел. Ненависть и мат клокотали у меня в горле, и дикое желание отомстить затрепетало в голове. В тот момент я перестал быть нормальным человеком.

Обратно ехали молча. Заехали по пути в штаб, что-то там порешали, потом к друзьям на блокпост у «Минутки», затем на рынок за кой-какими продуктами, и уже темнело, когда мы вышли на дорогу на базу.

Неожиданно справа, где-то за пирамидальными серебристыми тополями и разваленными домами, началась перестрелка. Все ясно — нападение на блокпост или на колонну. Но, судя по организованной стрельбе с двух сторон, скорее

всего, на блокпост. Еще день назад я бы остановился, чтобы принять решение о том, что делать, еще вчера я бы подумал о своих бойцах, еще вчера я бы, может быть, заколебался или даже испугался, но сейчас эта далекая стрельба вызвала у всех у нас радость! Мы перестали думать о жизни и смерти как философы-теоретики, мы взяли их в руки как физики-практики.

БТР резко свернул вправо и между кирпичных развалин полным ходом пошел вниз навстречу бою, заходя левее автоматной трескотни. Мы пришли вовремя. Спрыгнули с брони, разбежались по случайным укрытиям и принялись поливать огнем растерявшихся бандитов, укрывшихся за тремя плитами своего блиндажа.

Я в первый раз стрелял по людям. Я не знаю, как бы я смог это сделать вчера. Я готовился к этому бою всю свою жизнь, но я не уверен, что смог бы стрелять, если бы не увидел эту страшную яму сегодня утром. Я стал другим человеком, и это случилось сразу, по одному щелчку: раз — и все.

Бандиты смылись. Живым мы поймали одного абрека в кожаной куртке, с козлячей бородкой и с перебитой ногой. Из двенадцати мальчишек не то пензенского, не то псковского ОМОНа двое были ранены и один погиб.

Я хотел пристрелить этого пленного, но парни с блокпоста попросили отдать его им, они сами приведут «приговор» в исполнение. Я согласился. И они сделали это. Тогда я искренне жалел, что не смог сделать этого сам, а сегодня искренне сомневаюсь, что смог бы сделать то же.

Аня принесла стопку водки. Я улыбнулся и выпил.

Сегодня такой день. Я жду Славку, и мысли о прошлом, об этой непонятной и далекой уже, казалось бы, войне, лезут и лезут в душу, наполняются яркими красками и сочными запахами, словно случилось это вчера, словно это и сейчас еще происходит вокруг...

Я, как и раньше, почувствовал адреналин в крови. Это ни с чем не сравнимое чувство, когда вдруг в самый страшный, самый, казалось бы, безвыходный момент тебя твой ангел-хранитель накрывает теплым одеялом, пряча от неминуемой смерти.

Где-то далеко, в горном чабанском стойбище на границе с Грузией, у самого неба, между снежными горными пиками мы нашли и освободили нашего мальчишку, военнопленного солдатика внутренних войск, которого бандиты полгода держали там под присмотром старого деда. Пацан совсем исхудал и обессилел. Кормили его, похоже, раза три в неделю. Он был худой, обросший и сам идти не мог — сил не было совершенно. Высадившись с вертушки рано утром в Майстихинском ущелье, моя группа — шестнадцать человек — пошла в исходную точку. Майстихинское ущелье — пойма реки Майстихи — горного холодного ручья, торопливо бегущего в сторону долины, чтобы слиться в семи километрах к северу от места высадки с шумным Аргуном. Ущелье словно создано для съемок фильма о красоте природы кавказских гор: узкое, словно прогрызенное в коричневых скалах, заросшее буйной зеленью, через которую разноцветными полосами несмело пробиваются к каменному дну солнечные лучи. Идти было тяжело. Шли по узкому горлу ущелья вдоль хрустальных струй ледяной воды, по узким, шириной не больше стопы, звериным тропам, то и дело пересекая неширокие ручьи. Через два перехода мокрые ноги окоченели, а подняться выше, ближе к водоразделу, не было возможности из-за совершенно вертикальных

стен. Шли молча, гуськом, тяжело дыша, в одиночку борясь с высокогорьем. Шли пять километров до точки перегруппировки. Подошли. Наконец поднялись на склон. Вышли на связь. Направили к цели разведгруппу. Все шло по плану. В стойбище не было никого — кроме деда и нашего пленного с кожаным ремнем на ноге в черном глубоком зиндане. Взяли обоих. Освобожденного несли на припасенных армейских носилках, а деда погнали пинками. Идти назад было легче — дорога пошла вниз по ручью, но с пленником темп замедлился. Спокойно шли два километра. Через два часа — время выхода в точку встречи с вертушкой.

Неожиданно узкое ущелье наполнил гул автоматных очередей откуда-то сзади. Этот гул, причудливо сплетенный из отдельных выстрелов, заметался между голыми гранитными стенами, ища выход, проскочил далеко вперед и вырвался наконец наверх, растворившись в бездонном синем небе. Над головами зашипели пули. Погоня! Вся группа, как по команде, остановилась, бойцы беспомощно закрутили головами, тыкая в разные стороны стволами автоматов. Все ждали моей команды, пребывать в ступоре с каждой секундой становилось все глупее и глупее.

— Вперед! Погнали! — все, что я нашелся крикнуть.

Сжался горячий комок в груди и растворился, разлился по спине. Мысли спутались, виски застучали. Как я ни напрягался, ничего разумного, нужного в данный момент, в голову не приходило, а напротив, показалось, что все, что в ней еще было, постепенно уходит. Здравый смысл оказался предателем: «Нам конец! Мы в мешке! Они окружают нас и просто перебьют или забросают гранатами! И не выбраться — вокруг стены и вода, а в узких проходах враги! А я толком и не пожил еще!» Я по инерции еще бежал позади всей группы, но сознанием был уже где-то в другом измерении, в другом мире. Сколько это продолжалось, я не способен был понять. Мне стало страшно именно от этого своего «паралича». Вспотела спина, я начал задыхаться. Я боролся с бредовым желанием в бессилии упасть лицом вниз, прижаться к мокрым камням и — будь что будет!

Длинная очередь из тяжелых свинцовых пуль в блестящих медных рубашках прозвенела слева от нас. Они с пронзительным визгом дробили твердую породу и вспенивали и без того бурный поток. Ручей постоянно вилял, и преследователи, очевидно, еще не вышли на дальность прямого выстрела, а потому били на авось.

Но именно этот неожиданный визг пуль, соревнующихся в твердости с камнем в пяти метрах от меня, выключил внутри меня все, что мешало. Все, что случилось потом, я делал неосознанно, точнее, без участия рассудка и здравого смысла. Я вспомнил это только в вертолете, когда, заложив крутой вираж, он выходил в Аргунскую долину. Почему я принимал такие решения, откуда я что узнал и как я это делал — до сих пор остается для меня самого загадкой.

— Стой! — громыхнул я. — Саня, ко мне!

Восемь человек я отправил с пленным дальше к вертушке, а восемь оставил с собой, чтобы задержать преследователей.

Немедленно включился компьютер в голове: «Идут за нами из стойбища. Идут, судя по стрельбе и крикам, двумя группами — по дну ущелья и по его западному краю. Самый короткий путь — это ручей, значит, только догоняют, и у первой группы есть шанс оторваться. Надо их задержать, а для этого надо их напугать. Все, за дело!»

Они уже близко. Стой! Трое наших развернулись, укрылись за огромными камнями и открыли беглый огонь по группе бандитов, маячивших в зеленке

на последнем повороте реки. Крики, ответная беспорядочная стрельба. Отлично, верхние отстают, нижние пойдут осторожнее. Бежим дальше. Теперь меня волновала верхняя группа бандитов. Им идти тяжелее, но если они выйдут на рубеж, то сверху они нас накроют, и все, ничего мы в этом колодце не сделаем. Главное — если они добегут с нами до вертушки, мы и улететь не сможем. Значит, надо их блокировать. Но как — вокруг вертикальные стены?

И тут меня осенило — примерно в километре отсюда вниз по ручью русло пересекается еще одним ущельем, образованным каменным оползнем. Вот! Эти верхние должны его пересечь непременно! А мы им не дадим! Только бы успеть!

— Бегом! За мной!

И я, воодушевленный свежим решением, подгоняемый бурлящим в крови адреналином, кинулся вдоль голубых потоков к своей цели.

Как легко подчиняются люди в стрессовой ситуации человеку, своему командиру, если он не теряет самообладания и уверенности! Пусть даже его решения губительны и опасны, но, если он принимает их твердо и быстро, когда воля остальных надломлена, они будут выполняться четко и правильно, без вопросов, сомнений и рассуждений.

— Саша, вы здесь, пять метров назад и держать оборону! Все! Витя, вы со мной наверх. Десять метров между нами. Я первый.

Никакой тактической задачи вроде бы и не поставлено, но все поняли всё, и сделали всё так, как надо, как последний раз в жизни.

Бандиты, как оказалось, тоже люди. Они выдохлись. Успей они поверху перекрыть нам путь к отходу, и праздник был бы на их улице. Но мы успели сделать единственно верный шаг — перекрыли им путь.

Уставшие от погони бандиты нарвались на кинжальный огонь почти в упор нижней группы. А верхние, карабкаясь по краю обрыва, оказались как раз на наших мушках. Мы не считали чужие потери, мы не знаем, какой урон мы им нанесли, но мы победили, потому что мы убежали! И мы были горды собой!

Восьмером мы бежали последние полтора километра по холодному дну реки, спотыкаясь о камни и теряя автоматные магазины, стараясь успеть на уходящую вертушку. Мы были счастливы, мы были в восторге! Мы все успели и мы победили! В вертушке мы все обнялись и принялись громко хохотать, вспоминая какие-то совершенно глупые моменты. Из нас выходил адреналин и пережитый страх. Мне показалось, что именно ради этого я был рожден и жил. Сейчас мне кажется это смешным, а тогда я был в этом уверен!

Я отхлебнул кофе из чашки.

Ангел-хранитель. Кто это? Что это? Есть ли он на самом деле? Я всегда полагался на свои умения, на свои навыки, знания и спортивную форму. Я благодарил своих учителей и самого себя за усердие на тренировках, когда выходил живым из опасных ситуаций. А может, вовсе и не прав я, считая это своей личной заслугой? Может, это как раз он стоял, незримый, за моей спиной и укрывал меня, неразумного, заботливыми крыльями? Как знать это наверняка? Да, пожалуй, никак...

— Игорь Сергеевич? — Короткостриженный долговязый незнакомец со смешным курносом носом появился незаметно из сумрака ресторана и замер перед моим столом. — Это вы, я не ошибся?

— Я, — чуть помедлив, нехотя ответил я.

Тот без приглашения присел:

— Я Юрий Метлюк. Вы меня сейчас, конечно, не вспомните. Вы занятия у нас проводили перед командировкой нашей в Дагестан полгода назад. В учебном центре. Не помните?

Я лениво сморщил губы и отрицательно покачал головой. Парень, действительно, показался мне знакомым, но вспоминать его сейчас совершенно не хотелось.

— Я на первой парте сидел. Вы мне еще сказали, что с такими балбесами, как я, на войне в атаку хорошо идти — вперед все время забегают.

— Да, точно, вспомнил, прости... Ты же брат родной Василия? Да, да...

— Да ерунда, Игорь Сергеевич, правильно сказали, чего уж там. Да, Васькин брат я, младший. Он с вами в отряде служил. А мы вернулись неделю назад. Отбыли свое и вернулись. Все тип-топ, тихо-мирно. Даже скучно было. Отсиделись, как мыши в норе.

— Это ж хорошо...

— Да ну, повоевать хотелось. Вот как вы, например. Сколько у вас, два ордена? И медаль «За заслуги» еще, так?

Я молча кивнул.

— Девушка, девушка, — подозвал он Аню, — мне кофе чашку, а вам?

— Еще водки, Аня, принеси мне...

И после паузы сказал уже Юрию, но он, похоже, не услышал:

— Повоевать рвешься?

— Мы тут с ребятами зашли посидеть, вон за столиком сидят. — Юрий обернулся и показал на стол у самого окна. — Смотрю — точно вы! Дай, думаю, подойду поздороваюсь.

Я снова покачал головой.

— Игорь Сергеевич, а вы расскажите мне про брата. Что там, как было?

— Что было?

— Ну как что? Почему он уволился? Выгнали?

— Сам пусть расскажет...

— Он не говорит про это совсем. Не мое, говорит, дело...

— Правильно говорит...

— Так что там произошло, Игорь Сергеевич? Я теперь тоже ветеран, пойму.

— Хм, ветеран... Просто так не расскажешь...

— Ну, вы в двух словах.

— В двух словах? Хм...

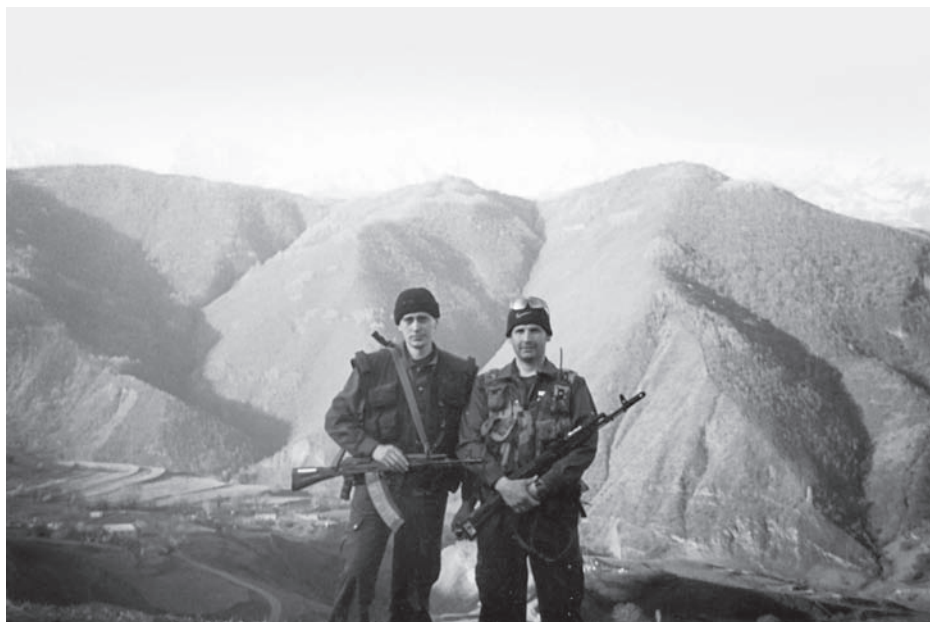
Я задумался и покачал головой. Разговаривать не хотелось. Вспоминать тем более, но мысли — коварная штука, лезут и лезут в распухающую голову вовсе без приглашения.

Был март. Было тепло. Было зелено и солнечно. Все были молодые. У всех все было впереди. Так им казалось.

Грозный, девяносто шестой год. Побитый город осторожно пытается налаживать мирную жизнь. Наша группа в составе сводного отряда охраняла правительство Чечни.

— Андрей, Василий, готовьтесь, в план сегодня едете вы. — Старший группы дежурно сделал утреннее назначение, как делал это уже много раз.

План — это сопровождение гражданского правительственного автобуса, перевозящего работников административного комплекса. Автобус каждое утро неторопливо ехал по улочкам города, строго соблюдая установленный маршрут.

Итум-Кале, Чечня. 2000 г.

Мы делали это не один раз, и день был обычный, и погода хорошая, вот только у бандитов сегодня планы были другие.

Они готовили атаку на город. Атаку на выявленные центры обороны подразделений федеральных сил, на наши блокпосты, колонны, склады, штабы. Нападение готовили с нескольких направлений, внезапно, мощно, организовано. И все шло по их плану. Почти все. Кроме этого «случайного» автобуса.

Где-то в узких кварталах Старой Сунжи, там, где русло реки причудливо изгибается, автобус с пятью-шестью работниками новой администрации и двумя нашими бойцами выскочил на изготовившуюся к нападению группу бандитов.

Боевики открыли огонь.

Местные постарались разбежаться.

Автобус по инерции проскочил участок сосредоточенного огня боевиков и, развернувшись, встал «мордой» к стреляющим.

Андрея сразу ранило в руку и в шею. Он вывалился из автобуса, лег за колесо и начал стрелять. Боевики, уже кинувшиеся было к автобусу, бросились обратно за заборы и стены частных домов. Андрей оглянулся — вокруг никого не было. Он попытался встать, но ноги не слушались.

Боевики снова открыли огонь.

Андрей расстрелял два магазина. Остался один, он присоединил его к автомату, но боевики стреляли все точнее и точнее, сужая район попадания до пары метров. Еще одна пуля попала в бедро, но боль уже не чувствовалась. Андрей стрельнул еще, стрельнул туда, откуда огонь велся наиболее плотно. Стрельба на секунду стихла, но вдруг перед колесом разорвалась граната, он потерял сознание...

Сообщение о пропаже автобуса пришло в группу одновременно с началом локальных боестолкновений в городе.

Василия нашли после обеда бойцы томского ОМОНа с соседнего блокпоста, прочесывавшие местность вокруг. Он прятался между домами за гаражами с полным боекомплектом и пулевым ранением в ногу.

Никто в отряде ничего не говорил, никто ничего не спрашивал, никто не делал никаких выводов. Мы все были в одном окопе, в одной шинели, в одной лодке... Мы все представляли тогда, что такое дыхание смерти в лицо. На войне все воспринимается по-другому, более четко, более ярко, более бескомпромиссно. В душе каждый из нас множество раз ставил себя на Васькино место и всякий раз не мог ответить наверняка, как бы поступил на самом деле. Можно сколько угодно бравировать перед камерой, корча из себя героя, но, испугавшись однажды неожиданной опасности и отскочив в сторону, совсем непросто найти потом в себе силы, чтобы к этой опасности вернуться уже в трезвом уме.

Мы искали Андрея.

Нашли его только через две недели. Обнаружился водитель автобуса, оставшийся в живых и долго прятавшийся от всех где-то у своих родственников в пригородном поселке. Он рассказал, что видел. Как отстреливался тяжелораненый Андрей и как сбежал легко раненный Василий. Как еще живого Андрея добивали бандиты. Как закопали его и еще одного убитого местного работника, погибшего в ходе этого же нападения, в двухстах метрах от разбитого автобуса, где мы их потом и нашли. И Андрей вернулся домой в закрытом цинковом гробу.

Василий уволился из отряда почти сразу после командировки, и мы никогда между собой об этом не говорили.

И что говорить, когда в разные периоды жизни вдруг ловишь себя на том, что твое отношение к вчера еще казавшейся однозначной ситуации может кардинально меняться.

...Спустя несколько лет, уже во вторую чеченскую кампанию, со мной случилось то, о чем мне и теперь еще больно вспоминать.

Аня принесла кофе и водку.

Я взял рюмку, глянул в глаза ожидающему моего рассказа Юрию и молча опрокинул ее в себя.

В одном из высокогорных районов Чечни действовала банда братьев Мухавых. Нападала на федералов, на блокпосты, на колонны, готовила и проводила теракты, терроризировала и запугивала местную администрацию и население. Надо было эту банду срочно ликвидировать. И вот — благодаря напряженной работе оперативных сотрудников нашего временного отдела милиции — мы узнали место и время сбора главарей этой банды — горная деревня Дзумсой. Подготовили расчеты, скомпоновали группы, разработали планы и — вперед! Нам, временному районному отделу милиции, помогал взвод армейской разведки местной войсковой комендатуры. Для штурма я сформировал две группы из своих проверенных бойцов и армейцев. Одна должна была огнем и маневром подавить и отвлечь огневое сопротивление бандитов, а вторая — атаковать и уничтожить неприятеля. Дом, точнее, частное владение, состоящее из двух каменных домов и трех хворостяных сараев, находилось на самом дальнем краю села, сразу у подножия крутой горы. Придется проскакать колонной сквозь весь поселок, и это наверняка даст возможность бандитам подготовиться к обороне, потому как сдачи от них никто и не ждет.

Мы вышли с рассветом и спустя два часа выскочили на исходные рубежи.

Моя группа заняла позицию перед поселковым кладбищем и заброшенным сараем, а группа атаки вышла с юга на холм и укрылась в изгибах горных пород.

Бандиты, как мы и ждали, открыли по моей группе огонь. Мы выявили огневые точки, я распределил силы на их уничтожение и определил последовательность огня. Дело было за малым. Мне надо сменить позицию, чтобы вскрыть всю их огневую систему. Я должен встать и зайти с севера, чтобы заставить бандитов перенести часть своих и так не многочисленных огневых средств туда, оголив направление нашей предстоящей атаки. Я наметил свой маневр: десять — двенадцать метров вдоль насыпи из битого камня к сваленному бетонному столбу.

— Витя, как я пойду — прикрывай меня. Вон то окно. Туда бей.

— Понял. — Виктор изготовился поудобнее и взял в прицел указанное окно, из которого периодически стрелял автоматчик.

— Думаю, секунды четыре-пять бежать буду...

— Понял, понял...

Так. Теперь я. И вот тут вышла осечка. Все ждали меня. Все группы знали: как только я выйду на новый рубеж и бандиты клянут на это — начинается наш огонь с запада и наша атака с юга. Все готово. Я еще раз все просчитал, все взвесил. Вот она, эта насыпь, три метра, затем пять вправо к камню и сразу под бетонную опору и — огонь. Да. Точно. Все правильно. Так, еще раз: три шага, пять, упал и — огонь. Автомат сжал за цевье в руке, подтянул ремешок шлема. Что еще?

Черт! Я не могу встать!

Секунды полетели, как пули над головой, группы напряглись, как тетива тугого лука, а я все лежал в своем укрытии. Тянуть нельзя, бандиты пристреливаются и скоро начнут точно попадать в наших бойцов, укрывшихся в основном наспех. Надо, черт, надо!

В голову полезли предательские мысли о смысле и целесообразности подобного самопожертвования и о том, как можно обойтись и без этого. Стало нестерпимо стыдно перед самим собой!

— Все, сволочь! — что есть силы крикнул я внутрь себя, сбрасывая эти нелепые пути. — Вперед!

И это помогло, стало легче. Я сделал вдох и...

И вдруг с правого фланга нашей группы неожиданно для всех вскочил старший лейтенант армейской разведки по имени Антон. Он вскочил и зигзагом устремился к холму в направлении удерживаемого дома. Но он, в отличие от меня, лежал точно в секторе огня бандитов и на третьем шаге схватил две пули — в бок и в голову.

Почти одновременно рванулся и я, четко выполняя свою сто раз продуманную задачу. И я выполнил ее. Упав под столб, я открыл огонь и заставил перенести на меня половину тут же подавленных моей группой огневых средств врага. Под нашу канонаду бандиты были успешно атакованы второй группой.

Все прошло так, как планировалось, кроме действий старшего лейтенанта Антона. Почему он вскочил, я никогда не узнаю. Может быть, занял очень неудачную позицию и опасался, что вот-вот будет накрыт огнем, или посчитал, что у меня что-то пошло не так? А может, кто-то свыше послал его, чтобы прикрыть меня?

Множество абсурдных мыслей не давали мне покоя тогда и не оставляют еще и теперь. В глазах всех я был тем, кто все правильно спланировал и все так и сделал, но я сам-то знал, что я спасовал. Да, наверное, я бы уже и сам пошел в свою атаку, но точно ли это так, не выпрыгни он вперед? Я, конечно, надеялся, что все просчитал, и должен был дойти до цели, но он ценой своей жизни обеспечил мою безопасность. Он спас меня!

Я не спал ночь. Я не мог даже просто лечь. Я слонялся по постам и окопам, проверяя службу и мучая часовых нудными нравоучениями только потому, что боялся остаться один на один с собой. Ведь я не виноват! Но, боже, как же я виноват! Рано утром я вышел на дорогу и долго стоял, провожая короткую военную колонну комендатуры, увозившую тело Антона в долину, в Ханкалу. И это было страшно.

И ко мне в тот момент впервые пришла странная мысль: «А зачем все это? Кому это надо? И надо ли вообще? И стоит ли то, что мы здесь делаем, этих жертв?» Крамольная мысль, за которую еще недавно я предал бы анафеме близкого друга, стала приходиться все чаще и чаще. И вдруг — как мне показалось, совершенно логично — я понял, что лучше бы не стало никому, если бы в далеком Грозном в том злополучном автобусе погибли бы два моих товарища, а не один.

Но прошли годы. Много улеглось, успокоилось, забылось. Но сегодня я так же, как и тогда, не могу дать оценку Васькиному поступку.

Я тяжело вздохнул и вытер лицо рукой.

— Чего ты от меня хочешь? — неожиданно для собеседника выдал я.

— Я понять хочу: что и как произошло? Как ветеран теперь уже, а не как просто мальчишка. Я тоже порох понюхал и могу сам оценивать...

— В двух словах, говоришь? — прервал его я. — Ветеран, говоришь? Так вот что я тебе скажу, ветеран... в двух словах... Забирай свой кофе и иди к своим ветеранам. А вот пройдет время, переваришь свой гребаный военный опыт — найди меня, тогда поговорим, может быть... Это в двух тебе словах. А к брату к своему Ваське не лезь! Ветеран ветерану рознь. Извини, брат, как сумел, в двух словах...

Я выдохнул, а Юрий недоуменно смотрел на меня еще секунд десять, не в силах заговорить.

— Не обижайся, Юра, — постарался я смягчить его негодование, — мы же ветераны, мы поймем друг друга. Я ведь от души.

— Да ладно. — Юра поднялся, чуть поклонился, взял чашку. — До свидания... а за чашку скажете Ане, за тот столик...

— Пустое. — Я махнул рукой и как мог по-дружески подмигнул.

Он ушел.

— Аня, — я окрикнул пробегающую мимо официантку, — а ты водку мне приносила?

— Да, — пожала она хрупкими плечами, — две рюмки...

— Давай третью...

— Может, графин?

— Не, Ань, это лишнее, я не пью...

— Хм, хорошо...

Я допил кофе и откинулся на спинку. Сердце стучало, а дыхание стало громким и частым.

Чечня. 2001 г.

«Кофе начало действовать, что ли?» — подумал я и постарался расслабиться.

Надо подумать о чем-нибудь отвлеченном, о чем-нибудь чистом, светлом и вечном... О чем? О боге, что ли? О боге. А есть ли он — бог, чтобы я о нем думал? А ведь мы все верим! Мы всегда верили и верим! Верим во что угодно: кто в бога, кто в черта, кто в себя, кто в нее, а кто верит, что ничего этого нет... Не можем мы, наверное, без веры? Вот и я. Никогда не верил. Ни во что. Был плодом индустриальной революции и технического прогресса. Натуралист и прагматист, оптимист и — в какой-то мере — нигилист. Но война ломает нешуточно.

— Завтра к десяти едем в церковь. Я договорился с батюшкой. В камуфляже едем и с автоматами, — выдал командир отряда в конце совещания.

— Штурмом будем церковь брать, как в памятном двадцатом? — по инерции сострил я.

— Перед командировкой батюшка благословит вас, нехристь.

— Почему нехристь? Я христь! Мальцом еще крестили в Одессе. Не помню я этого только.

— Ничего не путаешь, может, не крестили, а обрезали? — Совещание, как обычно, превращалось в балаган.

— Тогда бы я точно знал, а так только со слов матушки да крестной.

Меня действительно крестили в годы расцвета гонений на церковь полутора лет от роду, поэтому сознательного участия в этом таинстве я, естественно, не принимал. Крестили мое туловище, но никак не душу. Однако, несмотря на свое прогрессивное мировоззрение, я воспринял сообщение командира с пониманием. И я поехал со всеми вместе, в пятнистой форме и с автоматом, на мероприятие, о церемониальных правилах которого не имел ни малейшего представления.

В сумрачной церкви, стоя плечом к плечу со своими товарищами, под нестройное пение батюшки, из которого я понимал лишь десятую часть слов, треск

Дагестан. 2002 г.

свечей и запах воска, окруженный иконами с грустными глазами, я вдруг почувствовал, что это очень полезный ритуал. Во-первых, он наверняка успокоит моих близких; во-вторых, он убеждает нас, что по крайней мере православная часть общества благосклонно относится к нашей предстоящей миссии; в-третьих, это объединяет нас в том числе и как единоверцев, в далеком краю вершащих свой нелегкий труд... и еще в-четвертых, в-пятых... Но неожиданно меня прожгло чувство надежды. Именно надежды, а еще не веры. А что, если на самом деле в этом есть определенный смысл? А что, если на самом деле пусть не все, но хотя бы половина из того, о чем пел поп, истина? А что, если Он есть? Мне что, эта вера помешает? Мне что, придется нести ее на плечах высоко в горы? Нет, конечно. Много поколений моих предков верили в Бога, так почему бы мне сейчас не присоединиться к этой вере, тем более что случай такой удобный.

Но я так и не поверил.

Мне вдруг показалось, что без веры на войне нельзя. Вдруг наступит такой момент, когда твои силы, знания, умения иссякнут, не смогут помочь в тот последний миг, и тут на помощь придет Он или кто-то, кого Он пошлет на помощь. В тот последний момент, в ту последнюю секунду. И я искренне молился. Несколько раз, когда по-серьезному прижимало, честно, как умею. Я не знаю слов молитв, но в моменты «истины» они приходят сами по себе и такие, какие надо! И доходят они тоже, как полагается, без свечей и попов. А минует опасность, улягутся эмоции — приходит самоудовлетворение: это не кто-нибудь, а я молодец!

И разделилось сердце мое на веру в Него Всемогущего и на нежелание следовать Его заветам. Мне хочется верить, что Он есть, что Он поможет и спасет, но никак не получается понять, почему для этого мне надо быть иным, чем я есть. А зачем тогда все? Глупая у меня вера...

Я вздохнул, взял из настольного прибора салфетку, достал авторучку из кармана и нацарапал пришедшие мне в голову стихи:

Мы вместе уходили на войну
 И верили в счастливую звезду,
 Нас не пугала смерти тишина,
 Для нас работою была война.
 И каждый был достоин, чтобы жить,
 Сажать деревья и детей растить!
 Но возвратился он один домой,
 Израненный, с побитою душой...
 Из них не должен был остаться он,
 Ведь должен быть неписанный закон...
 Теперь за это он себя винит,
 Слезу роняя на резной гранит...

Я несколько раз прочитал, сделал две поправки, бросил ручку на стол и откинулся на спинку.

Да, это мое отношение к Богу, которое лично я вынес из войны. Почему так происходит? Почему выходят из мясорубки не те, кто, как нам многим кажется, больше всего этого заслуживает, почему лучшие гибнут? Даже я уверен, что рядом со мной были более достойные ребята, оставшиеся там навсегда. Почему так? Что за странный жребий Он бросает и по какому принципу решает, кому пришла пора уходить? Решает ли Он вообще?

Много раз мы говорили об этом в тишине убежищ и на дне окопов после боев и перестрелок, горя о погибших друзьях и запивая свой страх и неуверенность. Но ответа так и не нашли.

Почему все именно так?

Аня, загадочно улыбаясь, принесла мне очередную рюмку.

Третья. Сам бог велел.

«Ну, ребяташки мои дорогие, вечная вам память и земля, как говорится, пусть будет пухом!»

Я выпил и замолчал...

* * *

— В двух словах уже не получится... Вот ты мне, Слав, скажи, на хрена это все?

— Что «все»?

— Ну, все вот это. Война эта, служба наша, ранения всякие, пацаны погибшие? Вот на хрена? Кому это все? Вот вы сейчас в Дагестан собираетесь...

— После Нового года...

— Да и пес с ним, пусть после Нового года, но вот на фиг?

— Да, Сергеич, никак от тебя такого разговора не ожидал... Ты сколько на пенсии, три месяца?

— Угу.

— А уже смотри, как запел. Это, Сергеич, ностальгия. Синдром безделья.

— Ну так опровергай.

— Там ты так не говорил. Там ты бы порвал на немецкий крест любого из нас за такие разговоры.

— Да, пожалуй... Ты знаешь, вчера зашел в ЖЭУ в свой, оформить льготу на квартплату. Ну как ветерану. В окошечко подаю ветеранское свое удостоверение. Там тетка толстая такая сидит, на меня зырк-зырк, в руках повертела

Дагестан. 2002 г.

и соседке своей говорит, вроде как я и не слышу: «Глянь, Петровна, ветеранов развелось, плюнуть некуда. Просидел месяц в какой-нибудь траншее с автоматом — и на тебе — ветеран! У меня зять такой, тоже пришел — ветеран, — два месяца в Моздоке белье на складе охранял, а теперь на козе не подъедешь! Нате документ ваш, молодой человек». И так мне, Слава, обидно стало! Может, и правда — какие мы, к черту, ветераны?

— Дура она, Сергеич! И ты это лучше меня знаешь. Что ты говоришь, не дай бог такое пережить просто так, что мы с тобой пережили. Я после первой командировки две недели жену по ночам в шкаф загонял: щелкнет что-нибудь во сне, и все — тревога! Хватаю ее — и в шифоньер. Она орет, я проснусь, руки трясутся, и понять не могу — где я? Одно в мозгу — от окна подальше и где автомат мой с подствольником!

— Ха, да, таких историй и я немало могу порассказать... Да... А может, и в самом деле как-то полегче надо? Не за что, на самом деле, башку свою подставлять? Кому это надо?

— Это ты к чему сейчас?

— Да к тебе. Поедешь сейчас, опять начнешь лезть во все дыры. Что я, тебя не знаю, что ли?

— Вот еще...

— Давай рассказывай. Знаю я. Вспомни хотя бы, как ты тот дом зачищал.

— Какой дом?

— Какой-какой, с итальянским шкафом.

— А, — Слава рассмеялся и отпил кофе, — помню. Весело получилось.

— Ага, вот и я говорю — весело.

В дальнем дагестанском селе в свой дом ночью тайком пришел руководитель крупной террористической банды. Группу Вячеслава подняли по тревоге и отправили на задержание.

Блокировали село, оцепили дом, вывели всех родных. Начали штурм. Дом пустой. Проверили все — нет никого. Быть того не может. Информатор подтвердил несколько раз — объект на месте, надо искать. Слава лично обошел

оба этажа, проверили все закоулки, повороты, сараи, подпол. Нет никого. И вот на втором этаже, в спальне родителей, у стены стоит огромный итальянский шкаф. Несколько раз бойцы его открывали и осматривали. Открыл и Слава. Тряпки, шмотки, полки. Нет ничего. Стоп! А почему в правой половине шкафа полки как будто не такие глубокие? Слава незаметно промерил рукой глубину — точно, сантиметров двадцать — двадцать пять, сразу и не заметишь. Руки от волнения задрожали, вспотела спина. «Спокойно, — подумал он, — спокойно, если он там, он не должен ничего заподозрить, не то мне не поздоровится. Наверняка сейчас его “пушка” смотрит мне прямо в пузо!» — «Похоже, нет здесь никого!» — громко крикнул он вниз своим бойцам и не торопясь начал закрывать дверку, и в этот момент в щели между фанерой задней стенки, как ему показалось, блеснули два глаза, пристально смотрящие на него. Есть! Тут он! Вячеслав захлопнул дверку, и адреналин наполнил его тело. Он набрался сил спуститься вниз и все обдумать. «Так, как брать? По опыту известно — у него в руках автомат или пистолет и граната. С обратной стороны он прижимается к уличной стене. Выход только вперед через шкаф. Как его взять? Никак. Подорвет гранату — уйти по узкой кривой лестнице из этой маленькой комнатки никто не успеет. Ну что ж, пойду сам. Надо взять пулемет». Он взял крупнокалиберный ротный пулемет и осторожно поднялся наверх. «Здесь нет никого!» — снова крикнул он, пытаясь не нервировать бандита в засаде, тем временем аккуратно переворачивая прикроватный столик, чтобы создать себе хоть какое-то укрытие. Слава уселся, изготовил пулемет. «Алабек, выходи!» — неожиданно вскричал Вячеслав и бросил в дверку шкафа пустой автоматный магазин. «Аллаху Акбар!» — раздался крик сорвавшегося от нервного напряжения бандита, и одновременно прогремели три выстрела из шкафа. Тут же задолбил длинную очередь, разрывая шкаф на куски, Славкин пулемет. Граната упала под шкаф и рванула. Слава очухался только минут через десять, а слышать начал где-то через час. Задание было выполнено.

- Ну вот и на фига?
- Что на фига?
- Сам полез на фига?
- А что, бойца посылать не жалко?
- Вот видишь! Жалко бойца, стало быть? Значит, не стоит оно того?
- Слушай, Сергеич, не узнаю я тебя что-то. Может, еще тебе налить?
- Успокойся. Проверяю я тебя. Да крендель меня один сейчас раздраконил. Угадай — кто? Васьки Метлюка брат меньшой. Съездил в ментовскую группировку в Махачкалу, приехал героем, расскажи, говорит, мне правду про брата моего...
- Ну, ты его послал?
- Послал...
- И правильно.
- А все-таки, на самом деле. Вот я снова про деда своего вспомнил. Вот война была Отечественная. Вот деды наши воевали. Да, вот, понимаю. Вот честно — понимаю. Я, ты знаешь, плачу каждый раз Девятого мая, когда минута молчания по телевизору идет. Вот просто реально плачу! Блин, жуть какая-то. И мне, понимаешь, не стыдно, а даже как-то приятно, черт подери, плакать. Будто я какую-то дань уважения им отдаю, понимаешь? А мы? Вот я? Башка контуженная, глухой на оба уха, в ноге протез, хожу, как уточка, переваливаюсь с ноги на ногу — кляча раздолбанная. А мне еще ведь и пятидесяти нет. И что

я дальше? Кому я нужен? Что я умею? И сколько таких? А наших хотя бы возьми. Олешка. Как попали они на фугас, перекердыкнулся он пару раз — и все. Инвалид теперь. Ходит как во сне, говорит как пьяный. Ты давно, кстати, был у него?

— Стыдно признаться, давно...

— Я год назад был. Заходил в гости. Он рад был, обнимал! Много ли ему надо для радости? А мы и этого не можем нашему другу подарить. Эх мы, только болтаем... Я пришел, а он сидит и старые кассеты наши пересматривает. Старое наше все, где молодые мы еще, где все живы, где все вместе. Представляешь? Так и живет он там, двадцать лет назад...

— Сергеич, все, заматано, давай на следующей неделе к Олешке? Идет?

— Конечно! Да и вот, Лёшка умер. Лучше меня ведь знаешь — что, просто так мужик, командир спецназа, в пятьдесят лет раз — и умер? Сердце? Фиг! Все это наши войнушки, а главное — потери эти наши, к которым привыкнуть нельзя... Вот и его война прибрала, будь она неладна!

— Да...

Аня принесла водку.

— О, вот и к слову. Так и не будешь?

Слава мотнул головой.

— Ну ладно. За нас, Слав!

Я выпил. Помолчал.

— А я, Слава, на войну хочу! Иной раз прямо сил нет — хочу и все! Как наркотик какой, хочу испытать еще и еще раз это волнение, необъяснимую дрожь в руках, ощущение победы, страх и адреналин! Там жизнь! Там я нужен, там я на своем месте! Да, черт... Рано выпил.

Вячеслав рассмеялся:

— Поехали с нами, в чемодане!

— Эх, Слава... А вот сыну своему никак этого не хочу! Ну вот никак! Не хочу, чтобы он даже близко к этому всему прикасался... Не знаю почему.

— Просто ты, Сергеич, старый мудрый солдат, ты не одно поколение выучил...

— Ну ты загнул...

— Да. И ты просто видишь, наверное, что не его это. И все. Меня же ты от войны не отваживал? Хотя не думаю, что не жалел. А?

— Ха, да пожалеешь тебя, когда ты из пулемета по людям стреляешь. Да, Слава, может, ты и прав? Расскажи, как Лёшку хоронили...

* * *

— Пап, а этот крест тебе за что дали? — Семилетний сын обернулся ко мне, крепко сжимая в руке орден Мужества, висящий на полевом мундире в шкафу.

— Этот? — Я усмехнулся. — За то, сынок, что я Аргун переплыл...

Алексей МАКАРОВ

РОДИМАЯ ГЛУШЬ

В бесконечно далеком 1955 году я оказался в числе студентов в Северном районе Новосибирской области на уборке урожая. Сибирская первобытная глушь запомнилась мне, и я через десять лет сочинил повесть «Чалдонки», которую напечатала московская «Литературная Россия». Возможно, в ту осень и вскрылись мои писательские раны.

Я всю жизнь как-то сказочно повторял названия деревень: Остяцк, Ургуль. И вот совершенно неожиданно весточка с крутого берега Тары пришла ко мне в виде повествования, написанного уроженцем той самой деревни Ургуль, в которой когда-то жила героиня моей повести.

Автор моложе меня на пять лет, и это значит, что он в 1955 году бежал по единственной деревенской улице, возле Тары, и на краю, где мы ночевали в длинном амбаре, я, быть может, его мельком видел. В Ургуле родился и жил талантливый мальчик. Мне так приятно было читать его воспоминания о местах, с которыми я породнился...

В великой Сибири исчезло после войны множество старинных деревень, и только заросшие поляны, леса, речки и тропы печалятся о них. Письменных следов не возникло, редко кто излагал свои житейские впечатления и вздохи на бумаге, а этнографические фольклорные записи покоятся на магнитофонных лентах в архивах.

Воспоминания Алексея Макарова — простое и необходимое свидетельство о том, что никогда не вернется.

Виктор Лихоносов,

*лауреат Государственной премии
России по литературе*

Деревня Ургуль из пятидесяти дворов расположилась среди болот Васюганья по берегу таежной речки Тары. Выезжая из леса, взглядом охватываешь ее всю разом. На первом плане по берегу Конопляного озера — ферма и старые колхозные амбары. Встречает же тебя поскотина с расшатанными воротами. Так было до моего отъезда на учебу, только теперь ферма и амбары порушены.

Первое впечатление от деревни таково, как будто избы вросли в землю. Местами между ними прогалы, а это означает, что дом снесли и на его месте никто не построился.

Земля, пригодная для земледелия, лежит вдоль берегов Тары полосой в два-три километра и только по малым речкам уходит в глубь урмана. Урман для пешей ходьбы неудобен, так как гривы с лесом перемежаются болотами. Гривой у нас называют относительно сухие участки среди болота, поросшие осинником. Зимой, когда снег прикроет кочки и валежник, можно ходить на лыжах, не спотыкаясь на каждом шагу. Кажется, ну за что любить такие места, ведь есть же на свете более красивая и удобная для жизни земля? Но вот что удивительно — чем старше становишься, тем чаще вспоминаешь свою родимую глушь.

Мои воспоминания о детстве отрывочны — ведь прошло уже семьдесят лет. Помню, что такого количества комаров невозможно себе представить. Сколько же гнуса было в наших краях! Когда пасли коров, то без накомарника находиться рядом со стадом было нельзя. Кровососы просто выпьют кровь в течение часа. На солнце можно смотреть без темных очков, и оно покажется мутным пятном на небе. От роя гнуса в ушах слышишь непрерывный гул. С наступлением жары комары отступают, но начинают докучать пауты, а ближе к осени — мошкара. Укус паута болезненный, как удар бича. Он крупнее пчелы, и количество выпиваемой крови не идет в сравнение с тем, сколько выпьет комар. Мошка проникает в любую щелку, но особо любимые места — глаза и паховая область. От ее укусов веки отекают так, что глаз не видно, а в паху поднимается зуд и образуется опухоль.

В пору моего детства личное стадо коров было таково, что пасли их по два человека. А колхозного поголовья — еще больше. Теперь на всю деревню три коровы, а общественного стада нет. Наши земли расположены на заливных лугах и потому плодородные. Сенокосы всегда были высокопродуктивными, и сейчас стоит трава по грудь, но никто ее не косит. А ведь только наша деревня могла бы дать тысячу тонн мяса, и таких деревень в сельском совете было одиннадцать. Теперь кто будет давать и кому? Зато покупаем говядину в Аргентине, а в Австралии — кенгурятину.

С малолетства — колхозник

Я прожил в своей деревне до восемнадцати лет, пока не окончил среднюю школу, а дальше райцентра не выезжал. Село Северное расположено на том же болоте, только оно немного больше наших деревень. В райцентр жители поселков ходили пешком за тридцать, пятьдесят и более километров.

Однажды и мне пришлось прошагать из Биазы в Северное, а это тридцать километров. Уже в десятом классе я хватился, что метрика утеряна, а получить паспорт без нее не получится. В таком же положении оказался одноклассник Саша Ликаровский. Вот мы и отправились в райцентр.

Настоящих дорог в то время не было. Грузовая машина в колхозе одна, да и проехать по такой дороге она могла редко. Тракт от Биазы до Северного проложен через болото, и любой дождь делал его непроезжим. Мы с Сашей прошли по грязи более двадцати километров, когда нас догнал председательский ГАЗ-67. Как же мы были благодарны, что нас взяли в машину! Представляю, каково было моему брату учиться в Северном за пятьдесят километров, а проходил он это расстояние пешком за день.

Свидетельства о рождении нам выдали в течение одного дня, но паспортов не дали: местность не паспортизирована. Было впечатление, что мы крепостные и прикреплены к одному колхозу. Крестьяне могли сменить место жительства только на такую же деревню в пределах своего района. Были случаи устройства незамужних девчат няньками в город, а там они уже могли получить паспорт. Сестра Мария уехала без паспорта в леспромхоз и осталась там жить до старости.

Друзья моего детства пошли работать в колхоз рано, так как бросили учиться после окончания седьмого класса, а некоторые и после начальной школы. И мне с десяти лет во время летних каникул приходилось работать в колхозе. При этом моего согласия и не спрашивали.

Как только ребенку исполнялось десять лет, приходил бригадир и приказывал запрягать в телегу пару лошадей, чтобы везти баб на работу (в то время в деревне слово «женщина» не употреблялось). Дети начинали работать с заготовки силоса, потом переключались на сеноуборку и заканчивали работы с началом учебного года. Ну кто сейчас позволит маленьким детям работать по двенадцать — четырнадцать часов в день без выходных! Из-за гнуса мы заготавливали силос в ночное время, когда не было пауза, а ночью и нам хотелось спать невероятно.

В темноте иногда наезжали колесом повозки на пень или валежину. Конечно, телега переворачивалась, но ребенок должен был поставить ее на колеса и загрузить траву обратно. Ночи в это время короткие, и вечерняя заря встречается с утренней. Ночную тишину нарушал только шорох скашиваемой литовками травы да храп лошадей. В пути к силосной яме иногда слышался писк совят, ждущих мать-сову с мышью в клюве, а то проснется филин и прохрипит в ночи:

— Шу-бу! Шу-бу!

Как будто ему холодно и просит шубу погреться. А на рассвете кричат перепелки, призывая прилечь:

— Спать пора! Спать пора!

Нам и без птичьего напоминания хотелось спать, и случалось, засыпали, но лошади знали дорогу к силосной яме, а там уж разбудят вилами по спине.

По утрам отовсюду слышно дергача. Так его называют в наших местах, а, вообще, это — коростель. Мало кому удастся увидеть его, хотя летом слышишь каждый день. Хриплое дерганье — «др-р-р» — раздается со всех сторон, но очень трудно определить, где он. Дергач быстро бежит в густой траве, тут он неуловим. Длинноногая птица с обтекаемой формой тела, и кажется, что у нее нет хвоста. Коростель покрыт темно-бурыми перьями, испещренными оливково-серыми пятнами, он неразличим среди мелкого кустарника и травы. Летает он плохо — будто вот-вот упадет. И все-таки летит.

Кто-нибудь из мальчишек, обычно самый маленький, трамбовал силос в яме. Завалив траншею травой наполовину, загоняли туда лошадь, и один из нас ездил верхом по кругу, утрамбовывая ее. То ли за малый рост, то ли по другой причине, но на эту работу бригадир ставил меня. Не скажу, что это легкая работа — всю ночь кружиться на пяточке силосной ямы. Это делалось для того, чтобы удалить воздух из травы, — и тогда без доступа кислорода произойдет ее ферментация в силос. Везить траву — хоть какое-то разнообразие, а тут монотонная езда по кругу.

У меня одна из лошадей была по кличке Нюрка — хитрющая бестия. Подведу ее к телеге, с которой и пытаюсь надеть хомут. А она отступит на шаг и хитро смотрит на меня, скосив набок голову. Нюрка раза три сделает так и сжалится над ребенком, позволив запрячь себя, даже сама засунет голову в хомут. Что я только ни делал, даже подкармливал ее кусочком хлеба с солью от своего обеда, но все было напрасно. Нюрке нравилось играть со мной.

Перспектива работать скотником, по уши в коровьем дерьме, кому понравится? Не намного лучше работа тракториста с постоянным мазутом на теле и одежде. Может быть, потому-то я и пошел учиться за двадцать километров в среднюю школу? А может, желание знаний? Этого я и сам не помню.

Мать говорила:

— Хватит учиться — и так грамотный. Иди работай в колхозе.

В это время мой брат Коля уже был студентом Новосибирского сельскохозяйственного института, и мне тоже хотелось получить образование. Тем более

что учение давалось мне без особых усилий: достаточно прослушать учителя, и я запоминал урок. Учился легко — играючи. Время для приготовления домашних заданий использовал на чтение книг или походы в лес с ружьем или без него.

Лес манил с детства, и я в нем никогда не скучал. Мне было понятно, что каждое дерево индивидуально и не похоже одно на другое. В конце летних каникул мы любили ходить за голубикой в Ичинский рям. Она такая голубая да с пыльцой на ягоде — сладкая! Ее было много, но нас гоняли и за это. Мама варила из нее только одну баночку варенья, и то для гостей, так как сахар достать было трудно.

Но вернемся в истоки памяти. Первые воспоминания детства уносят меня в младенческий возраст. Мать работала на ферме заведующей, но потом отказалась, так как приходилось буквально жить там, чтобы, не дай бог, не случился падеж скота — тогда тюрьма обеспечена. Заведующая отвечала за все: за поголовье скота, за своевременную дойку и удои молока. Мама стала работать телятницей на этой же ферме. Почему-то телятниц у нас называли поярками. Видимо, от слова «поить», и сказывался чалдонский говорок. Только из-за беспокойного характера она и здесь проводила круглые сутки на работе.

Позднее мать рассказывала мне, что, когда я еще не ходил, она на ферме подвешивала люльку со мной над котлом с кипящей водой. Только там зимой было тепло, а так дули сквозняки и везде холодно. Котел постоянно грели, чтобы добавлять кипятка в холодную воду для новорожденных телят. Стоило мне повернуться, и я мог оказаться в кипящей воде, но, слава богу, все обошлось.

Война еще не закончилась и мне не было трех лет, когда однажды я пошел к племяннице Поле, дочери старшего брата Василия, который пропал на войне без вести. (Позже, по моему запросу, в военкомате дали документ, что он был младшим лейтенантом, а мы этого и не знали. Его часть входила в группу войск, занявшую восточную часть Польши около Белостока. Первый удар немецкой армии приняли эти войска.)

Его жена с дочерью жили на краю деревни у речки Калчейка в такой развалюхе, в которой сейчас и свиней держать не будут. Полю я нашел голой, сидящей на завалинке, — у нее нечего было надеть на себя. Весеннее солнышко пригревало у стены, и она была настолько худенькой, что все ребра выступали наружу. Мне было так ее жалко, что дома я обратился к матери:

— Мама, Поля голодная и ходит голенькая.

На что мать ответила:

— Сынок, а как мне вас прокормить?

Вскоре племянница умерла от туберкулеза — холод и голод сделали свое дело. Видимо, я тоже немногим отличался от нее. Много лет спустя брат Иван рассказывал, каким доходягой нашел меня, когда вернулся с войны. Мы все с большими круглыми животами походили на неоперившихся птенцов воробья, у которых брюшко составляет большую часть тела.

Помню ликование людей при известии о Победе над фашистской Германией. Они думали, что их мучения закончились. Ох, как они ошибались — главное-то было впереди. Надо было восстанавливать порушенные города и села, а эффективность деятельности коллективных хозяйств была крайне низкой. Большинство мужского населения погибло на войне, а механизации не было. Урожай забирали подчистую. Конечно, отнять весь урожай у колхоза легче, чем у единоличника.

В три года я оставался в доме один, и только поздно вечером мать приходила домой, когда ее девятый сын-поскребыш уже спал. Хлеб был редким угощением

ем для нас, и казалось, нет ничего вкуснее его. О конфетах, пряниках и других сладостях мы просто не знали.

Чувство голода сопровождало меня постоянно, хотя зерном были заполнены кладовые колхоза и даже все наши личные амбары, оставшиеся еще с дореволюционных времен. Ввиду отдаленности от железной дороги хлеб не вывозили от мест его производства около десяти лет. Когда засыпать пшеницу стало больше некуда, то затаривали ее в мешки и укладывали в бурт на высоком берегу речки. Вода в весенний разлив не доставала зерно. От дождя же бурт накрывали брезентом.

Трогать зерно было нельзя. Любого председателя, осмелившегося выдать его на трудодни, арестовали бы. Отвечал за сохранность хлебных запасов заведующий «глубинкой» (или, как мы его называли, «завголубинкой») по фамилии Коваленко. Живущие старушки до сих пор благодарны ему. Хлеб был государственным, и за его кражу могли дать пятнадцать, даже двадцать лет лагерей, а то и расстрел. Когда голод доставал уже окончательно, мы ночью прутиком через дырку в полу амбара выколупывали пшеницу и варили зерно целым. На это время избу запирали на крючок, чтобы никто не увидел. Вообще-то, у нас были ручные жернова, но пользоваться ими боялись. Могут спросить, где взяли зерно, доложить куда следует — охотники найдутся. Вся система была построена на доносах. Митрошка Сидоров и не скрывал, что является негласным агентом — сексотом. Он еще и гордился этим. В тюрьму или ссылку за болото отправляли и за меньшие преступления. Стоило подобрать колоски в поле или положить горсть зерна в карман. Если тебя на этом поймали, то меньше десяти лет не давали. Даже был закон «о трех колосках».

Кузьма Коваленко знал, что люди сверлят в амбарах дырки и через них берут зерно, но в органы не доносил. За это он поплатился своей жизнью. Когда вывозили хлеб на элеватор, то у него выявилась большая недостача. «Заведующего глубинкой» привлекли к ответственности, но от переживаний у него случился инфаркт и он умер. А так ему было суждено сидеть в лагере или быть расстрелянным. Вспоминают его живущие старики и старухи добрым словом.

Постоянное желание поесть донимало всех мальчишек, а не только меня. Я смотрел на птиц, живущих весело и сытно, и мне так захотелось летать, как они. Вот и задумал я улететь на ковре-самолете в страну, где вдоволь хлеба. Недолго думая, я собрал обломки жердей и уложил их на земле по форме самолета. Потом сел на него и мысленно попросил свой аппарат унести меня в хлебный край, но ничего не произошло. А в нем было столько моих надежд на сытный обед с хлебом. Как же я был обижен на свой самолет, я раскидал его по двору, а потом плакал, притулившись на завалинку. Так пропала моя вера в сказочные ковры-самолеты.

Помню, как сидел дома один. От голода даже на улице не хотелось выходить, поиграть со сверстниками — все время тянуло в сон. В шкафчике не было даже самой маленькой корочки хлеба. С культстана¹ вечером пришла сестра, зная, что мать будет на ферме, а я голодный и дома, как всегда, из съестного ничего нет. Мария побежала на луга и принесла пучек², заварила кипятком, а послать нечем. Так я наелся супа из травы без соли и хлеба.

Почему-то в литературе о травах борщевик считают ядовитым растением. Видимо, все зависит от района его произрастания и времени сбора. Но до сих

¹ *Культстан* — культурный стан (полевой стан).

² *Пучки* — борщевик.

пор, собирая грибы, я срываю пучки и употребляю их в сыром виде. Также считаются съедобными лук-порей, медуница, язычки, или шкерды. Их названия меняются в разных местах. Чалдоны борщевик называли пучками, видимо, потому, что от него пучит живот.

Маленьким я ходил к матери на ферму, так как находиться дома одному скучно и голодно. Там ей иногда удавалось налить мне кружку обрат, которым поили телят. А его привозили с молоканки³, где молоко сепарировали, сливки же отправляли на маслозавод. Обезжиренным молоком поили телят. Делала она так, чтобы никто не видел, но налить мне обрат получалось редко. Правда, бывало, что какая-нибудь из доярок угощала меня стаканом молока, но тоже тайком и не каждый раз.

Детские беды и радости

Однажды я шел с фермы домой несолоно хлебавши. Не получилось остаться без свидетелей. Почему-то возвращался я через огород Авдотьи Тишкиной и там вырвал хвостик морковки, по-иному и не назовешь — настолько она была еще мала. Авдотья пожаловалась матери, и я был избит чуть ли не до потери сознания. С тех пор чужое я обходил стороной, и это отношение сохранилось на всю жизнь.

Примерно в это же время меня невзлюбил петух Марфы Сидоровой. Он был здоровый и рыжий, да еще с большим разноцветным хвостом, и складывалось впечатление, что драчун сутками караулил меня в подворотне. Стоило мне пойти к своей бабушке Маримьяне, как он вылетал со двора Марфы и гнался за мной до бабушкиной избушки. Петух больше никого не гонял, только меня.

Мой сосед Володька Сидоров всегда смеялся надо мной, что я боюсь петуха. Ему хорошо, он старше меня на три года. И как только я ни пытался обмануть рыжего задиру — медленно подкрадывался до двора Сидорихи и бегом мимо, но петух всегда караулил меня и с победным кличем кидался вдогонку. Все-таки я не выдержал издевательства какого-то петуха, хоть и рыжего. Как-то однажды погнался за мной истязатель, а я, нагнувшись, сделал вид, что поднял хвостину, которой даже не было, и кинулся навстречу рыжей бестии. Петух не ожидал такого отпора и с позором сбежал в подворотню. С тех пор он оставил меня в покое.

У бабушки я всегда подходил к амбару, где у стены стояла берцовая кость мамонта, и мерился с ней. Когда же я окажусь выше ее? Позднее, уже студентом, я интересовался, куда делась кость мамонта. Мне ответили:

— Из Новосибирска приехали работники музея и забрали ее.

Бабушка всегда угощала меня чем-нибудь, будь то кусочек сахара с наперсток или мед на кончике маленькой ложечки. Вот я и бегал к ней за угощением. Признательность за ее любовь я испытываю и сейчас. За доброту к людям ее любили все. Была у нее одна страсть — ловить рыбу на удочку. Две удочки с леской из конского волоса и туесок с червями всегда стояли у амбара. А рыбачила всегда на одном месте — на омуте Остяцкий Взвоз. Омут тот — глубины неведомой, и сколько ни пытались измерить ее, так и не могли: не хватало длины вожжей.

Где-то с четырехлетнего возраста мы начинали постигать красоту окружающей нас природы. Весной первой цвела верба, за ней медуница покрывала поляны синими цветами. В это время самым любимым напитком был березовый сок.

³ Молоканка — молокосборный пункт.

Выбирались березы, где он был сладким. Искать такую березу надо на высоком берегу Тары. А уж когда закипала черемуха белым цветом, то всем становилось радостно. Ее аромат окутывал тебя со всех сторон, а пчелы гудели, перелетая с цветка на цветок. Позднее на лугах мы копали луковицы саранок, а у них такие красивые цветы. Это же одна из лилий. Кругом росли венерины башмачки, ромашки и васильки. Меня с детства завораживало разнообразие растительного мира. И я думал: «Откуда это чудо взялось?»

Еще маленьким я увидел в береге Тары большую кость, похожую на клык. В начале Маленькой луки, у самой воды. Она торчала примерно на полметра. Мне захотелось выкопать ее, но я понимал, что работа не по моим силам. Думал, как только подрасту, то сразу выкопаю и принесу домой. Когда я посчитал, что справлюсь с этой работой, клыка на месте не оказалось. Вымыло его или заилился берег, я так и не знаю. Уже инженером видел маленький клык мамонта в деревне Карагаевке нашего же района, но почему-то постеснялся попросить его у товарища. Он, конечно, не отказал бы мне. И был бы я обладателем раритета.

Брат и сестра с четырнадцати лет работали в поле и жили в культстане, не выезжая домой. Еду им возил бригадир один раз в сутки, объезжая дворы, чтобы собрать продукты. Еще их подкармливали немного кулешом за счет колхоза. Кулеш — каша из муки грубого помола, какая найдется в колхозе.

Как-то наказала мне мать передать бригадиру котомку с продуктами для сестры. Но на беду пришел ко мне сосед Володька Сидоров и позвал ломать ветки таволги на стрелы для лука. Он убедил меня, что мы успеем сбежать до кустов, которые находились у нас на задах, то есть за огородом. Огороды же в те времена были в половину гектара. А без них нам бы и не выжить. Ну вот, возвращаемся мы со стрелами, а бригадир на ходке⁴ уже проехал. Я увидел только его спину и сколько ни кричал, он даже не повернул головы.

Пришла мать с фермы, чтобы накормить меня обедом, а котомка с продуктами дома. Вот тут-то и началось — была она меня всем, что подвернется под руку, а на финал повалила на землю, схватила топор и говорит:

— Отрублю тебе голову!

Взмахнула и ударила топором. Я от страха зажмурился. Лезвие топора врезалось в землю рядом с горлом, а топорнице прижало мою шею к земле. Она, конечно, хотела меня просто напугать. Но я-то думал — все, кончились мои мучения с голодом, да и осознать происшедшее не успел, так это быстро произошло. Но, прочувствовав случившееся, я описался и, встав с земли, пошел в огород, где спрятался в зарослях конопли, а уж потом дал волю своему горю.

После этого у меня долго самопроизвольно дергались мышцы. Сейчас я не осуждаю мать и все простил, так как доставалось ей с кучей детей без мужа «по самое не хочу». При матери было нас три брата и сестра — все еще несовершеннолетние.

Вообще-то моя мать была вспыльчивая, но отходила быстро. Когда она была меня всем, что подвернется под руку, то сестра, если была дома, подставляла руку или свою спину. Она мне кричала:

— Убегай! Мать отойдет, тогда вернешься.

Я же говорил:

— Не побегу, я не виноват.

⁴ Ходок — легкая подрессоренная повозка.

Забегая вперед, расскажу, как мать меня хотела ударить сковородником, когда мне уже было около четырнадцати лет. За что — и сам не помню, возможно, из-за плохого настроения. Я перехватил сковородник, отнял его и посадил мать на лавку.

— Все, мама, хватит махать сковородником.

Она заплакала и сказала:

— Вот и последний сын вырос, и некого ударить.

— Мама, радуйся, что последний сын вырос и может постоять за себя.

Больше она на меня даже не замахивалась.

Мать была общительна и к людям относилась с уважением. По вечерам к ней заходило много народу, и они вели беседы на разные темы. Возвращаясь в памяти назад, я вспоминаю, что она кормила меня грудью больше двух лет. Я сосал титьку, а кто-то из мужиков сказал:

— Какой большой парень, а сосешь титьку. У тебя на губах долго не обсохнет материнское молоко.

Я обнял титьку и стыдливо спрятал лицо у матери на груди.

Во время уборочной страды взрослые и дети старше тринадцати лет жили в поле и спали в культстане. Уборка хлеба начиналась со ржи. В то время комбайнов не было и хлеб убирали вручную. А это были серпы, грабки и конные лобогрейки. Жатва серпами — работа медленная, и спины болели неимоверно, так как весь день приходилось трудиться согнувшись. Косить хлеб литовками с грабками могли только выносливые люди. На литовку крепилось приспособление из дерева, собирающее колосья в сноп, и оставалось только вязать его.

Особую часть уборочной технологии представляли лобогрейки. Даже в названии чувствуется тяжелая работа, потому что грели лоб до пота. Лобогрейка была сделана из конной сенокосилки с приспособлением для сбора скошенного хлеба в сноп, который надо было сбросить на поле вручную особыми граблями. Один мужик или подросток управлял парой лошадей, запряженных в лобогрейку, а второй сбрасывал снопы на поле. Сзади шли четыре или пять женщин и девушек в возрасте старше четырнадцати лет. Они вязали снопы и устанавливали их в суслоны. Так что им приходилось поторапливаться, чтобы успеть за лобогрейкой.

Большую трудность составляло то, что хлеба были поражены сорняками, и не просто сорняками, а особо колючими, а это осот и жабрей. Последний сорняк сильно резал руки, и не было спасения, пока они не огрубеют до такой степени, что даже шипы жабрея не прокалывали их.

Маленькие дети, и я в том числе, иногда просились прокатиться на лобогрейке. Нам разрешали сесть на раму и сделать один круг, а больше и не вытерпишь от шума и вибрации, идущих от ленты с зубьями.

Позднее суслоны складывали в зарод и глубокой осенью начинали молотить снопы. Паровой локомобиль вывозили с мельницы и ставили около зарода. Вращение маховика локомобиля передавалось на молотилку с помощью широкого ремня. Грохот был неимоверный, и мужик, стоящий на площадке, одним движением разрезал перевязь снопа и кидал его во вращающийся барабан. На мгновение шум уменьшался, а молотилка, перемолов колосья, опять грохотала, пока мужик не закидывал новый сноп.

Обычно подросток лет четырнадцати с помощью лошади и приспособления отгребал отходы от молотилки. Маленькие дети любили резвиться в соломе, пока ее не смечут в скирду, забирались на незаконченный зарод и скатывались вниз. Зерно отгребали от молотилки на утрамбованную площадку и ворошили

деревянными лопатами, чтобы подсушить его. Затем с помощью веялки отделяли сорняки, зерно везли на сушилку.

Окончание уборочной страды завершало крестьянский труд сезона. Урожай сдавали государству в виде плана зернопоставки, а потом назначались дополнительные сдачи, и в амбарах колхозов оставалось не так уж много зерна. А чтобы скрасить тяжелый труд колхозного крестьянина, придумали бесплатные обеды в Октябрьский праздник, то есть седьмого ноября. А это отдельная тема.

Заранее выбирались женщины, которые умели лучше других варить пиво, среди них была и моя мать. Зерно, выданное для пива, мать замачивала и укладывала на русскую печь, чтобы оно начало прорастать. Затем она проросшее зерно засыпала в глиняные полутораведерные корчаги с водой и ставила их в печь, чтобы сварить сусло. Сусло получалось сладкое, темное и густое, а в него мать добавляла хмель, чтобы оно забродило. Получалось слабоалкогольное и очень вкусное пиво.

За несколько дней до седьмого ноября лучшим стряпухам выдавали муку и они пекли различные булочки и крендели. Непосредственно перед сбором народа варили мясные блюда.

Утром разукрашенные повозки с дугами, обвитыми цветными лентами, с колокольчиками и праздничной сбруей, оставшейся еще от единоличной жизни, разъезжали по селу и собирали народ в контору колхоза. На стенах конторы висели лозунги, прославляющие Советскую власть и товарища Сталина. Люди усаживались за столы, и в первую очередь — передовики и начальство. Под тосты: «За Сталина!» — приступали к трапезе и пили пиво. Нас, малышей, кормили в последнюю очередь. Обстановка была торжественной и праздничной. Чем еще примечательно было то время — так это тем, что не было на улицах деревни пьяных.

Так же торжественно проходили выборы в органы власти. С раннего утра разъезжали по деревне украшенные цветными лентами упряжки и свозили на избирательные участки стариков и старушек либо передовиков производства, чтобы обеспечить стопроцентную явку. Выборы превращались в праздничное мероприятие.

Церковные праздники тоже отмечали, но по-домашнему. Для этого заранее запасались мукой, яйцами и сахаром, чтобы на Пасху испечь куличи, а в другие праздники хлеб и булочки.

Где-то около шести лет у меня случился провал в памяти и я ничего не помнил почти целый год. Брат Матвей собирался ехать за сеном и послал меня достать чембары⁵, которые лежали на полатах. Я залез на них без приключений, но при спуске сорвался и упал. А на полу стояло самодельное ведро, ушком которого пробило мне голову. Мать говорила, что я пролежал полгода, и она уже не надеялась на мое выздоровление. До ближайшей больницы было пятьдесят километров, но почему меня не отвезли туда, я не знаю. Видимо, жизнь ребенка стоила меньше двухдневной работы лошади. В голове, покрытой коростами, завелись вши — и так много, что казалось, волосы шевелятся. Тут-то мать решилась на последнее средство и облила мне голову керосином, после чего я пошел на поправку.

Через год я снова бегал с друзьями по деревне и ходил в лес за ягодами. Тогда все мальчишки в холод и зной, в засуху и дождь бегали босиком. Боялись мы больше шипов боярки, чем змей, которых в нашем краю было много.

⁵ Чембары — верхние брюки из домотканой ткани.

Время от времени на мальчишечьих ногах образовывались цыпки⁶. Становилось очень больно, и мать смазывала трещины ступней сметаной, а когда ее не было, то простоквашей. Через несколько дней они подживали, и мы снова бегали по своим ребячьим делам. Подошвы ног у всех были как воловья шкура, и не каждый шип мог проколоть их.

В нашем краю жил мужик Василий Савельев, который умел заговаривать змей. Как он обращался с ними, мне рассказала сестра. В первый день покоса он усаживал женщин на телегу, окружал ее веревкой и начинал свистеть. Змей собиралось много, и они заползали на веревку, высоко поднимая голову, и слушали его свист. Савельев проводил какой-то ритуал и, громко свистнув, говорил:

— Все, бабы, ни одна змея вас не тронет.

В это время змеи расплзались в разные стороны. Он мог спокойно взять змею в руки, и она вела себя покорно. Как это было на самом деле, не знаю, но после его заговора ни одна змея никого не кусала. Помню, как бабы сидели на сене и отдыхали. Вдруг закричала Онька Сидорова — а это змея переползла по бедру и не тронула ее.

Мало того, что на трудодни ничего не получали, так еще налоги на хозяйство были огромные: от коровы надо было сдать 350 литров молока, с овцы полторы шкуры. И независимо от того, держишь ты куриц или нет, — сдай определенное количество яиц. Опись имущества шла весной, когда овцы уже обьягнились. При этом не имело значения, ягненок или взрослая овца, — все равно полторы шкуры сдай. Когда в апреле комиссия вела перепись скотины, то мать меня прятала с ягнятами в погреб и закрывала крышкой, которую для правдоподобия засыпала снегом. Погреб был выкопан в огороде, и я сидел в темноте, обняв ягнят, чтобы не блеяли.

Во время сбора налогов и подписи на заем в деревне стоял бабий рев. Облигации были фантиками, ничего на них не выигрывали. Где же вдове взять деньги? Денег взять негде, жили все натуральным хозяйством. Даже одежду шили из домотканого холста, в лучшем случае — льняного, а то и из конопли. Конопляный холст называли изгребным. Штанишки из такого холста натирали ноги в паху до крови. В каждой избе имелись красны⁷, на которых ткали холст. Весной холсты отбеливали на снегу. С началом зимы все женщины и девушки пряли нитки вручную на прялке или на самопрялке.

Обувь в лавке не покупали, ее просто не было в продаже, да и купить не на что. Женщины и дети постарше ходили в чирках. Это что-то вроде калош, только шились из самодельной кожи с опушкой по кромке. Сибиряки не признавали лапти. Выделывать и даже дубить кожу умели не только мужики, но и женщины. Мужское население деревни ходило в броднях — сапогах с мягкой подошвой.

Мужиков же в деревне во время войны было очень мало, да и те инвалиды.

Через два года после окончания войны вернулся брат Иван, а отец и старший брат Василий остались там навсегда. (Опять же, через военкомат я узнал, где похоронен мой отец.) Мы с матерью копали в огороде картошку, когда она увидела человека, идущего пешком по дороге в деревню. От нашего дома до выхода из леса было около километра, но мать почему-то забеспокоилась и стала смотреть на пешехода. Не доходя до покотины, он повернул к берегу Конопляного озера (так его называли потому, что в нем замачивали коноплю для изго-

⁶ Цыпки — трещины на коже ступней от грязи, холода и сырости.

⁷ Красны — деревянный ткацкий станок.

товления веревок). Здесь ходили только те, кто жил в нашем краю деревни. Тут она вообще повела себя странно, стала похлопывать руками по бедрам и почему-то крутиться на одном месте. Вскоре мужчина в военной форме действительно подошел к огороду и перелез через наше прясло⁸. Мать от волнения села, точнее, упала на землю.

Это был ее сын и мой брат Иван. Его забрали на войну семнадцатилетним подростком в начале 1942 года, а после Победы он еще два года служил в Германии. Брат за это время повидал многое, оставаться в колхозе не захотел и завербовался в геологическую партию. Мы же продолжали жить, как и раньше.

Иногда нам колхоз выдавал немного муки — столько, что я, заморыш, приносил ее на себе. Какой же вкусный хлеб пекла мать! Она за сутки до выпечки замешивала тесто на опаре и выдерживала, чтобы оно дошло. Ни в коем случае нельзя проквасить тесто. Русская печка протапливалась, угли сметались в загнетку, а под⁹ печи подметался от золы. Летом мать круглые булки пекла в печке на капустных листьях, а зимой просто сметала золу. Когда хлеб выпекался, то она вынимала его и складывала на специальную доску, сбрызгивала водой и закрывала полотенцем, чтобы дошел. Просыпался я утром от запаха свежего хлеба, даже голова кружилась. Или начинала мать печь блины в русской печке, а я спал на ней, теплой, всю ночь. Проснусь от запаха блинов и скажу:

— Мама, кинь мне блин.

Она заворачивала его конвертом и обмакивала в топленое масло, если оно было, — до чего же вкусно! Кажется, ничего вкуснее не было. Я ел блин, не слезая с печки, и жмурился от удовольствия. Иногда хотелось пирогов, но вот незадача: с чем их делать? Мука иногда все-таки была, но зимой начинку для пирогов делать не из чего. Летом же для начинки есть яйца и зелень. Мать пыталась чем-нибудь побаловать нас, вот и пекла пироги.

Поставит на стол и объявит:

— Пироги с молитвой.

Она просто посыпала солью внутреннюю часть пирогов и читала благодарственную молитву. Это была благодарность Богу за то, что сегодня у нас хотя бы есть мука.

Когда мне было лет девять или десять, случилось в нашей деревне большое горе. В предыдущее лето была засуха, зимой тоже выпало мало снега, и весной вода не наполнила малые озера. Коров начиная с марта кормили изрубленными и запаренными кипятком кочками. Вышли они с зимы ослабевшими и худыми. В малых озерах вода ушла, и на их месте осталась только грязь. В этой грязи и была угроза для нас, так как первая поросль выросла именно в ней. Зелеными кустиками вылез омик (вех ядовитый), а его яд был страшен. Коровы забрели в грязь Мохового озера и наелись ядовитой травы. А оттуда выбраться наши кормилицы уже не могли. Не плач, а бабий рев стоял в деревне. Тринадцать коров лежало в грязи. Когда обдирали шкуры, то обратили внимание, что мясо от костей отстало.

Воспоминания будут неполными, если ничего не сказать о зимних катаниях с горок. Маленькими мы катались на деревянных санках, а когда подросли, то

⁸ *Прясло* — изгородь из жердей.

⁹ *Под* — кирпичная гладкая выстилка или глиняная набойка внутри печи, куда кладутся дрова.

на самодельных лыжах. Нет такого крутого берега на Таре, с которого бы мы не катались на лыжах. Все свободное время было занято катанием с горок, и прогнать нас домой могла только ночь.

Летом же мы купались в Волосяном озере или на Таре. Когда я уходил купаться, то мать кричала вдогонку:

— Если утонешь, то лучше домой не приходи!

Сестра Мария смеялась над словами матери.

Плавать я научился в этом же озере. Уже не помню, кто из мужиков занес меня на глубину и отпустил. Мне ничего не оставалось, как бить руками и ногами, чтобы выбраться на мелкое место. Прodelав это несколько раз, он оставил меня в покое, но я уже почувствовал желание плавать и дальше учился сам.

Во время купания на Таре мы часто ловили стрижей. Вообще-то, это ласточка-береговушка, но у нас звали ее стрижом. Они рыли в обрывах речных берегов норы и там выводили птенцов. Мы подбирались к ним и доставали рукой красивых птиц. Причинять им вред у нас не было желания, просто поддержишь в руке и выпустишь на волю. В наших краях было несколько птиц, которых обижать считалось грешно. Среди них — лебедь, ласточка и стриж. А вот вороньи и сорочьи гнезда мы разоряли с удовольствием.

Ниже бывшей плотины, оставшейся от водяной мельницы, была песчаная коса. Накупавшись в речке, мы зарывались в горячий песок и грелись. У песчаной косы на дне речки был выход голубой глины, которую мы называли «камень» — за то, что глина по твердости отличалась от песчаного дна. Мы глиной мазали тело и с синей кожей валялись в песке. Только сейчас узнал, что процедура с синей глиной очень полезная.

Здесь же на песчаном дне ловили пескарей. Заходили в воду, а пескари сразу подплывали к ногам и покусывали кожу, даже щекотно было. Закинешь удочку, а пескари тут как тут — хватать червяка. Потом мать жарила пескарей с яйцами — вку-у-усно.

(Теперь песка на берегах Тары нет, все заилено, и вода стала коричневая. Была живая вода — стала мертвой. Как следствие, исчезли пескари. Они же не будут жить в грязной воде. Виновники этого — нефтяники. При бурении скважин в верховьях Тары они не думали о последствиях и тракторами наделали канав из болота до реки. Теперь вода не фильтруется через грунт, а идет прямо из торфяного болота в Тару.)

И все же наш дом был особенный...

Жили все очень бедно, и обычно избы на замки не запирали, да и нечего было воровать. Нищие, просящие милостыню, — нередкие гости в нашей деревне. Каждый год приходила немая старушка и показывала, как над ней издевались фашисты. После войны она приехала из западных областей, затронутых войной, и поселилась в деревне Платоновке. На родине женщина была связана с партизанами, и немцы ее поймали. Собирая милостыню, она показывала руками, как ее насиловали и заставляли заниматься оральным сексом. Напоследок ей вырезали язык. Возможно, она не хотела видеть место, где над ней издевались, или встречать взгляды свидетелей тех событий. Я не знаю, как она спаслась. Да и кто теперь знает?

Ходил по дворам и местный нищий Паша-Клин. Прозвище дали из-за формы головы. Летом у него проблем не было: каждый кустик ночевать пустит.

Зимой морозы, и он в своих лохмотьях очень сильно мерз. Вшей на нем было столько, что волосы шевелились.

Однажды в сильный мороз, за тридцать градусов, Паша-Клин зашел к нам. Жалобным голосом попросился переночевать:

— Тетечка, меня никто не пускает, а на улице мороз. Я же замерзну.

У порога на лавочке мама покормила его, чем могла. За стол посадить — бо- лась его вшей. Мы с большим трудом сами спасались от них. Помню, как мать, чуть не плача, говорила ему:

— Как же мне тебя пустить ночевать? Твои вши нас всех заедят.

— Тетечка, разреши мне переспать ночь на половичке у порога.

В избе постоянно топились буржуйка, а стояла она у входа. Мать постелила ему половик на лавочке около печки, и он с плачем и благодарностью улегся отдыхать. В ту ночь он не замерз. Следующий раз пришел Паша в субботу, а у нас был банный день. Мать разрешила ему помыться в бане, прожарила его лохмотья от вшей, и там он опять переночевал. От признательности он плакал. Паша приходил к маме, когда уже не было надежды выжить. Он всегда говорил:

— Тетечка, ты одна меня жалеешь.

Таких нищих было много, и почти в каждой деревне.

Я жил дома, а следующий по старшинству брат Николай учился в пятом классе и подавал большие надежды. Ему приходилось ходить в школу за двад- цать километров с пятого класса. Он в это время читал серьезные книги и взялся учить меня премудростям грамоты. Мне рассказывали, что брат еще до школы читал Жюль Верна. Позже учитель с семью классами говорил:

— Мне нечему учить вашего Колю.

С его помощью и я научился читать до школы. Мне покупали дешевые книжки, это были сказки «Конёк-Горбунок», «Серая Шейка», «Аленький цветочек» и даже «Руслан и Людмила». Мать была безграмотной женщиной, и откуда у нас был бюст Пушкина каслинского литья, я понять не могу. По- жалуй, мы были единственной семьей в деревне, где покупали книжки. Мать знала много сказок и разных историй из дореволюционной жизни, а как она интересно рассказывала их! В некоторых сказках встречалась и ненормативная лексика. Стоило матери начать рассказывать сказку, как я садился рядом и слушал, раскрыв рот. Николай тоже вспоминал о подобном. В Остячке была изба-читальня, но по малости лет я туда не ходил. И кто был избачом — не помню.

«Важнейшее для народа искусство», кино, хотя и редко, но привозили к нам. Приезжал в наши деревни биазинский киномеханик Козлов Молот — от- чество не помню. Кино было еще немым, и вспоминается только то, что дина- мо нанимали крутить какого-нибудь мужика за бесплатный просмотр фильма. Электричества у нас не было. Позднее в кинопередвижке появились движки Л-3 с генератором, но тогда уже было звуковое кино. Отдел культуры района иногда поручал киномеханику «давать концерт на злобу дня». Вспоминаются частушки в исполнении Молота, и вот одна из них:

То ли правда, то ли миф,
 Говорят, что Гитлер жив,
 Трумэнном работает.

Пока я был еще маленьким, меня водили в кино бесплатно, но с началом учебы надо было покупать билет. Денег не было, и я прятался где-нибудь во время проверки билетов. Однажды я спрятался за портретом одного из наших коммунистических вождей, почему-то снятым со стены и стоявшим на сцене. От зависти Федька Марунин донес, и Молот вывел меня из зала за уши. Маруня — мать Федьки, а их фамилию не помню. Немое кино показывали в конторе колхоза, потом в школе, и уже звуковое кино было в клубе.

Ургульская начальная школа находилась в крестовом доме моего деда Павла Алексеевича. Он отдал его под школу еще до коллективизации и благодаря этому избежал раскулачивания. Во дворе школы росла лиственница, стоит она до сих пор — такая же красавица, как была в пору моего детства, только школы больше нет. Теперь дети учатся в соседней деревне.

Голод сопровождал меня и в школе, да и не только меня. Однажды привезли жмых на колхозную ферму, а мы утащили его, сколько могли спрятать в карманы, и грызли молодыми зубами. Я от голода быстро объелся, и желудок отказался держать в себе тяжелую пищу. На уроке мне стало так плохо, что учительница отправила меня домой.

У нас часто останавливалось районное начальство на постоя — видимо, потому, что у Катерины — моей матери — были лучшие грузди в деревне. Еще она хранила баночку голубичного варенья для гостей, а нам не разрешала даже подходить к нему. Уполномоченные пили самогон и закусывали груздями, при этом шумно хвалили мать. Однажды я по детской глупости возьми да и ляпни вслух:

— Ленин, Троцкий и Колчак, чак-чак-чак, дай прикурить.

Так говорили потому, что не было спичек и пользовались кресалом. Мать от страха обомлела, но все обошлось — наверное, самогон сделал свое дело. Гнать самогон было запрещено законом, за это давали два года тюрьмы, но он был у всех и пили его все, от колхозника до начальника. Не избежала этого и моя мать. На нее кто-то донес, и к нам приехал участковый милиционер Обрезанов с понятными. Или потому, что мать имела две правительственные награды, или заступились постояльцы, но ей дали срок условно.

Невозможно обойти молчанием способность матери лечить детей. К ней часто приносили плачущих грудничков, хотя фельдшерский медпункт находился в Остячке. А фельдшером там работала мамина сноха, жена Матвея. Почему приносили маленьких детей к матери, а не к фельдшеру, я не знаю. Видимо, еще была большая вера в «сглаз».

Мать брала из загнетки¹⁰ уголь и клала в кружечку со святой водой, шептала молитву и, если ничего не чувствовала, говорила:

— Не моя больная, несите к фершалу.

Но если во время молитвы мать начинала зевать, то давала ребенку испить ложечку святой воды с плавающим угольком и опрыскивала ему лицо. Самое удивительное — дети быстро переставали плакать. Я не раз был тому свидетелем. Платы же никакой не брала и даже слышать об этом не хотела. Только говорила:

— Грех, Бог заберет дар обратно.

(Окончание следует.)

¹⁰ Загнетка — угол внутри русской печи с горячим углем под золой.

Татьяна ЧЕРНЯЕВА

ЗАБЫТЫЙ РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ

О собрании сочинений Георгия Гребенщикова

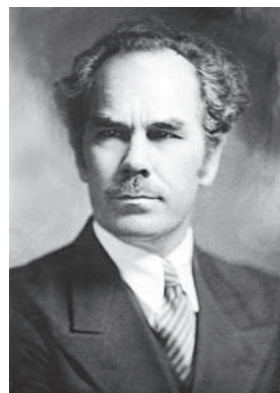
Гребенщиков Г. Д. Собрание сочинений в шести томах. — Управление Алтайского края по культуре и архивному делу; Государственный музей истории литературы, искусства и культуры Алтая. — Барнаул, 2013.

Имя прекрасного русского писателя Георгия Дмитриевича Гребенщикова мало о чем говорит современному читателю. К великому сожалению...

А когда-то, в начале двадцатого века, о его творчестве с восторгом отзывались Максим Горький, Владимир Короленко, Александр Куприн. Великий Фёдор Шалапин называл произведения Гребенщикова «золоторокотными сказаниями о нашей матери-России», а о романе «Чураевы» говорил: «Когда я читаю “Чураевых”, я горжусь, что я русский, и сожалею, что я не сибиряк».

Оказавшись в эмиграции, Георгий Дмитриевич продолжал жить Сибирью и мечтал, конечно, о том времени, когда его произведения вернутся на милую ему родину. Но возвращение это непростительно задержалось. Были отдельные публикации, книги, но лишь недавно в Барнауле вышло шеститомное собрание сочинений Г. Д. Гребенщикова. Впервые в России.

Событие для литературной жизни Сибири очень знаменательное. Большой вклад в издание шести томов Г. Д. Гребенщикова внесла Т. Г. Черняева, которая занималась составлением и подготовкой текста. В этом номере мы публикуем ее статью, посвященную творчеству замечательного писателя, а в следующих номерах еще не раз вернемся к творчеству и произведениям Г. Д. Гребенщикова.

Михаил Щукин

...Я признан почти всюду, но совершенно неизвестен на Родине только потому, что попал в волну, выплеснувшую меня за рубежи.

Г. Гребенщиков. Из письма К. М. Симонову от 22 мая 1946 г.

Более ста лет назад имя Георгия Гребенщикова было хорошо известно читающей публике Сибири. Его первые публикации в газетах совпали с событиями 1905—1907 гг., когда «даже в захолустье все закопошилось, всплыло и вынесло меня в ряды “корреспондентов”», — так он писал в автобиографическом письме критику Л. Н. Клейнборту,

изучавшему феномен «писателей-самоучек», «писателей из народа»¹. При поддержке высокообразованных семипалатинских интеллигентов и купцов-меценатов «Крестьянин Г-щ» (псевдоним Гребенщикова в газете «Семипалатинский листок») с невероятной настойчивостью

¹ Гребенщиков Г. Д. Собр. соч. в 6 тт. Т. 1. С. 559.

и незаурядным трудолюбием пробивался к заветной цели — стать писателем. «Я пишу быт, да, быт, но я напишу так, что интеллигенты будут читать»². Свои ранние, еще ученические произведения он посылал на суд драматургу Е. П. Карпову, А. М. Горькому, в апреле 1909 г. посетил Л. Н. Толстого в Ясной Поляне, получив от него благословение на занятия литературой. Познакомившись в Томске с Григорием Николаевичем Потаниным, Гребенщиков, наряду с журналистикой и писательством, занялся по совету «большого сибирского дедушки» изучением старообрядцев Южного Алтая.

Экспедиции в верховья рек Убы и Бухтармы для изучения быта и верований старообрядцев, выступления с лекциями о них по городам Сибири, публикации рассказов и очерков в сибирских газетах, успешная деятельность в качестве редактора газеты «Жизнь Алтая». сборники «В просторах Сибири», «Змей Горыныч», «Степь да небо», «Алтайский альманах», изданные в Петербурге, — все это было замечено столичными критиками социал-демократических убеждений. Так, М. Лиров в 1916 г. писал: «В произведениях Гребенщикова, например, мы чувствуем не только шорох новой социальной группы, но и трепет новой Сибири, желающей занять свое особое место в деле созидания русской культуры»³. Работу над задуманным в этнографической экспедиции романом «о крестьянах-сектантах на Алтае» («Чураевы») писатель решил закончить в Петрограде, приехав туда в ноябре 1915 г. Однако в феврале 1916 г., так и не завершив работу над романом, Гребенщиков отправляется в действующую армию как организатор санитарно-транспортных отрядов для помощи раненым и собственный корреспондент

² Гребенщиков Г. Д. Письмо А. Н. Белослюдову // Там же. С. 546.

³ Лиров М. Литературная новь // День. 1916. 15 мая. № 132.

московской газеты «Русские ведомости». На страницах газеты опубликован цикл «Странички военного быта» (19 очерков), несколько рассказов, набросков для будущих книг романа «Чураевы». Он также отсылал очерки в «Жизнь Алтая», в «Киевской мысли» печатался цикл очерков «Мимолетные безделицы», в котором Гребенщиков с горечью описывал солдатскую «демократию» и общий развал армии. В нелегких условиях походной жизни он продолжал работу над романом. В письме Г. Н. Потанину от 25 июля 1916 г. писал: «Ужасно будет обидно умереть, не написавши серьезной вещи, которая уже намечена, только не оформлена».

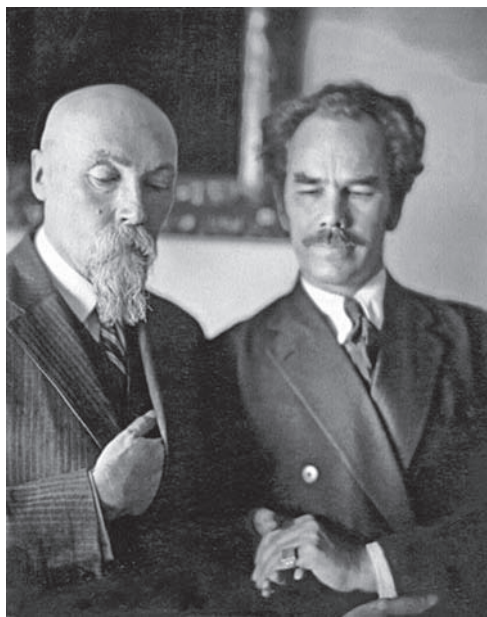
«Кошмарные события, которые принесли конец войны, анархия и гражданские войны»⁴, реальная опасность погибнуть от рук бывших подчиненных — не оставили Гребенщикоу выбора. Как уполномоченный Всероссийского Союза городов он закончил ликвидационные дела по санитарным учреждениям Юго-Западного фронта и вместе с волной беженцев уехал на юг России, вначале в Одессу, а затем в Крым. Здесь, в условиях сурового быта, Гребенщиков зарабатывает на жизнь извозом, печатается во всех крымских газетах, выступает на вечерах с чтением своих рассказов и отрывков из романа «Чураевы». В августе или сентябре 1920 г. (даты разнятся) — отъезд в Константинополь, в течение четырех месяцев ожидание французской визы, добывание средств к существованию «чернорабочим грузчиком», очерки о жизни русских беженцев, посылаемые в парижскую газету «Общее дело». В середине декабря на пароходе «Эдгар Кине», «в качестве секретаря» генерала А. С. Лукомского, Гребенщиков со своей второй женой Татьяной Денисовной отбывает в Париж...

⁴ Письмо А. М. Горькому 27 февр. 1918 г. // Гребенщиков Г. Д. Собр. соч. в 6 тт. Т. 3. С. 467.

Однако в нашу задачу не входит подробное описание второй половины жизни неутомимого сибиряка, ему еще в 1912 г. хотелось «бесконечно ехать по земле из края в край, от моря до моря и внимательно все осматривать, все понять и над всем задуматься». Во Франции Гребенщиков с женой прожили более трех лет, занимались строительством дачи для четы сибиряков Швецовых в местечке Лаванду, в качестве платы за свой труд получили небольшой участок земли. В эти годы в издательстве Я. Поволоцкого публиковалось первое собрание сочинений (из шести предполагавшихся томов вышло всего два — первый и пятый), первый том «Чураевых» («Братья») вышел в «Современных записках», наиболее влиятельном журнале русского зарубежья, создавалась «Былина о Микуле Буяновиче», труппа Московского Художественного театра, оказавшаяся на вынужденных гастролях за границей, сыграла подготовленный Гребенщиковым фрагмент «Сказки о кладах» из «Былины...».

Встреча в Париже с Николаем Константиновичем Рерихом в корне изменила судьбу Гребенщикова. В апреле 1924 г. чета Гребенщиковых, последовав совету Рериха и договорившись с ним о создании на паях книгоиздательства «Алатас», отплывает из Европы в Нью-Йорк.

В апреле 1925 г. Гребенщиковы поселились в штате Коннектикут, в русском поселке, впоследствии названном Чураевкой, где обосновалось несколько семей русских эмигрантов. В 1941 г. чета Гребенщиковых переехала в Лейкленд, штат Флорида. Здесь, в Южно-Флоридском колледже, Гребенщиков получил должность профессора русской литературы, а Татьяна Денисовна стала директором новой университетской типографии. Переезд стал необходим из-за невозможности существовать только за счет продажи книг, выпускавшихся издательством «Алатас». В одном из писем Гребенщи-

**Н. К. Рерих и Г. Д. Гребенщиков.
Нью-Йорк, 1929 г.**

ков с горечью писал о шаткой возможности вернуться в Чураевку: «Надеемся вернуться туда, как только старые долги по ней и книгопечатанию будут выплачены». К сожалению, эта надежда не сбылась. 11 января 1964 г., после длительной болезни, потери памяти и возможности говорить, Гребенщикова не стало, а через двадцать дней ушла из жизни и Татьяна Денисовна.

* * *

Оказавшись за пределами России, Гребенщиков не терял надежды возобновить контакты с родиной, следил за выходом в свет произведений советских писателей, не раз пытался наладить связи с журналом «Сибирские огни». В сентябре 1924 г. он обратился с письмом к одному из основателей журнала Валериану Правдухину, автору рецензии на первый том романа «Чураевы»⁵. Гребенщиков с осторожностью писал о возможности возвращения в Сибирь: «Очень, очень хочется мне быть понятым на родине как

⁵ Рецензия В. П. Правдухина опубликована: Сибирские огни. 1922. № 5. С. 122-183.

должно. Лишь тогда захочется вернуться и работать вместе с новыми и сильными людьми. Чужим возвращаться не желаю, рабом тем менее. Хотел бы видеть истинную широту и глубину работы сибирской интеллигенции, а не разухабистую «революционную» крикливость»⁶.

Однако в новой Сибири Гребенщикова не ждали. Фома Березовой (Ф. А. Березовский), снисходительно похвалив дореволюционный сборник «В просторах Сибири», резко отозвался о творчестве писателя за рубежом: «Ищу прежних, ярких, сочных красок и образов. Но тщетно. Не образы, а бледная немочь. Не яркие краски, а старческое худосочие, осенний листопад. Ни бодрости, ни веры, ни вдохновенного огня... Тупая тоска, непроходимая темь, сантиментализм, проповедь хулуиста и протокольный язык. Не стоит и читать слезливо-нудные реляции Гребенщикова. — В России Гребенщикова был «конь», а вот во Франции — изъездился. Конченный писатель». Рассказ «Путь человеческий», по мнению автора рецензии, надо было назвать: «Путь русской белогвардейщины»⁷. Имя Гребенщикова в последний раз мелькнуло в «Сибирских огнях» в 1927 г., в сокращенной до трех коротких абзацев заметке «Николай Рерих», с тремя черно-белыми репродукциями картин художника. Возможно, она была прислана в редакцию еще летом 1926 г., когда участники Центрально-Азиатской экспедиции Н. К. Рериха направлялись через Новосибирск, Барнаул и Бийск в село Верхний Уймон.

Несмотря на идеологические «заслоны», книги Гребенщикова удивительным образом все-таки попадали к советскому читателю. В книге «Гонец. Письма с Помпеяга» (1928) писатель сообщает учительнице Н. И. о книжных посылках, вернувшихся через несколько ме-

сяцев обратно в Америку: «И смешнее или трогательнее всего, что некоторые из книг зачитаны до дыр. Одна из них по какому-то чуду была в Ленинградской публичной библиотеке, потому что в ней оказалось два опросных бланка этой библиотеки. <...> Признаться, я не могу вам передать моего внутреннего торжества от сознания, что, как ни преследуют мои книги, они все-таки находят способы проникать даже в тюрьмы. Так, еще два года назад я получил письмо из тюрьмы города К., откуда какой-то аноним пишет мне (по адресу издательства), что не только узники, но и тюремное начальство прочло мою книгу. А из В-ской губернии я получил благодарственное письмо от ротного командира Красной армии. Оказывается, он прочел ту же книгу в рукописном экземпляре. Можете себе представить, что, как я понимаю, книга кем-то переписана и ходит по рукам, вероятно, только потому, что издана за границей по старой орфографии». В этой книге Гребенщикова предстает перед нами как проповедник оптимизма, стремящийся поддержать русских изгнанников в разных частях света и своих земляков на родине. Особенно сильное, неизгладимое впечатление производит его письмо «Как я научился оптимизму».

С тех пор прошло много лет. В начале 1960-х гг. известный исследователь сибирской литературы Николай Николаевич Яновский вступил в переписку с Татьяной Денисовной Гребенщиковой⁸. Из писем Т. Д. Гребенщиковой следует, что ей удалось переслать Н. Н. Яновскому фрагменты книги «Моя Сибирь», рецензии на ранние сборники Гребенщикова и статьи о нем в зарубежной прессе. Она сделала по его просьбе рукописные

⁶ См.: Собр. соч. в 6 тт. Т. 4. С. 468.

⁷ Сибирские огни. 1923. № 5—6. С. 254—255.

⁸ См.: Корниенко В. К. Георгий Гребенщикова — последние годы жизни (Из писем Т. Д. Гребенщиковой к Л. Ф. Магеровскому и Н. Н. Яновскому) // Культурное наследие Сибири: Сб. науч. ст. — Барнаул, 1994. С. 127—143. См. также: Гребенщикова Г. Д. Собр. соч. в 6 тт. Т. 6. С. 443—460.

копии писем М. Горького, И. А. Бунина, А. И. Куприна и др., обещала отправить в Новосибирск отгиски автобиографической повести «Егоркина жизнь» (полностью опубликована в Америке в 1966 г.), однако ей не удалось выполнить обещанного.

И только в 1982 г. Н. Н. Яновский подготовил сборник «Чураевы», изданный в Иркутске, в Восточно-Сибирском книжном издательстве, тиражом 100 000 экземпляров⁹. В него были включены первая книга романа «Чураевы» — «Братья», три повести и несколько рассказов, а также глава из повести «Егоркина жизнь» — «В лесах и на горах». В послесловии Н. Н. Яновский аккуратно высказался об «оторванности от истоков творчества» писателя в эмиграции и в то же время указал, что «все значительное и подлинно прекрасное в наследии русского писателя является частью нашего достояния». Кроме переиздания однотомника «Чураевы» в 1991 г., была осуществлена и публикация нескольких глав повести «Егоркина жизнь» в журнале «Сибирские огни» в 1984 г. (главы о крестьянском детстве)¹⁰. Так журнал «Сибирские огни» на разных этапах своей длительной истории, отражая колебания политического маятника, обозначил существование в русской литературе и литературе русского зарубежья писателя Георгия Гребенщикова.

В начале 1990-х гг. значительная часть архива Н. Н. Яновского была передана Государственному музею истории литературы, искусства и культуры Алтая. Тогда же по инициативе известного ученого Владимира Андреевича Росова, исследователя жизни и творчества Н. К. Рериха, на Алтай была доставлена из Музея Н. К. Рериха (Нью-Йорк)

⁹ Сборник был переиздан в 1991 г. в том же издательстве.

¹⁰ Гребенщиков Г. Егоркина жизнь: главы из повести / Публ., примеч. и послесловие Н. Н. Яновского // Сибирские огни. 1984. № 12.

часть оставшегося не разобранным обширного архива Гребенщикова. С тех пор архивный фонд писателя постоянно пополняется новыми поступлениями, с ним работают сибирские исследователи, значительная часть документов из этого фонда впервые опубликована в шеститомном собрании сочинений писателя.

Сбор материалов для первого в России собрания сочинений Гребенщикова занял несколько лет. Необходимо было найти прижизненные издания прозаических сборников 1910-х гг., которые, к счастью, сохранились в библиотеках Томска, Барнаула, Москвы и Петербурга. Подшивки газет с публикациями очерков Гребенщикова о службе на Юго-Западном фронте были без особых усилий найдены в Газетном зале Российской национальной библиотеки (Петербург). Письма, черновики, рукописи, относящиеся к пребыванию писателя в России, а также газетные вырезки из американских газет с его публикациями предоставил Российский государственный архив литературы и искусства (Москва), своеобразные «эпистолярные циклы» деятелям культуры Петербурга оказались в рукописном отделе Института русской литературы (Петербург), а также в Научной библиотеке Томского университета, Государственном архиве Усть-Каменогорска (Республика Казахстан). С разрешения первых публикаторов писем Гребенщикова М. Горькому (сотрудник ИМЛИ Л. В. Суматохина), И. А. Бунину, Н. К. и Е. И. Рерихам и др. корреспондентам (В. А. Росов, заведующий отделом наследия Рерихов в Музее Востока) наиболее важные и значимые для понимания личности писателя и его судьбы письма были опубликованы в нескольких томах собрания сочинений.

Своеобразной подготовкой к изданию собрания сочинений стали публикации в Барнауле и Бийске произведений и эпистолярного наследия Гребенщикова. Первой ласточкой стало издание в

2004 г. в серии «Библиотека журнала «Алтай»» автобиографической повести «Егоркина жизнь» и романа «Чураевы» в четырех книгах (2006, 2007). В четвертую книжку вошли также публицистическое повествование «Радонега», посвященное памяти Сергия Радонежского, статьи и воспоминания о Л. Н. Толстом, Ф. И. Шаляпине, С. Т. Коненкове и др.

В литературно-художественном, научном и историко-просветительском альманахе «Бийский вестник» были впервые опубликованы более 30 писем Гребенщикова к П. А. Казанскому, близкому другу и соратнику, письма театральному деятелю Е. П. Карпову, первые выступления Гребенщикова в «Семипалатинском листке» (1905). Также были изданы: сборник «В просторах Алтая», включающий этнографические очерки «Река Уба и убинские люди» (1912) и «Алтайская Русь» (1914), цикл очерков «По горам Алтая» (1915), две книжки «Сибирских рассказов и повестей» (1911—1919). Впервые стали доступны читателям более 130 писем Гребенщикова (1907—1917) из архивов Усть-Каменогорска, Томска, Петербурга и Москвы, вышедшие в двух книжках.

ГМИЛИКА совместно с учеными Алтайского государственного университета в 2002 г. издал книгу Гребенщикова «Моя Сибирь», а в 2008 г. выпустил в свет сборник «Георгий Гребенщиков. Из эпистолярного наследия (1924—1957)», составленный из писем самого писателя и его корреспондентов: конструктора И. И. Сикорского, великого князя Александра Романовича, генерала П. Н. Краснова и др.

Изданные малыми тиражами бийские и барнаульские издания стали первоосновой для подготовки будущего многотомного собрания сочинений Гребенщикова. Постоянно пополняемый новыми документами, фонд Гребенщикова в ГМИЛИКА дал возможность опубликовать более шестидесяти единиц хране-

ния: газетных очерков, машинописных текстов с авторской правкой, вышедшую в издательстве «Алатас» (1924) «Былину о Микуле Буяновиче», эпистолярный цикл «Гонец. Письма с Помпеярага» и др.

* * *

В конце 1980-х — начале 1990-х годов столичные и периферийные издательства России начали интенсивно выпускать произведения получивших известность задолго до революции 1917 г. русских писателей-эмигрантов: Д. С. Мережковского, Б. К. Зайцева, И. С. Шмелёва, А. М. Ремизова и многих других. Стало доступным для российского читателя и творчество русских авторов, состоявшихся за границей: В. В. Набокова, М. А. Осоргина, Марка Алданова, Гайто Газданова и др. Первые сборники произведений, оснащенные биографическими очерками и комментариями, предшествовали будущим собраниям сочинений.

Волна «возвращенной литературы» не коснулась творчества Гребенщикова. Сорок лет жизни в Америке, удаленность от русской культурной диаспоры в Европе, настигшая писателя тяжелая болезнь, инвалидность Татьяны Денисовны, отсутствие наследников, которые могли бы заняться разбором и систематизацией обширного архива, — эти обстоятельства на десятилетия задержали знакомство русских читателей с наследием Гребенщикова.

Издательская программа губернатора Алтайского края создала реальную перспективу для подготовки и издания собрания сочинений Гребенщикова на Алтае.

Традиционный подход к собранию сочинений, когда вначале в хронологическом порядке располагаются художественные произведения, затем — публицистика, очерки, статьи, воспоминания и, в завершение, письма разным адресатам, после некоторых сомнений

не был признан верным. Время для постепенного возвращения произведений Гребенщикова на родину, как это произошло с творчеством русских писателей-эмигрантов в начале 1990-х годов, было упущено.

В течение своей долгой жизни Гребенщиков занимался, кроме журналистики и литературы, физическим трудом, весьма часто в ущерб своим творческим замыслам. В одном из «Писем с Помпеярага» (1928) он сообщает «профессору N. N.»: «...Пишу вам на чурке в лесу, при свете и тепле костра. <...> Я пришел сейчас с работы — уже темно, на костре варится ужин, и при свете костра я спешу прочесть почту и ответить на срочные письма. Завтра утром, чуть солнышко взойдет, снова побегу на постройку: сами строим себе теплую избу, чтобы можно было здесь зазимовать». В письме от 15 ноября 1935 г. в Париж близкому другу Илье Григорьевичу Савченко Гребенщиков пишет о том же: «Работаем, как рабы, и все время ни на себя, ни перед собою. Прочел ряд лекций в Новой Англии (регион на северо-востоке США, на побережье Атлантического океана. — Т. Ч.), теперь собираюсь по всей Америке. Купили мы новый автомобиль, так как старый сделал 83 000 миль, а это 130 000 русских верст, в течение шести с половиной лет. <...> Только пойми, Чураевку построил на одну треть своими руками».

Необыкновенная судьба Гребенщикова, его незаурядная личность, наделенная поразительной целеустремленностью, способностью выстоять и в самых неблагоприятных исторических обстоятельствах, и в испытаниях суровым бытом, — все это подталкивало создателей собрания сочинений к неординарному композиционному решению. Был выбран интегрирующий принцип композиции каждого тома: в трех разделах представлены близкие по времени создания художественная проза и публицистика;

очерки, статьи, воспоминания; избранные письма.

Шесть томов собрания сочинений — это шесть этапов жизни Гребенщикова. В первом томе опубликованы ранние произведения и очерки сибирского периода (1911—1915); во второй том, наряду с лучшими сибирскими рассказами и повестями, включены впервые представленные во всей полноте очерки, написанные Гребенщиковым во время службы на Юго-Западном фронте (1916—1917). В третьем томе помещены рассказы и корреспонденции, созданные в Одессе и Ялте, Константинополе и Париже (1920—1924). Четвертый, пятый и шестой тома охватывают сорокалетний американский период жизни и творчества писателя (1924—1964).

Самое известное произведение Гребенщикова — это роман «Чураевы». Работа над «эпопеей», как называл сам писатель задуманную им серию из двенадцати романов, растянулась на несколько десятилетий. Первый том («Братья») был опубликован впервые в 1922 г. в Париже, последний, седьмой («Лобзание Змия»), вышел в свет в Америке в 1952 г. «Чураевы» стали своего рода визитной карточкой писателя, но одновременно — его тяжким, не выполненным до конца долгом. В обращении к читателям романа «Лобзание Змия» Гребенщиков с горечью признавался: «Можно было бы написать отдельный том о причинах столь медленного выпуска последующих томов эпопеи “Чураевы”, но что толку в многословном объяснении причин? Факт налицо, за эти долгие сроки я растерял своих читателей: одних уж нет, а те далече, а многие, самые верные и чуткие, трогательно ждавшие продолжения, просто устали ждать. И все-таки все еще идут запросы о последующих выпусках и законные упреки за их промедление. Не в оправдание, а для осведомления тех, кому это интересно, считаю своим долгом напомнить, что после выпуска шестого

тома эпопеи, вышедшего тринадцать лет тому назад, не только авторские планы и надежды подверглись изменениям и испытаниям, но и облик всего мира искажен и обезчеловечен...»

«Чураевыми» открывается раздел «Художественная проза» в пяти томах, начиная с первого. Таким расположением мы стремились символически отразить длительный процесс создания и публикации эпопеи. По сути, выстроив такую композицию, редактор-составитель выполнял авторскую волю. Трижды в обращениях к читателям «От издательства» или «Вместо предисловия» Гребенщикова настаивал на том, что все эти книги являются «самостоятельными романами», в то же время «представляющими собою одну структуру, как бы панораму событий, охватывающих период времени в сорок лет».

В завершающем собрании сочинений шестом томе весь раздел художественной прозы занимает автобиографическая повесть «Егоркина жизнь». Здесь же опубликованы воспоминания Гребенщикова о родине: «Минувшее проходит предо мною», «Во дворце Великого князя Владимира Александровича в Петербурге», «Я помню родные горы», «Я слышу голоса». Таким образом, жизненный круг писателя закончился — возвращением к истокам, к синим горам Алтая, мощным рекам, к песням отца и матери на покосе.

Замысел «крестьянской автобиографии» возник у Гребенщикова в 1910-х годах. В ноябре 1915 г., перед отъездом из Барнаула в Петроград, был напечатан в «Жизни Алтая» очерк «В детстве», впоследствии ставший четырнадцатой главой повести «В лесах и на горах». В 1940-х годах в Америке писатель упорно работал над «Егоркиной жизнью», отдельные главы публиковались в газете «Новое русское слово» (Нью-Йорк), а в начале 1950-х — в журнале «Жар-птица» (Сан-Франциско). Гребенщикова считал эту книгу своей «лебединой пес-

ней», однако ему не довелось дождаться ее выхода.

Впервые в собрании сочинений так широко представлены проза и публицистика Гребенщикова: семь законченных книг «Чураевых», «Былина о Микуле Буяновиче», эпистолярный цикл «Гонец. Письма с Помпеярага» и публицистическая книга «Радонега», посвященная памяти преподобного Сергия Радонежского. Не оставят равнодушным читателя его лучшие повести и рассказы, впервые опубликованные в Петербурге-Петрограде (1913—1917), в сборниках «В некотором царстве» (Париж, 1921) и «Путь человеческий» (Берлин, 1922). Один из рассказов — «Синяя птица» (1917) — о легендарном спектакле Московского Художественного театра — имеет биографическую основу. По воспоминаниям старшей внучки Гребенщикова, Маргариты Анатольевны, во время рождественских каникул 1916 г. в Москве произошла последняя встреча Гребенщикова с первой женой, Людмилой Николаевной, и сыном Анатолием. Облик отца хорошо запомнился Анатолию Георгиевичу: «Он был в офицерской форме начальника санитарного отряда при Союзе городов».

Главным критерием отбора произведений для собрания сочинений являлась художественная завершенность. Нам хотелось, чтобы читатель познакомился с лучшим из того, что было написано Гребенщико-вым. Но не всегда и не везде имелись у писателя комфортные или хотя бы сносные условия для занятий творчеством. В спешке, в необходимости постоянного физического труда для обустройства жизни ему не хватало времени для тщательной работы. За неимением в издательстве «Алатас» профессионального наборщика текст набирала на линотипе Татьяна Денисовна — с рукописи или машинописного источника с рукописными вставками. Книги плохо расходились по русской Америке. В письме своему близкому другу Илье Григорьевичу Сав-

ченко от 15 ноября 1935 г. Гребенщиков с горечью сообщал: «Если бы люди читали меня побольше, как было бы мне легче сразу, а то ведь и 12 000 первого тома за 12 лет не разошлось, а пятого — не больше 2000. Шестого тома будем печатать только 1500, и будет он продаваться пять лет. Ужас писать и самому издавать в такой пустыне». По сведениям В. А. Росова, за сорок лет существования издательство выпустило более пятидесяти книг и брошюр на русском и английском языках, что свидетельствует о неостребованности русских книг в Америке, о материальных трудностях, переживаемых двумя сотрудниками издательства — Георгием Дмитриевичем и его верной спутницей Татьяной Денисовной...

Во втором разделе каждого тома помещены очерки, статьи, воспоминания Гребенщикова. С очерков начиналась его профессиональная деятельность в газетах Омска, Томска, Барнаула. Поездки с лекциями о старообрядцах Убы и Бухтармы по сибирским городам, а летом в село Кольванский Завод на Алтае — отражались, как правило, в путевых очерках и очерковых циклах. Это была тренировка наблюдательности, школа мастерства, выработка индивидуального стиля.

Публикация в собрании сочинений более ста очерков Гребенщикова, созданных в первой половине XX в., чрезвычайно важна. Газетные листы почти столетней давности не вечны, а на страницах нашего издания они сохранятся для будущих читателей и исследователей. Наиболее интересны именно сейчас, в год столетия начала Первой мировой, очерки 1916—1918 гг., опубликованные в «Русских ведомостях» и «Киевской мысли». Очерки Гребенщикова содержат достоверную информацию об организации военного быта, способах транспортировки раненых, подтвержденную историческими комментариями. Но его — как писателя — интересуют главным образом люди на войне. Санитары, се-

стры милосердия, доктора, рядовые солдаты («нижние чины»), раненые офицеры, старики, дети и женщины, оставшиеся без крова, предстают перед нами как живые, увиденные пристальным сочувствующим взглядом. Повествование о персонажах очерков окрашено эмоциональным отношением автора. Называя в очерке «Ручеек журчащий» имя, отчество и фамилию умирающего солдата, его родное село, автор признается: «Больно сжималось сердце, и навертывались слезы от глубокой, бездонной тоски о том, что человек с такой неутоленной жаждой должен покинуть этот мир, с Антипом, с ручейком журчащим, может быть, давно знакомым и родным, с бесконечными неутоленными желаниями молодой кипучей жизни». Своих товарищей по службе: «ординарца Легкодымова и бравого георгиевского кавалера, фельдфебеля Александра Филипповича Медведева из Армавира» — он с любовью запечатлел в романе «Сто племен с Единым».

В очерках начала 1920-х годов, впервые опубликованных в парижской газете «Русское дело», прослежен путь русских беженцев из Севастополя в Константинополь, Бизерту и далее, если повезет, — в Европу. Они располагаются в третьем томе.

Большая серия очерков об Америке: о первых впечатлениях от Нью-Йорка, о выдающихся деятелях русского искусства, о полетах на гидроплане с авиаконструктором И. И. Сикорским и авиатором Б. В. Сергиевским, о поездках с лекциями для русских слушателей, затерянных на «просторах Америки», о красотах Аризоны и природных условиях Аляски, о встречах с рядовыми американцами и губернатором штата Флорида и т. п. — опубликована в четвертом и пятом томах. В пятом томе помещены также тексты лекций о Сибири, с которыми Гребенщиков выступал перед выходцами из России, Украины и славянских стран в поездках по Америке, — «Сибирь и ее

прошлое», «Страна великого будущего», а также две статьи — «О русской песне» и «Поклон родной земле».

Последний, шестой том возвращает читателя к сибирскому периоду жизни Гребенщикова — здесь опубликованы воспоминания о детстве и юности (повесть «Егоркина жизнь», «Минувшее проходит предо мною», «Я помню родные горы», «Я слышу голоса»), к его службе в санитарно-транспортных отрядах — в очерках о «походной страде», о «буднях военного быта» Первой мировой войны. В поток воспоминаний о далеком прошлом органично входит подведение итогов сорокалетней жизни в Америке. «Подорожная мозаика» — прощание с Чураевкой, отъезд во Флориду, где Гребенщиков стал преподавателем колледжа. Очерк «Толкай телегу к звездам!» — удивительный рассказ об отношениях с американскими студентами. Гребенщиков, не щадя сил, едва не потеряв зрение, учит студентов литературному творчеству, правит их рукописные тексты. Однако в письме И. Г. Савченко от 1 мая 1945 г. он признается: «За последние пять лет я сильно постарел. Не телом, но больше духом. Укротили бурку крутые горки. Пять лет профессорства в колледже выкачали из меня много сил. Отдаю этой молодежи все свое время и весь энтузиазм, а пользы не вижу. Не русская это молодежь, и войны и нужды они не знают. Но сам я многому научился».

Все без исключения художественные, публицистические, очерковые тексты и статьи сверены с прижизненными авторскими изданиями из фондов главных библиотек страны.

Третий раздел в каждом томе — «Избранные письма». Опубликовано более сорока писем Гребенщикова Г. Н. Потанину, П. А. Казанскому, А. М. Горькому, И. А. Бунину, А. Н. Белослюдову, Е. А. Ляцкому, Н. К. и Е. И. Рерихам, В. П. Правдухину, И. Г. Савченко, а

также письма Татьяны Денисовны Гребенщиковой исследователю сибирской литературы Н. Н. Яновскому и куратору Бахметьевского архива при Колумбийском университете Л. В. Магеровскому (май 1962 г. — ноябрь 1963 г.), проливающие свет на последние годы жизни писателя.

Письма — важнейший документальный источник для будущей научной биографии Гребенщикова, в то же время они дают представление о характере, настроениях и переживаниях автора, его уверенности и одновременно мучительных сомнениях в своем предназначении. Назовем три особенно важных письма: близкому другу юности Алексею Белослюдову (27 декабря 1911 г.), Г. Н. Потанину (6 апреля 1913 г.) и Е. А. Ляцкому (14 июня 1915 г.), помещенные в первом томе. Особый интерес вызовет у читателя письмо Гребенщикова Константину Михайловичу Симонову от 22 мая 1946 г. В это время К. М. Симонов находился в составе небольшой делегации советских писателей в Америке и должен был также побывать в Канаде. Это письмо хранилось в фонде К. М. Симонова в Российском государственном архиве литературы и искусства (Москва) и было опубликовано с разрешения наследников.

Особое место в нашем издании занимает последний раздел — «Примечания». Мы считаем важным сообщить читателям точные данные о первой публикации и месте хранения каждого текста. Главная цель этого раздела — дать толкования устаревших слов, сообщить краткие сведения об исторических событиях и лицах, о деятелях искусства, ученых, авторах цитируемых писателем стихотворений и т. п. Все, что написано Гребенщиковым за долгие годы творчества, охватывает первую половину XX в. Быт сибирских крестьян, суровый уклад жизни старообрядцев в горах Алтая, тяжелый труд санитарно-транспортных отрядов Первой мировой войны, Прованс

и Париж, поездки по Америке в 1930-х годах, деятельность Гребенщикова как преподавателя Южно-Флоридского колледжа в 1940-х годах — все это и многое другое могло бы остаться непонятным читателю XXI в. Кропотливая эвристическая работа над примечаниями дала нам возможность оценить, насколько точен Гребенщиков в деталях, в исторических датах или в описании военных событий, которые он внимательно изучал по воспоминаниям их участников. В каждом новом тексте — будь то статья, очерк или фрагмент романа — ощутима ответственность автора, стремление сообщить читателю достоверную информацию о фактах и событиях. Над примечаниями трудились В. К. Корниенко (первый том), Л. И. Ермакова и Т. Г. Черняева. Большую помощь в подготовке текстов к печати оказала Е. Б. Семьянова.

Новые смыслы художественным произведениям, очеркам, статьям и письмам Гребенщикова придает графическое оформление художника Аркадия Викторовича Казанцева. Тонкое, изящное и лаконичное перо А. В. Казанцева воплощает слово писателя в зримых художественных портретах Фирса Чураева, главной героини повести «Любава», иртышских казаков, создает летний пейзаж Прованса на закате или необычайный для Америки обильный глубокий снег, напомнивший писателю снежные заносы раннего детства.

Особо хочется сказать об искусстве оформления форзацев каждого тома. Художник выстроил изобразительный ряд (фрагменты экспозиции ГМИИКА, фотографии и т. д.) на фоне карты двух полушарий, обозначив жизнь писателя как путешествие в пространстве и во времени. Читатель имеет возможность увидеть на форзацах фотографии, запечатлевшие Гребенщикова в разные периоды жизненного путешествия. Прямые

потомки Гребенщикова, а также потомки его старшей сестры, живущие в Петербурге, прислали фотографии родителей писателя, относящиеся к началу XX в. В последнем томе на форзацах изображены ныне живущие дочери Анатолия Георгиевича Гребенщикова — Маргарита Анатольевна и Людмила Анатольевна, а также правнуки и праправнуки Г. Д. Гребенщикова. Род Гребенщикова не исчез, не затерялся в истории, его потомки хранят память о нем, и наше собрание сочинений было воспринято ими как подарок судьбы. Об этом с благодарностью написала правнучка Гребенщикова Ирина Аркадьевна Скоробогатова: «В душе мы многие годы надеялись, что это когда-нибудь все-таки произойдет. Хотя в годы советской эпохи верилось в такое с трудом. Маргарита и Людмила Анатольевны, родные внучки писателя, имея уже достаточно преклонный возраст, уже и не надеялись дожить до такого счастья!»

В России до сих пор не сложились условия для подготовки полного собрания сочинений нашего земляка. Оставшаяся в Америке значительная часть архива писателя, годовые комплекты американских и европейских газет и журналов на русском языке, в которых печатался Гребенщиков, по объективным причинам недоступны на Алтае. Однако ждать было нельзя: с каждым пропущенным годом Гребенщиков все более отдалялся от нас и мог остаться непрочитанным писателем, окруженным мифами.

И хотя наше собрание сочинений не претендует на полноту, оно дает возможность поклонникам таланта нашего земляка познакомиться с его главными произведениями, с письмами, в которых так ярко отразился его стойкий характер, поистине неиссякаемый оптимизм, прошедшая через всю жизнь любовь к своей родине — Сибири.

Любовь БОЙКО

ПАНТЕЛЕЙМОН КАЗАРИНОВ — ЭНТУЗИАСТ СИБИРЕВЕДЕНИЯ

Новосибирская государственная областная научная библиотека в 2014 г. отпраздновала 85-летие. А 22 августа текущего года коллектив библиотеки отметит 130-летие со дня рождения ее первого директора Пантелеймона Константиновича Казаринова. Следует отметить, что у истоков становления библиотек в нашей области, как правило, стояли неординарные люди. Пантелеймон Константинович выделялся и среди них: дипломированный юрист, ученый-краевед, известный библиограф... Во многом благодаря продуктивной деятельности Пантелеймона Константиновича на первом этапе становления библиотеки она стала авторитетным книгохранилищем, одним из крупнейших в Сибири.

П. К. Казаринов.
1920-е годы

Штат библиотеки в период ее основания был невелик, поэтому многое директору приходилось делать своими руками: вымерять помещение, создавать чертежи столов для читателей, размещать книги. Энергично занимался П. К. Казаринов комплектованием фондов. По его запросам крупнейшие библиотеки страны присылали тысячи книг из своих обменных фондов.

Но главное место в его творчестве занимали вопросы краеведческой библиографии. «Сибирская библиография — мать сибирского краеведения», — писал он. В 1932 г. под его руководством началась подготовка ежегодника «Литература о Западной Сибири». Эта работа имела огромное значение для становления справочного аппарата библиотеки.

Сегодня без преувеличения можно сказать, что П. К. Казаринов заложил фундамент современной Новосибирской областной научной библиотеки.

В данную работу мы включили краткую биографическую справку П. К. Казаринова, отрывки из архивных документов и воспоминаний родственников и близко знавших его людей.

Страницы биографии П. К. Казаринова

Пантелеймон Константинович Казаринов родился в Иркутске 22 августа 1885 г. Его отец, потомственный сибирский купец Константин Дмитриевич Казаринов (1840 — 1911), и мать Саламатова Варвара Фёдоровна (1848 — 1930) имели шестнадцать детей, одиннадцать из них умерли в детстве, брат Василий и сестра Евфалия погибли в годы Великой Отечественной войны. Сестра Елена сроднила две семьи исследователей и кра-

еведов, выйдя замуж за Николая Фёдоровича Турунова. Умерла Елена в 1965 г. в возрасте 99 лет.

Пантелеймон Константинович учился в духовной семинарии, но за участие в революционном движении 1905 г. был из нее исключен. Через год поступил на юридический факультет Казанского университета, затем перевелся в Петербургский университет. После его окончания в 1910 г. П. К. Казаринов вернулся на

родину, служил в канцелярии губернского суда, некоторое время исполнял обязанности мирового судьи в с. Усолъе.

С 1916 г. Пантелеймон Константинович начал работать в области краеведения, библиотечного дела и библиографии. После Октябрьской революции он — юрисконсульт союза кооператоров Бурят-Монгольской автономной области.

С 1918 г. читал курсы и лекции о библиотечном деле и библиографии, правовой охране книги, основных задачах сибиреведения в различных организациях Иркутска, участвовал в обследовании сибирских архивов, изучал обычное право коренного населения Забайкалья. В эти же годы он преподавал книговедение, библиотековедение и библиографию в Иркутском университете, руководил кружком «Друзья книги» при педагогическом факультете, где выступал с докладами и обзорами книговедческой литературы.

Осенью 1920 г. Пантелеймон Константинович был назначен заведующим библиотечной секцией Иркутского губоно. Состоял членом совета Иркутской публичной библиотеки, был избран членом центрального бюро краеведения при Наркомпросе. П. К. Казаринов участвовал с докладами в работе 1-го Восточно-Сибирского краеведческого съезда (Иркутск, 1925) и 1-го Сибирского краеведческого научно-исследовательского съезда (Новосибирск, 1926).

Многообразная деятельность П.К. Казаринова была тесно связана с Восточно-Сибирским отделом Русского географического общества (ВСОРГО) — старейшей научной ассоциацией Сибири, с середины XIX в. систематически занимавшейся изучением края. Первая мировая война, революция прервали деятельность организации. В этой сложной обстановке в 1922 г. Пантелеймон Константинович возглавил ВСОРГО. За пять лет пребывания его на посту председателя было осуществлено коренное преобразование отдела: преодолена разобщенность, бесплановость, академическая узость исследований, научные поиски увязывались

с экономическими и культурными потребностями края. Возобновилась и приобрела широкий размах издательская деятельность отдела: с 1922 г. выходил «Этнографический бюллетень», с 1923 г. — журнал «Сибирская живая старина»; в 1924 г. началось издание неперIODической «Библиотеки собирателя» и др. К концу 20-х годов ВСОРГО превратился в научно-исследовательское объединение, занимавшее видное место в ряду других краеведческих организаций страны.

Когда руководящие органы Сибирского края приняли решение о подготовке Сибирской советской энциклопедии, П. К. Казаринов был приглашен ученым секретарем ее редакции. В начале 1927 г. он переехал в Новосибирск. Здесь он стал представителем ВСОРГО в центральном бюро краеведения при АН СССР. В апреле 1927 г. Казаринов был утвержден в должности ученого секретаря редакции Сибирской советской энциклопедии. В 1927—1933 гг. он являлся основным организатором редакторской работы и внутреннего механизма функционирования редколлегии ССЭ. При его участии решались важные теоретические и практические вопросы: разрабатывалась методика составления словников и проект инструкции для их авторов, подбирались авторский коллектив и т. д.

Коллектив ученых-краеведов трудился самоотверженно. И через два с половиной года, 14 сентября 1929 г., вышли пробные экземпляры первого тома. В марте 1931 г. вышел второй том энциклопедии, а в апреле 1933 г. — третий.

Пантелеймон Константинович написал для энциклопедии большое количество статей. «До последних дней своей работы в редакции П. К. Казаринов, талантливый библиограф и этнограф, был душою дела и вынес все превратности редакционной работы», — писал книговед С. Г. Лифшиц.

Результат самоотверженного труда многих ученых-краеведов, Сибирская советская энциклопедия явилась показа-

**П. К. Казаринов — ученый секретарь ССЭ.
1931 г.**

телем зрелости сибиреведения, стала фундаментальным справочником, сохраняющим свое значение и в наши дни. К сожалению, увидеть третий том этой работы П. К. Казаринову уже не удалось.

В 1924—1930 гг. в Новосибирске активно действовало Общество изучения Сибири и ее производительных сил. П. К. Казаринов играл в его жизни заметную роль, состоял членом совета. Вместе с ученым секретарем Общества, директором Сибирской книжной палаты Н. А. Ауэрбахом он подготовил систематический указатель «Местная печать Сибирского края в 1927 г.».

В 1929 г. Пантелеймон Константинович был назначен директором краевой научной библиотеки, созданной на базе библиотеки Общества изучения Сибири. Став директором библиотеки, Казаринов получил реальную возможность приступить к осуществлению программы развития краеведческой библиографии. В 1932 г. под его руководством началась подготовка ежегодника «Литература о Западной Сибири».

21 января 1933 г. П. К. Казаринов был арестован по ложному обвинению в «подготовке к отторжению Сибири».

Больше шести месяцев шло «следствие», и все это время Казаринов находился во внутренней тюрьме ОГПУ на Коммунистической улице. 5 августа 1933 г. коллегия ОГПУ вынесла ему приговор по ст. 58-2 УК РСФСР: лишить свободы на 10 лет и заключить в исправительно-трудовой лагерь, после чего он был отправлен на Соловки. В 1933 г. его детей — Владимира и Евгения — отчислили из Томского индустриального института, где они учились. Основание — социальное происхождение. Вернувшись домой, отца они уже не застали.

Как только семья Казариновых узнала о местонахождении Пантелеймона Константиновича, его жена Анна Фоминична начала хлопоты о получении разрешения на свидание с мужем. Она приехала в Москву к А. Н. Турунову¹, который посоветовал ей обратиться к жене М. Горького Е. П. Пешковой (она была в то время председателем общества помощи политическим заключенным). Встреча состоялась. Пешкова посодействовала в получении пропуска на Соловки и разрешения на личное свидание на 10 дней.

С 22 сентября по 2 октября 1934 г. Анна Фоминична прожила на Поповом острове. Муж рассказал ей, как он живет и работает в Соловецкой библиотеке. Это было счастьем, что он по слабости здоровья попал туда. В библиотеке имелись интересные старинные книги по всем отраслям знаний, современная литература, газеты и журналы. В ней Казаринов проработал два года и два месяца. Остальное время был сторожем, подсобным рабочим, дворником.

На Соловках Казаринов работал над переводом на русский язык карело-финского эпоса «Калевала». 15 мая 1935 г. он сообщил в письме к семье, что закончил работу и передал ее в монастырский музей. Он составил также большой путеводитель по Соловецкому архипелагу, которым и в настоящее время пользуются ученые. Иногда ему удавалось рисовать,

¹ Анатолий Николаевич Турунов — историк, краевед, искусствовед.

это было большой радостью — отдаться на досуге любимому занятию. Соловецкой библиотеке он оставил несколько рисунков карандашом.

В редких письмах к родным Пантелеймон Константинович просил присылать ему фотографии, которые согревали его душу в тяжелом одиночестве.

«Милые мои! К майским праздникам Вы сделали мне бесценный подарок — прислали фотокарточку. Бесконечно вам благодарен за нее... На меня взглянули мои родные лица, мои возмужалые дети... Нюта плохо выглядит, по обыкновению полна забот».

Последнее 36-е письмо было от 8 ноября 1936 г. Переписка оборвалась.

Долгие годы семья ничего не знала о нем. И только в августе 1958 г., после многочисленных прошений Анны Фоминичны в различные правительственные инстанции, была получена справка Военной коллегии Верховного суда Союза ССР, в которой сообщалось: «Дело по обвинению Казаринова Пантелеймона Константиновича, работавшего до ареста (21 января 1933 г.) научным сотрудником института краеведения и ученым секретарем Сиб. энциклопедии в г. Новосибирске, пересмотрено коллегией Верховного суда СССР 29 июля 1958 г. Постановление от 5 августа 1933 г. в отношении Казаринова П. К. отменено, и дело за отсутствием состава преступления прекращено. Казаринов П. К. по данному делу реабилитирован».

А в конце 1958 г. было получено свидетельство о смерти № 079938 из Ленинского отдела ЗАГСа г. Ленинграда, в ко-

тором указано, что Казаринов П. К. умер 27 октября 1939 г. в возрасте 54 лет.

Анна Фоминична умерла в 1958 году, уверовав в правдивость документа. В этом же убеждении скончались позднее и ее сыновья Владимир и Евгений.

В дальнейшем Виктору Владимировичу Казаринову удалось получить новые данные о судьбе деда. В документах архива Архангельского КГБ обнаружено Постановление особой тройки УНКВД от 9 октября 1937 г., по которому он приговорен к расстрелу. Документ этот находится в Соловецком музее, копию его А. Л. Мельник, зав. сектором архитектуры и искусства Соловецкого музея, прислала Варваре Пантелеймоновне Казариновой в марте 1990 г.

В числе 1100 заключенных П. К. Казаринов был вывезен на барже. Ее планировалось затопить вместе с заключенными. Но по неизвестной причине план этот не был осуществлен, и П. К. Казаринов был расстрелян 27 октября 1937 г. в урочище Сандромах Медвежьегорского района Карельской АССР. В какой из общих могил находится его тело, мы теперь уже не узнаем.

Так трагично закончилась судьба научного и общественного деятеля Пантелеймона Константиновича Казаринова, связанного со становлением Новосибирской областной (в то время Сибирской краевой) библиотеки и развитием библиографии Сибири.

У П. К. Казаринова было трое детей: дочь Варвара и два сына, Владимир и Евгений.

Письмо П. К. Казаринова с о. Соловки к домашним (сразу после отъезда А. Ф. Казариновой с о. Соловки)

6.10.1934 г.

Мои любимые.

Пишу вам на третий день по возвращении на остров со свидания. Воображаю, как вы удивитесь, получив телеграмму Нюты об ее выезде ко мне.

2.10.34 утром мы расстались. День я провел в известной Нюте комнатуш-

ке, дул ветер, на море шторм. По случаю шторма, ушедший при Нюте пароход вернулся с дороги и вернулся тот молодой человек, который имел свидание на 7 часов.

Выехал я пароходом утром 2-го и со мной ехал снова этот же молодой человек. В 12 часов дня я был на месте.

Сразу же я возвратился на работу в библиотеке. Желание включиться в эту работу заставило меня отказаться от необходимости в данное время продолжать лазаретное лечение. Эти дни я снова в шуме и сутолоке библиотечной работы. Сразу же хотелось по слову, данному Нюту, написать Вам, но не было до этой минуты ни малейшей возможности.

Сейчас вечером мне сказали, что на мое имя есть письмо от кого-то из вас, но получить было уже поздно. Отвечу на него следующим письмом.

Нюту я нашел до предела допустимого исхудавшей. Очень этим я расстроился и опечален. Порадовало меня в то же время то обстоятельство, что в ней такая масса энергии и настойчивости, которая не соответствует ее физическому состоянию.

Это меня очень ободрило и я уехал со свидания со значительной разрядкой. Морально она на меня очень хорошо подействовала.

Приехав, я сразу же получил посылку, присланную из Москвы. В ней оказалось

все перечисленное во вложенном списке. Все сохранилось. Калачик колбасы сверху заплесневел, но, удалив кожуру, я его употребил в пищу. Я очень просил Нюту отказаться от намерения продолжать снабжать меня посылками, но она и слушать не хотела. Я бессильно заплакал. Воздействуйте на нее вы. Сынки и Варюша: совершенно излишне слать провизию. Здесь в Соловках далеко лучше чем на материке в обстановке нашего свидания. Прислать я попрошу только очки и вышлю на них рецепт.

Книгу получил тогда же и привез ее с собой.

Мама расскажет все вам — и Варе, и сынкам и Танюше — о том, как мне было дорого и приятно услышать из ее уст о вашей жизни, и о том, что вы любите и ждете меня.

Пока кончаю. Скоро напишу вам опять письмо.

Мой крепкий поцелуй передайте Фале и Толе.

Ваш.

Из письма Анны Фоминичны к сыну Владимиру о ее свидании с мужем на о. Соловки

Ровно через год (взят он был в 1933 году), в 1934 году 22 сентября я имела свидание. Ты тогда жил в Томске. И конечно, я поехала на твои деньги. Хлопотала долго, с мая месяца, и мне все говорили, что ничего не выйдет, что на Соловки свидания никому не дают, да еще через год.

Но у меня, сыночек, в то время было много энергии, силы и желания, во что бы то ни стало, поехать.

Я поехала в Москву и стала хлопотать, и куда только не обращалась.

И вот Толя (Анатолий Николаевич Турунов. — Прим. Н. В. Казариновой) направил меня к Пешковой Е. П., жене Горького. Она была председателем о-ва помощи политзаключенным (Кузнецкий мост, № забыла). У Толи в канцелярии были знакомые девушки. Они помогли мне получить личное свидание с ней.

Я в то время была настолько худая, одна кожа да кости, и когда нужно было войти к ней, я сильно плакала, глаза были как у коровы. Я была очень страшная. Ей, очевидно, жаль меня стало, а у них тогда только что умер сын и она сама была очень больна нервами. Она сразу меня усадила и все почему-то гладила мне руку.

Я говорила ей, что Поня там очень много и хорошо работает, что имеет благодарности и т. д. Она помню, улыбнулась и сказала: «Они, милая, все там имеют благодарности». Она долго говорила со мной, и я стала ждать, что она мне скажет.

Но она мне сказала: «Я ничем не могу помочь Вам, туда свиданий не дают, они считаются «запретниками».

У меня сдавило горло, я встала и хотела идти, но вдруг она меня остановила — «Подождите, идите и напишите заявле-

ние о разрешении свидания. Может быть, что-нибудь сделаем».

Я выбежала в канцелярию, а барышни эти меня уже ждали. Они очень обрадовались, стали мне говорить, что теперь будет все хорошо. Приходите дня через два. Пришла. Мне дали бумажку за подписью Пешковой, что мне разрешено свидание с мужем, личное, на 10 дней.

Мы с Толей от радости плясали в комнате. Я пошла с этой бумажкой в бюро пропусков, как мне сказали. Подала. Из окошечка высунулось лицо, злое, с большими глазами и рявкнуло: «Вы что с неба слетели. Кто Вам сказал, что Вам дадут свидание? Возьмите Вашу бумажку и больше сюда не ходите».

Я помню в ужасном состоянии, пошла обратно в отдел, он тут же, рядом. И вот рассказала все, девушки удивились.

Дождалась я Пешкову. Рассказала, она милая такая — «Ничего. Ничего, они еще не получили извещения и удивлены, кто мог дать это разрешение». А она делала все через Горького. «Вот через два дня пойдете туда».

Я кое-как дождалась. Пошла опять. И вот опять это лицо и уже с таким криком: «Я Вам сказал, чтобы Вы не смели больше ходить сюда. Я Вас арестую. Мы туда свиданий не давали, и не будем давать».

Пошла снова в отдел. Пешкова была там, взяла бумажку и уже написала так: «Ввиду исключения дано свидание на 10 дней». Девушки говорят мне: «Вы уже пойдете туда дня через три». Жду. Им дала телефон Мани (родная сестра Анны Фоминичны. — *Прим. Н. В. Казариновой*), у Толи тогда телефона не было.

И вот сижу, жду звонка. Через два дня звонок, чтоб немедля пришла в отдел, что мое дело хорошо и чтобы я не волновалась.

Я скорей поехала и вот получила эту бумажку. Боюсь подходить к окну, а он высунулся и очень любезно говорит: «А, Казаринова! Ну, вот Вам разрешено свидание на 10 дней, личное. Вот поедете сейчас в Медвежью гору, там Вас встретит муж».

Толя поехал меня провожать, и мы чуть не опоздали к поезду. Толя остано-

вил грузовую машину, взвалил мои вещи и когда мы подъехали, был уже 2-ой звонок. Я вскочила, а Толя бегом потащил мои вещи и бросил их мне в окно. Милый, дорогой Толя.

Я поехала в тяжелый неизвестный мне путь. Денег у меня было мало, одежда была плохая, даже на ногах были легкие тапочки. А был уже сентябрь.

Я везла много продуктов Поне. Толя с Таней (Татьяна Осиповна — жена Толи. — *Прим. Н. В. Казариновой*) много посылали всего, всего.

Я все это берегла, боялась, чтоб при переноске что-нибудь не вытащили.

Приехала я в Медвежью Гору, маленький вокзал, кругом военные. Я с грузом не знаю куда приткнуться. Смотрю по сторонам, ищу Поню. Но конечно, это был обман. Его не было. Нужно было сдать все вещи на хранение. Сама я пошла искать, где мне побыть. Меня там продержали 5 дней, пока наводили справки в Москве. Я жила на частной квартире у карелов. Они очень хорошо ко мне относились и не взяли с меня денег. Обедала я в столовой. Мне дали туда талоны. Там же обедали все заключенные. Эта была столовая лагерей.

Помню один случай: один молодой парень, видя, что у меня ничего нет, принес чашку глиняную щей и две ложки, кусок хлеба и предложил с ним поесть.

Так мне не хотелось есть, но отказать ему было нельзя, и я ела с ним. С каким сердечием все там относились ко мне, когда узнали, что я из Сибири приехала на свидание с мужем. Каждый старался чем-нибудь помочь мне, и я сама чувствовала к ним что-то родное.

В Медвежьей горе было много приключений, неприятностей, но было много хорошего среди всех этих, в то время близких мне людей.

Так я прожила в Медвежьей Горе 5 дней, пока наводили справки в Москве, думали, что я авантюристка, настолько невероятно было получить туда свидание.

Наконец я двинулась дальше, в г. Кемь на берегу Белого моря. Этот город

был построен при Петре I. Я приехала туда в 6 утра. Опять остановка, сдала вещи на хранение, а сама пошла в город, версты полторы по широкому шоссе. Погода была чудесная. Я спросила, как мне найти управление. Называлось оно сокращенно УРУ и мне сказали, а там только один каменный дом — это управление, Вы в него прямо и упретесь. И действительно я его еще издали увидела. Было мне рано, и я села на крыльце ждать, когда можно будет войти. Напротив как раз старенькая церковь. Ступеньки заросли мхом. И вот вижу, идет монах, старый-старый, весь согнулся. Волосы белые, несколько прядок, лицо желтое, как скелет. И вот он дошел и стал молиться. Это старый Соловецкий монах.

Потом открылись двери, стали собираться служащие, все заключенные, вешали номерки.

Я очень долго сидела, поесть-то ничего не взяла. Ну, потом пришел начальник, долго меня не звал, такой толстый. Потом, наконец, позвали, я еле уже держалась на ногах, ночь-то всю не спала.

Опять начался допрос, как да что. Они уже переговарили с Медвежьей Горой. Продержали меня сутки. Спать не пришлось, так как меня поместили в сторожку к сторожу. И вот, наконец, на другой день к вечеру, я уехала по ветке на Попов остров, это всего минут 15—20 езды. Это конечный пункт. Тут мне сказали, что меня встретит муж.

Взяли мои вещи и потащили в какую-то избушку. «Экзекуция». Отсюда один из них стал звонить по телефону кому-то: «Слушай, тут приехала женка Казаринова с Соловков на свидание. Ну, у ней тут барахла много, пусть он выйдет ее встретить». Ему там что-то ответили. Он говорит: «А вот что... Ну, ладно мы дотащим до комендатуры». И говорят мне: «Так он у тебя за проволокой, идти-то ему нельзя». Я еще ничего не поняла, да как за проволокой? Что это значит?

«Да сидит он в изоляторе за проволокой, вот когда приедешь, его приведут».

Ну, вот дотащились мы до комендатуры, это было уже 11 часов вечера. Села

я, обложилась вещами и сижу: ни жива, ни мертва. А комендант подходит ко мне и говорит: «Вы берегите вещи, как бы урки чего не утащили». Я думала, что это зверьки какие и еще больше испугалась, а это урками зовут уголовных.

Комната, где мы прожили 10 дней, представляла собой тюремную камеру с решеткой в окне, с земляным полом и одной наргой. До нас в этой комнате жили цыганские жены, так же приехавшие на свидание с мужьями. Их выселили и нас поместили на их место.

Когда эти цыганки вышли, то накинулись на меня, всячески ругая и грозя кулаками. Пришедший комендант взял мои вещи и провел меня в отведенную нам комнату, где мы и встретились с Поней.

Поня долго целовал мне руки, лицо. Оба мы плакали, и первое, что он спросил — живы ли мы все?

Наша камера была загорожена тонкими досками со щелями в палец, и за стеной помещалась комендатура, так что каждое слово было слышно. Нас, конечно, нарочно тут поместили. Они все были очень вежливы со мной, никаких грубостей я не слышала. Но из заключенных были очень подлые и старались со мной быть грубыми.

Поня имел право выхода только в пределах изолятора, а я, когда хотела — по всему острову. Но такая тоскливая, скучная картина этого острова, что и идти не хотелось, да и от Пони, хотя бы на четверть часа не хотелось отлучаться.

О чем, о чем мы только не переговарили: Поня дал мне наказ, что я должна была говорить верховному прокурору, если получу с ним свидание, на что мы мало надеялись.

Но в то время, Володенька, я была вся полна такой громадной энергии, что решила, что получу свидание. И вот я учила наизусть все, что говорил Поня, а потом записала все на бумажку, которую положила за лифчик. Но когда меня обыскивали перед отъездом, то взяли ее, ни слова мне не сказав.

И хотя там были самые невинные вопросы, но я мучилась всю дорогу —

не будет ли Поне чего за это. Все эти 10 дней я с замиранием сердца ждала дня, когда придется расплачиваться. Это было 2.10.1934 г.

Утром рано, в 6 часов, еще не совсем рассвело, я завязала свои вещи в узел (чемодан я оставила Поне) и один из заключенных пошел меня провожать и понес мой узел. Я много раз возвращалась и опять целовала Поню, а он стоял такой скучный и смотрел мне в след.

Провожатый был из подлых и всю дорогу страдал меня, что Поню оставят на Поповом острове, а Поня этого очень боялся. И вот когда я с 6 утра и до вечера просидела в грязной тесной комнатушке вокзала, пришел поезд, на котором я должна была ехать дальше в Кемь.

И вот я увидела начальника лагерей. Я сразу бросилась к нему и вся в слезах стала его просить отправить Поню обратно в Соловки, не оставляя его на острове и от-

дать ему книгу, которую он у меня отобрал. И он обещал, что как только придет пароход, он сразу же отправит его на Соловки и отдаст ему книгу. И действительно Поня уехал в тот же день вечером, и он отдал ему книгу. Так мне потом писал Поня.

По приезде в Москву я оказалась уже совсем без денег. Не на что было выехать домой. И вдруг приезжает Карл Мефодьевич (муж племянницы по линии Пантелеймона Константиновича. — Прим. Н. В. Казариновой) и дает мне 100 рублей.

В Москве я сразу стала хлопотать свидания с верховным прокурором Акуловым, а Вышинский тогда был его заместителем. Ходила я целый месяц и, наконец, добилась свидания.

Я все ему сказала, что наказывал Поня, и он попросил принести его дело. И сказал мне, что все, что будет возможно, сделает для меня. Это было 22 ноября, а 1 декабря убили Кирова и всему конец.

Из воспоминаний сына Владимира Пантелеймоновича

Мой отец Пантелеймон Константинович Казаринов родился в 1885 г. в г. Иркутске. Он очень сильно походил на свою мать.

Учился папа в духовной семинарии. Революционное брожение 1904—1905 гг. проникло и в среду семинаристов. Читали запрещенную литературу, и даже некоторые семинаристы решили жить вместе, организовав нечто вроде коммуны. Очевидно, с целью оторваться от «мелкобуржуазной среды». К ним примкнул и папа.

Помню, например, рассказ папы о гастролях в иркутском театре знаменитых в то время драматических артистов братьев Одельгейм. Идет «Вильгельм Телль». Там есть такое место:

**Отец, лишенный зренья,
Ты не увидишь дня освобожденья,
Но ты услышишь,
как с вершин нагорных
Поднимутся сигнальные огни,
Как ниц падет твердыня гордых,
Настанут нам свободы вечной дни!**

Эти стихи сменили крики, несшиеся с галерки: «Долой самодержавие!» Полицейские очистили галерку. Но этим дело не кончилось: отца исключили из семинарии за политическую неблагонадежность. Естественно, что эту участь с папой разделили и многие другие. После исключения из семинарии папа пошел служить в Общество потребителей.

Здесь он познакомился с молодой служащей (Нюта). Знакомство вскоре привело к взаимной симпатии. Нюте приходилось читать «Капитал» Маркса, «Эрфуртскую программу» и прочие мудреные книжки, которыми ее усиленно снабжал новый знакомый. В этих книжках она ничего не понимала. Папина энергия в те времена, очевидно, расходовалась не только на «политзанятия» со своей барышней. Во всяком случае, им начала интересоваться полиция. Папа был вынужден какое-то время находиться на нелегальном положении, и, преследуемый, был вынужден покинуть родной город,

чтобы... поступить в Казанский университет!

Он благополучно окончил первый курс Казанского университета и в июне 1907 г. вручил Его Превосходительству господину ректору императорского С.-Петербургского университета прошение, чтобы его перевели из Казанского в Петербургский университет на 2 курс. И его, противника существующего строя, перевели в главный университет империи!

Вот его фотография. Студенческий мундир со стоячим воротником и блестящими пуговицами, одухотворенное лицо — высокий лоб, усики, очки, пышные, зачесанные назад волосы. Красивым парнем он был.

Окончив университет, папа вернулся в родной Иркутск в качестве новоиспеченного юриста. Он поступил на судебную должность в канцелярию прокурора Немандера, с жалованием 16 рублей в месяц.

Он был уже женат и имел дочь — Варвару. Жалованье не позволяло жить самостоятельно и независимо. И поэтому семья в материальном отношении была сильно зависима от матери Пантелеймона Константиновича, Варвары Федоровны.

В декабре 1911 г. папу уволили с работы за старые революционные грешки. Был донос — обычный способ, которым пользуется враждебная судьба на нашей бескрайней Руси! Мама в ужасе, не сказав дома ни слова, бросилась к сенатору, председателю судебной палаты, и вручила ему «обстоятельно обоснованное» письмо. Основным аргументом этого письма была я, уже существующий, но еще не появившийся на свет. Ответа ждали долго. Только в июне, когда ожидание стало казаться уже безнадежным, вдруг на Трапезниковскую улицу пожаловал сам председатель палаты — прямо как в сказке — добрый волшебник! Он даже изволил принять от растерявшейся бабушки угощение. Папа был назначен мировым судьей в с. Усолье (ныне Усолье-Сибирское). Пяти месяцев от роду, я в лоне семьи предпринял свое первое путешествие! Начался следующий,

почти шестилетний, перегон жизненного пути. Папин мир изменился. Ни о какой запрещенной литературе и речи не могло быть. Идеи о переустройстве общества на основе свержения самодержавия были с вооружения сняты. Теперь он сам стал звеном государственной цепи.

И вот в семье уже трое детей — старшая Варвара, затем Владимир и младший сын — Евгений.

Служба, семья, быт. Но были и элементы запомнившиеся, наложившие отпечаток на всю жизнь подрастающих детей.

Довольно часто в детстве я бывал в церкви. Бабушка, строго выполняя предписания религии, постоянно ходила в церковь, соблюдала посты. Я не помню, чтобы в церковь ходила мама, а папа бывал редко, и, по-моему, особого рвения в этом вопросе не проявлял. Водила нас большей частью бабушка.

Рождество — это совсем особое событие, которое, благодаря стараниям и искусству папы, остается одним из наиболее ярких воспоминаний моего детства. Папа немало вечеров и ночей тратил на подготовку елки. Он хорошо рисовал и сам изготавливал для нас большинство подарков. Они завертывались в хлопушки, порой больших размеров. Или особо разукрашенные пакеты. Хлопушки и пакеты размещались на елке, а один раз, в год особо сильной разрухи, когда елок не было, на ломберном столике. В течение недели, пока продолжалось рождество, мы, ходя вокруг елки, сгорали от любопытства. Как-то мы с Женей получили военное снаряжение средневекового типа — мечи, шлемы, щиты. Но особенно памятным явился подарок игрушечного театра. Он положил начало увлекательной игре. Театр, который сделал папа и который я получил в подарок, представлял собой коробку с открытым верхом. Стенки скреплялись веревочками. Передняя, более высокая стенка была разрисована: вверху треугольник, опирающийся по бокам на колонны. Посередине находился выдвижной занавес. Кроме того, я получил выстриженную панораму — поляки и

Иван Сусанин в лесу (типографского изготовления). Панорама устанавливалась в театре, и затем перед зрителем поднимали занавес. Меня обуревала гордость, когда я перед дворовыми ребятишками поднимал занавес своего театра.

Мы ходили и в настоящий театр. Слушали «Демона». Я был восхищен, потрясен, взволнован. Не понравился лишь оркестр, который мешал слушать, так что некоторые слова до меня не доходили. Ряд арий «Демона» я знал и до того — их любил напевать папа.

Юридическая стезя привела папу в прокурорские апартаменты колчаковского суда. Здесь она оборвалась, оставив горький осадок на всю остальную жизнь. В одном из писем Толе Турунову папа писал: «Уйма лет ушла на юриспруденцию, которая не дала ничего, кроме неприятных воспоминаний и с которой я, кажется, порвал навсегда с пагубным запозданием. Как мне хочется, чтобы мои дети не выбрали этот непроводительный путь шныряния по кривым закоулкам жизни»... И далее: «Я промахнулся весьма во многом».

Должно быть, где-то в 1921—1922 годах папу избирают председателем ВСОРГО. На этом посту на протяжении последующих пяти лет он расходует, надо полагать, без остатка все свои душевные силы. Если вечером папа не уходил во ВСОРГО, то деятели этого общества собирались у нас. Не хуже, чем тогдашних артистов драмы и оперетты, я знал папиных сослуживцев по неоплачиваемому служению науке — А. Н. Топорнин, Л. П. Хороших, В. И. Подгорбунский, М. К. Азадовский, Н. Н. Козьмин, И. Ф. Молодых и многие другие. Я их как живых вижу, закрыв глаза, и сейчас. Они громко спорили, жестикулировали, курили. В нашей семье при папе многие годы жила шутка: если кто-либо уходил вечером, то на вопрос: «Куда идешь?» — с улыбкой отвечал: «По делам географического общества!»

ВСОРГО занимало часть красивого, специально построенного здания в конце Большой улицы, близ набережной р. Ан-

гары. Остальная часть здания принадлежала музею, и между совладельцами шли какие-то распри. Я, например, как и папа, враждебно относился к музейному лидеру — Яшке Ходукину! Я, как и папа, радовался успехам ученого секретаря общества А. Н. Топорнина, когда тот, например, сумел за хорошую плату сдать датчанам под теннисную площадку часть обширного дворика, примыкавшего к зданию. Датская компания строила в то время телеграфную линию через Сибирь и хорошо всем платила. Эта операция дала обществу возможность издать какие-то исследования и провести какие-то поездки. Бюджет ВСОРГО складывался из пожертвований и взносов различных учреждений и еще каких-то мелких сумм. Он был очень невелик. Но все же общество ухитрилось вести экспедиционные исследования. Все держалось на энтузиазме его членов.

29 декабря 1926 г. ВСОРГО праздновало свой 75-летний юбилей. В городском театре состоялось торжественное заседание. Некоторые общественники остались недовольны папиным докладом о деятельности общества из-за того, что он «был мало посилен декларациями», как выразился папа в письме к Толе. Этот юбилейный доклад — «Три четверти века» — вышел отдельной книжкой. Да, там действительно не было не только «деклараций», но и вообще упоминания о Советской власти. Конечно, с таким докладом даже в то, еще относительно благодушное время рассчитывать на успех не приходилось. Это была явная неудача, которая, конечно, не могла принести пользы «обществу». И папа, и окружавшие его люди, которые, несомненно, были осведомлены о содержании доклада, проявили непростительную близорукость.

Мы с Женей в первый раз в жизни сидели в десятом ряду партера, имея законные права на занимаемые кресла. С гордостью мы следили, как папа произносил приветственную речь, открывая заседание, и как потом делал доклад. Мне очень хотелось уведомить соседей, что на

трибуне не кто иной, как мой папа. На нем был фрак. Мы хорошо знали его историю. Этот фрак «нанес зияющую брешь», как сказал бабушке мой родитель, его «бюджету». Мы ходили с юбиляром к портному мерить фрак, присутствовали при выборе подклада в магазине, где приобретались крахмальная манишка и манжеты. Теперь-то ясно, что фрак, кажется, единственный в том зале, был вообще нафталинно неуместен, что он-то и является причиной отсутствия в докладе крайне необходимых для дела политических абзацев.

Папе, очевидно, казалось, что он является восприемником прежних непреклонных деятелей Восточно-Сибирского отдела Географического общества — Потанина, Щапова, Обручева и других знаменитых ученых. Он слышал их шепот, требующих, как он полагал, и наличия фрака, и полной аполитичности.

Не порадовало и общее собрание членов общества. Папин доклад «Работа ВСОРГО за последние 5 лет» упал на каменистую почву. Послушали, помолчали. А ведь за 5 лет, восклицает папа, издано 190 печатных листов! Около 40 листов в год. Ездили по командировкам.

На другой день открылась выставка ВСОРГО. Материалы о деятельности общества демонстрировались на 17 стендах и включали много документов. Например, рукописи Щапова, Потанина, Ядринцева и других. Выставку за неделю посетило 1000 человек. Все свободное время папа проводил здесь, давая объяснения посетителям и любовно трогая экспонаты.

Потом был банкет, на котором присутствовала научная и другая «аристократия» города и гости. В письме к Толе папа писал, что не мог подавить чопорной натянутости и скуки, а вино приводило лишь к вспышкам беззастенчивого подхалимства.

Я не знаю, когда и где появились первые ростки творческого начала. Согласно списку, составленному московским библиографом В. А. Николаевым, П. К. Казаринов начал публиковаться в 1921 г.

Следовательно, на творческий путь он встал много раньше. Во всяком случае, в 1922—1925 гг. его служба юрисконсультом в «Бурсоюзе» обеспечивала лишь минимальную материальную базу для вдохновенного, безвозмездного труда в Восточно-Сибирском отделении Русского географического общества. Работа здесь составила в жизни папы целую эпоху, наверное, самую пламенную. Она продолжалась до 1927 г. По вопросам библиографии опубликовано — 9 статей, краеведения — 9, книговедения и библиотечного дела — 5, этнографии — 2 статьи.

На лето родители выезжали на дачу. На другой стороне Ангары, в сосновом бору на речке Кае располагалась деревушка Медведевка. Здесь мы несколько раз снимали комнату. Жили с мамой. Иногда, в воскресные дни, появлялся папа. В один из его приездов мы посетили профессора М. М. Тетяева, возвращавшегося домой в Ленинград. Папа тогда был председателем ВСОРГО и договаривался с Михаилом Михайловичем то ли о его докладе, то ли о выполнении какой-то работы. Помню, как Тетяев рассказывал о том, что Ангара прежде текла в другую сторону и впадала в Байкал. Это он угадывал по форме островов и галечников, по характеру строения долины. Все это взволновало и поразило мой детский ум. Его мысли не раз волновали меня потом, на протяжении моего долгого геологического пути.

В 1927 г. дела отца в Иркутске сложились так, что он вынужден был принять приглашение на работу в г. Новосибирск — энергично развивающийся центр Сибири. Любимое детище — Восточно-Сибирское отделение РГО, над которым он дрожал день и ночь, пришлось отдать в чужие руки. А в Новосибирске прокладывали неизведанные для Сибири пути — затевали издание «Сибирской Советской Энциклопедии». Решение неизбежно сформировалось, и отец навсегда простился с родным городом. Правда, потом он еще вернется сюда на несколько дней, к постели умирающей матери.

Вскоре папа затребовал семейство в Новосибирск. Папа встретил нас на вокзале. Он показался мне необычайно молодым, красивым и оживленным. Два извозчика отвезли семейство, корзины, узлы на ул. Потанинскую, 43, в небольшой трехкомнатный флигель, арендованный папой за 50 р. в месяц. Он водил нас по комнатам, показывал ванну для стирки белья, кастрюли, чашки и еще что-то, приобретенное им для новой жизни. Ему, должно быть, очень хотелось, чтобы все это нам понравилось.

Дела «Сибирской Энциклопедии» целиком поглотили папу; мама едва справлялась с домашним хозяйством, которое постоянно задыхалось в безденежье. Мы с осени пошли в школу. На новом месте семейное колесо закрутилось с привычным для нас стуком и скрипом.

С внешней стороны жизнь отца текла с поразительным однообразием. Рано утром он уходил на работу. Перед этим происходило торопливое чаепитие, сопровождаемое маминой суетой. Приходя со службы, папа обедал и ложился часа на полтора спать. Часов в семь-восемь он садился к письменному столу. В два часа ночи он шел спать. И так без перемен.

История возникновения «Советской Сибирской Энциклопедии» такова. В 1926 г. заведующий книжным магазином в Томске Михельсон предложил Сибкрайиздату заключить с ним договор на составление однотомного справочника по Сибири. Это предложение чрезвычайно понравилось тогдашнему заведующему Сибирским издательством М. М. Басову, хлопотами которого дело и приобрело постепенно размах Сибирской энциклопедии. В Новосибирске организован аппарат редакции, который возглавил папа, приглашенный на должность ученого секретаря. Издательская группа возникла в Москве, где техническим и выпускающим редактором стал А. Н. Турунов. Начался долгий путь по совершенно неизвестной дороге. Лишь через два с половиной года вышел первый том ССЭ. Пробные экземпляры вышли

14 сентября 1929 года. Книга вызвала много положительных откликов в столичной и провинциальной печати. Папа писал тогда Толе: «До сего дня у нас был один единственный экземпляр тома. Он не лежал ни минуты, ни вечера без движения. Его носил каждый из нас (в очередь!!!) домой, обносили по городу, давали на просмотр, показывали и издали. Им усмиряли врывающихся подписчиков. Плохого и даже сдержанного отзыва я пока не слышал. А. А. Ансон передавал том на вечер тов. Кисис, секретарю крайкома (заместителю Эйхе), он вернул с одобрением без единого замечания. Говорит: “Поподробнее бы. Не так сжато. А какое, черт побери, обилие материала!”»

Домой папа пришел сияющий. Как икону, осторожно и трепетно достал и показал нам увесистый, торжественный том ССЭ. Именно этот сигнальный экземпляр стоит теперь в моем книжном шкафу. Я по праву как старший сын его унаследовал! От папы я унаследовал и чувство удовлетворенности, когда держал в руках книги, написанные мной или с моим участием. Я понимал и тогда, что одно сознание сделанного примиряет его и с прошлым, и с будущим.

Отец, конечно, понимал, что изданием ССЭ в истории сибирской культуры сказано такое слово, которое из песни не выкинешь. Однако это его чувство не было самолюбованием. Окончив парадную часть письма, папа продолжает: «Но ведь никто, в сущности говоря, еще тома не читал. Пока перелистывают. В массу том не вошел, до рецензентских рук не добрался, до копания специалистов не достиг... А промахов много. На Диксоне горы в 64 км... Эта наша ошибка, даже автор не виноват. Тяжелейший случай! И т. д. Я знаю, что Вы там, в Москве тискали, выправляли, полосовали наши, иногда плохо просмотренные тексты. А видел бы ты, с каким ужасным, вонючим, заскорузлым сырьем мы имеем здесь дело. Буквально ни одного текста нельзя давать в его первоизданном виде. И сейчас сидим — и колотим, и мнем

букву “К”, освобождаем предыдущие буквы. Эта кожевенная мастерская стала мне в тягость... Я чужд упадническому настроению, но что же делать — сотрудники наши везут непосильный груз. Когда я побывал в БСЭ — я понял, какую тяжесть мы проворачиваем своими до смешного маленькими силами. И не удивительно, что есть и, страшно сказать, будут ошибки. Редакторы наши или мифические лица, или живут в прекрасном далеко, или же “летучие голландцы”. И все сплошняком не имеют понятия о редакторской работе. Надо бы освежить и увеличить аппарат. Мы надрываемся под непосильной тяжестью. Митропольский собирается сбежать. Шнейдер раскис. Его выселяют с квартиры, и от этого страдает дело. Хорошо еще, что Ансон существенно активизировался. И заработки наши малы. Шнейдер — 150. Митропольский — 100. А тут семья, дороговизна и пр. Каждый нагружается приработками. Вот и я на днях принимаю по совместительству библиотеку общества изучения Сибири. Она перешла на краевой бюджет.

Итак, первый том свален! Как я рад, что ты работаешь в ССЭ. Даже веселее на сердце!».

В организации принимаемой папой библиотеки я активно участвовал. Она размещалась в полуподвальном этаже здания, где теперь находится партийная школа. Я вымерял метром помещение, трудился над чертежами столов для читальной комнаты, полки и прочей библиотечной утвари. Бегал с папиными поручениями. Таскал привозимые книги. Теперь папа через день с раннего утра и до двух часов дня сидел у стола, приютившегося за полками в книгохранилище библиотеки, а потом шел в редакцию ССЭ, помещавшуюся в здании областного музея. Частенько и вечерами он отпраивался в библиотеку. Черт его знает, когда же он находил время для работы в подпольном правительстве?!

О том, что папу вызывали в ОГПУ, мы узнали от мамы много позже. Ему

предлагали, а он отказался вступить в число осведомителей. На это ему сказали, что он еще пожалеет. Не знаю, сожалели папа, оказались ли хоть в этом правы деятели, вершившие людские судьбы?

А воз ССЭ, скрипя, катился себе и катился. Второй том начал печататься в июне 1930 г. В марте 1931 г. он вышел в свет. Первые листы третьего тома были подписаны к печати в марте 1932 г.; 2 апреля 1933 г. он вышел в свет. Посмотреть его папе не удалось.

Издательство захлебнулось на четвертом томе (от О до С). Начались цензурно-политические трудности. Такие статьи, как «Партизанское движение», «Сельское хозяйство», «Сибирская кооперация», «Совхозы», «Сибирская организация ВКП (б)» и др. неоднократно переделывались и все же в том включены не были. Их решили дать в приложении к пятому тому. К маю 1937 г. было отпечатано семнадцать пробных экземпляров четвертого тома, а 17 мая Западно-Сибирский крайком ВКП (б), по докладу редактора А. А. Ансона, принял решение о прекращении издания ССЭ. В Москве 27 июня 1937 г. приступили к разборке всего текста четвертого тома. Типографии за эту работу заплатили 16600 рублей. Общий сводный словарь пятого тома составил А. Н. Турунов лишь в 1945 г. Вдова покойного переслала его мне.

Бедный папа, он пережил еще одну жизненную катастрофу — вслед за ВСОРГО рухнула ССЭ. Печальной оказалась и судьба других создателей этого горемычного издания. В начале марта 1937 г. Михаила Михайловича Басова сняли с работы (в г. Иркутске). А затем арестовали. Чуть позже эта же участь постигла сменившего его на посту начальника Сибкрайиздата старого большевика из латышей Александра Антоновича Ансона. Они оба погибли.

Несколько слов нужно сказать и об обществе изучения Сибири. Без этого предтюремная характеристика папиной жизни будет не полной. ОИС размеща-

лось, так же, как и ССЭ, в здании музея. Как на грех, в составе этого общества большую, если не главную роль играли люди, как тогда говорили, «из бывших»! Г. И. Черемных — с каким-то очень сомнительным украинским наследством, генерал В. Г. Болдырев, эсер, исколесивший при царизме сибирскую каторгу, М. А. Кравков, колчаковский министр финансов Г. А. Краснов, колчаковский прокурор П. К. Казаринов. Рядом с ними пребывали А. Р. Шнейдер, Н. К. Ауэрбах и многие другие из интеллигенции, которые хотя и не имели тяжелого наследства, но, увы, не могли партийными билетами или конъюнктурной деятельностью изменить общий весьма сомнительный колорит всего «заведения»!

Вернувшись из Томска, мы папу дома не застали.

Утром 21 января 1933 года П. К. Казаринов был определен в подвал одного из домов ОГПУ по Коммунистической улице в Новосибирске. Аресту предшествовал обыск. Его с восьми вечера до семи утра проводили четверо оперативных работников ЧК. В середине ночи трое из них сменились. Папин стол, конторка и шкаф, плотно заполненные бумагами и книгами, отняли уйму времени. На прощупывание подушек, матрасов, просмотр кухонной посуды и прочего хозяйственного реквизита из-за его скудности времени потребовалось сравнительно мало. Папа, мама и жившая тогда у нас Фаля всю ночь просидели на черном венском диванчике. В одиннадцатом часу вечера к диванчику приставила стул Варя. У другой стороны кабинета на стульях сидели понятия — Григорий Николаевич Соловьев, инженер, занимавший комнату, сдаваемую родителями с целью пополнения скудной семейной казны, и домохозяева — отец и сын Феокистовы. Они, не привычные к ночным бодрствованиям, напряженно боролись со сном.

Когда первые лучи солнца осветили наш флигелек, понятия и трое охранителей государственной безопасности, переступая через груды сваленных книг и обхо-

дя сдвинутую мебель, покидали наш дом. Лишь один из чекистов, удобно усевшись у входной двери, явно не имел намерения откланиваться. Мама, решившая, очевидно, его задобрить и этим отвести грозу, нависшую над семьей, заявила, что сейчас поставит самовар — его и всех остальных напоит чаем. Однако чаепития не состоялось! Вскоре вернулись гепеушники. Папе показали ордер на арест. Эта бумажка, как и понятия, символизировала мнимую законность всего происходящего, некий фиговый листок, заимствованный из проклятого прошлого.

Папа подошел к столу, расчистил себе место и написал доверенность на полумесячную зарплату. Это все, что мог оставить кормилец, покидая семью. Мама, до сих пор молча стоявшая у двери, ухватившись за «знаменитую» бордовую драпри с желтыми лилиями, вдруг поползла вниз. Драпри лопнула, а на упавшую маму рухнул карниз. Обморок вскоре прошел, и мама поднялась.

Прощаясь, папа просил родных не унижаться, не бегать по разным инстанциям, хлопоча о нем. Однако абстрактность этих советов была, очевидно, ясна и ему. Проводить папу разрешили только до ворот. На углу, на фоне кладбищенского сада, виднелась зловещая машина с решеткой в маленьком окне, называемая в народе «черный ворон». К ней потащили туго связанные пачки с папиными рукописями. Туда, не оглядываясь, пошел и папа с охраной.

В эту ночь арестовали не только отца. Были схвачены В. Г. Болдырев, Г. И. Черемных, Г. А. Краснов и другие представители старой интеллигенции. Они, как «выяснилось», создали подпольное правительство и готовили вооруженный переворот. Год, пока шло «следствие», папа провел в подвале на Коммунистической улице. Затем его отправили в лагерь на Соловецкий остров в Белом море, в бывший монастырь, основанный в 1436 г. Соловки — это страшное слово было пугалом для многих папиных современников из интеллигенции. Уже позже

«слава» этого лагеря была затемнена неимоверным размахом Ухты, Магадана, Норильска и многих других гигантских лагерей смерти. При строительстве Соловецкого монастыря в толстых стенах его Кремля были устроены ниши для хранения пороха и снарядов. В сталинское время их стали использовать как карцеры. Да и счет пошел не на сотню-другую, как до революции, а на многие десятки, а может быть, и сотни тысяч.

В тюремном вагоне папу повезли на Соловки. У нас из его вещей остались лишь сильно поношенные серый костюм и демисезонное пальто, заплатанное и полинявшее от времени белье и выдавшие виды туфли. Из тюрьмы он потом переслал еще карманные часы. Перекочевал к нам из камеры еще и папин портрет. Его на листе красноватой оберточной бумаги карандашом нарисовал художник А. В. Воцакин, видный импрессионист, один из организаторов общества художников «Новая Сибирь». Он оканчивал свой жизненный путь в той же подвальной камере.

Через общий колорит, на осунувшемся лице отца читаются и надежда вернуться, и страх перед будущим, и стыд за насилие, над ним учиненное. Его не раз били. Он прошел пытки бессонницей, и жаждой, и светом и, очевидно, многое другое, о чем рассказывали люди, побывавшие в застенках МВД и затем чудом вернувшиеся. Отец даже матери при свидании о пытках говорил лишь очень глухо. Нам она передавала, что когда их разговор касался этой стороны дела, папа умолкал, ссылаясь на еще не прошедшую остроту слишком тяжелых впечатлений. Да и запрещалось говорить о «внутренних делах» министерства внутренних дел. Возможно, он стыдился перед близкими, особенно перед детьми, за унижения, через которые ему пришлось пройти.

Глядя на папин портрет, я не раз окидывал взглядом его жизненный путь. Он, этот путь, резко делится на две части — судебскую и творческую. Движущей пружиной первой являлся, очевидно,

**Пантелеймон Казаринов
во внутренней тюрьме ОГПУ. 1933 г.
Рисунок А. В. Воцакина**

карьеризм, недуг, свойственный почти всем, но особенно пышно расцветающий там, где нет или слишком мало творческих начал. Настоящие творческие искания не нуждаются ни в чинах, ни в других человеческих выдумках. Эти искания дают людям нечто большее, чем власть или мнимый почет.

Несомненно, что голос прессы зародил у стратегов ОГПУ мысль — «создать контрреволюционный заговор» на базе ОИС. Зверь-то ведь сам шел в западню! Думаю, что, не будь ОИС, многие, и в том числе папа, возможно, дотянули бы до 1937 г. Но, конечно, не дольше.

1937 г. был девятым, но далеко не последним валом сталинской эпохи. Тогда счет шел на миллионы. Одна из предыдущих волн в 1933 г. вместе со многими смыла и папу. Но и эта волна была далеко не первой. Папа не раз рассказывал дома то об одном, то о другом старом знакомом, получившем «срок». Как-то папу разыскал его старый товарищ, сначала по семинарии, а потом по юридическому поприщу. Его звали Фортунатом Михайловичем Суровцевым. Он отбывал в

Новосибирске принудительные работы — таскал камни, копал землю и имел право иногда свободно ходить по городу. Ведь это был еще, как говорится, «сопливый» 1930 или 1931 г. И вот, к нам на Потанинскую явился в арестантской дерюге, в обмотках и каких-то огромных ботинках смуглый человек, широкоскулый и узкоглазый, вроде бурята, скромный и поразительно молчаливый. Он умывался. Потом его кормили обедом. Потом он приходил еще раз и просил разрешения встретиться у нас с женой, которая должна была приехать из Иркутска на свидание с ним. Вечером мама говорила, что Фортунат, за которым, несомненно, следят, навлечет на папу подозрения. Пантелеймон тяжело молчал.

Как-то вскоре, вернувшись домой и сходу влетев в папину комнату, я увидел там Фортуната Михайловича. С ним была женщина. Они сидели друг против друга на стульях, как дети, взявшись за руки, и молчали. Я до сих пор не могу забыть выражения счастья на их светлых лицах.

А круг все сужался, росли подозрительность и страх. Дома порой обсуждались слухи и факты. Вот папа рассказывает, что сегодня партиец Г. В. Круссер позвал его завтракать в столовую, сказав: «Пойдем отведаем конницы Буденного!» А может быть, он умышленно провоцировал папу говорить обо все растущей голодухе, хотел выяснить его антисоветские настроения. Я, конечно, высказываюсь с присущим мне оптимизмом. Откуда мне было знать, что всякий разговор о растущей нехватке хлеба и мяса, мыла и одежды, всякое малейшее недовольство окружающим расценивались как антисоветские настроения и с все возрастающим ожесточением искоренялись. Я был вполне доволен жизнью!

Какие-то пустяковые неполадки в сердечной деятельности у отца начались еще в Иркутске. Они усилились в Новосибирске. Болезнь избавила папу от общих работ в лагере, и он был определен в библиотеку. В его редких письмах, ко-

личество которых строго лимитировалось, порой появляются старые мотивы: «...я в сутолоке и шуме библиотечной работы». Потом начинается труд над эпосом «Калевала». 15 мая 1935 г. он сообщает, что закончил эту работу, и она сдана в Музей.

Затем следует сообщение, что с 1 октября 1936 г. он снят с работы в библиотеке, где пробыл два года и два месяца. Последующая врачебная экспертиза признала его не пригодным к физическому труду, его назначили ночным сторожем. Последнее письмо за № 36 (папа нумеровал письма) датировано 8 ноября 1936 г. Нарастающее ухудшение режима, прежде всего, оборвало переписку. До нас доходили только смутные слухи, что на острове якобы был «бунт» и что папа за участие в нем подвергся репрессиям и получил еще десять лет.

Только в августе 1958 г., после многочисленных маминых прошений и заявлений, мы получили известие об отце. Зам. председателя Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР генерал-майор юстиции А. Лихачев сообщил, что «дело по обвинению Казаринова Пантелеймона Константиновича... пересмотрено Военной коллегией Верховного Суда СССР 29 июля 1958 г. Постановление от 5 августа 1933 г. в отношении Казаринова П. К. отменено и дело за отсутствием состава преступления прекращено. Казаринов П. К. по данному делу реабилитирован». Эта бумага завершила огромную эпоху в нашей жизни. Мы радовались, хотя я никак не мог уразуметь, почему дело папы, сугубо штатского человека, рассматривала Военная коллегия. У мамы даже зародилась надежда, что Поня жив. Однако, в конце ноября того же 1958 г., за две недели до маминной кончины, нам принесли свидетельство о смерти, где сообщается, что гр. Казаринов П. К. умер 27 октября 1939 г. в возрасте 54 лет. Причина и место смерти не указаны. Регистрация смерти произведена в Ленинском отделении ЗАГС г. Ленинграда.

Из воспоминаний дочери Варвары Пантелеймоновны

Отец категорически отказывался от продуктовых посылок, а также от носильных вещей, ссылаясь на то, что у него все есть. Конечно, он понимал, как нам трудно жить материально. Это его мучило. Угнетало и сознание того, что мы, его дети, сорваны с учебы, что у нас нет специальности, что за нами везде следует анкетная

характеристика — дети «врага народа». Отличительной чертой всех писем отца, которыми я располагаю, является стойкий оптимизм. Несмотря на суровые условия жизни, безнадежность и тоску, он всячески успокаивал нас, особенно подробно описывал работу в Соловецкой библиотеке, природу острова.

Из книги Ю. И. Чиркова «А было все так...» (М.: Политиздат, 1991)

...Библиотеки-передвижки, посылаемые в другие лагпункты Соловецкого архипелага, а также в СИЗО № 2 и № 3, комплектовал Пантелеймон Константинович Казаринов — президент Сибирского отделения Географического общества, профессор Иркутского университета. У него также было десять лет за подготовку к вооруженному восстанию, вредительство и т. п. Это очень деликатный, кроткий человек лет пятидесяти, с хорошей улыбкой на тонком румянном лице, что при густой седоватой шевелюре выглядело весьма оптимистично.

...Пантелеймон Константинович Казаринов вписывал в инвентарный журнал данные о каждой книге и наносил на нее шифр и номер.

Работали не спеша. Пантелеймон Константинович обсуждал почти каждую книгу. Особенно его обрадовала монография Лиддел Гарта о мировой войне, на которую, конечно, будет большая очередь. Я попросил меня тоже записать в эту очередь. Пантелеймон Константинович рассмеялся и протянул мне нарядно изданный «Остров сокровищ» Стивенсона:

— Это вам будет интереснее.

Я обиделся и сказал, что прочитаю и ту и другую.

Пантелеймон Константинович отодвинул книги и стал меня экзаменовать по истории мировой войны.

...Кстати сказать, общего стола они (библиотекари) не образуют. Каждый ест свое. Иногда Казаринов печет на керосинке оладьи и угощает всех. Каждому по оладушке.

...Как-то Казаринов и я подбирали передвижку для СИЗО № 2, когда ввалился огромный костлявый мужик в полувоенной одежде с большим тяжелым мешком за спиной. Не здороваясь, он буркнул: «Принимайте» — и стал вынимать из мешка стопки книг. Я догадался — это палач Клишкин.

После ухода палача Пантелеймон Константинович стал вычеркивать из журнала принесенные книги, а я их расставлял и одновременно допытывался о числе читателей в СИЗО № 2 и кто это может быть. Пантелеймон Константинович односложно отвечал нараспев: «Любопытной Варваре нос оторвали».

При подготовке материала использованы фонды областного архива и документы из семейного архива Виктора Владимировича и Натальи Владимировны Казариновых. Авторские орфография и пунктуация сохранены.

Ирина КОСЕНКОВА

**ПАВЕЛ ЛЕОНТЬЕВИЧ ПОРОТНИКОВ.
СВЕТ И ТЕПЛО
СИБИРСКОГО ПЕЙЗАЖА**

Павел Леонтьевич Поротников, известный сибирский художник, член Союза художников СССР, родился 2 августа 1922 года в селе Малая Черемшанка Колыванского района Новосибирской области. До 1935 года жил в селе Кандыково и учился у замечательного педагога Проккопия Никитича Никифорова, пробудившего у мальчика любовь к родной природе и заметившего в нем способности к рисованию. Затем Павел Леонтьевич учился в школе крестьянской молодежи во Вьюнах, тех самых Вьюнах, о которых писал А. П. Чехов. Позднее семья переехала на жительство в Новосибирск, и Поротников работал в 1938—1939 годах в товариществе «Художник».

С 1938 по 1941 г. П. Л. Поротников учился в Омском художественном училище имени М. А. Врубеля. А дальше — война. В девятнадцать лет он был направлен сначала в летное военное училище, а затем в минометное, в город Барнаул. Боевое крещение получил в звании лейтенанта на Курской дуге. Дошел до Берлина. За форсирование Днепра был награжден орденом Красной Звезды, за бои на Одере и взятие Берлина — орденом Боевого Красного Знамени. Его ратный труд отмечен еще несколькими медалями. Войну художник закончил в звании капитана, демобилизовавшись в 1946 году.

Образование продолжил в Костромском художественном училище с 1948 по 1951 г., где в то время преподавал живописец и пейзажист Николай Павлович Шлеин, современник В. А. Серова и И. Е. Репина. За историческую композицию «Минин и Пожарский» П. Л. Поротников получил диплом с отличием.

В конце 1950-х годов несколько художников — П. П. Давыдов, С. И. Кобелев, А. А. Пятков, В. П. Хлынов — переехали из города Новосибирска в область. Среди них и П. Л. Поротников. Тогда это было принято называть творческой командировкой. «Командировка» Поротникова растянулась на десятилетие, с 1956 по 1966 год. Вместе с семьей он поселился в колыванском селе Вьюны. И в эти десять лет своей жизни во Вьюнах Поротников стал художником. Художником-пейзажистом. Там же определилась и главная тема его живописи — пейзажи родного села и виды его окрестностей. Зимние картины с деловитыми дымками, энергично вздымающимися к небу от заснеженных деревенских крыш. Или отражающиеся в темной талой воде деревенские избы и черная мокрая весенняя земля, подчеркивающая дивную белизну задержавшегося последнего снега. Кудрявые березы, то развесившие лилово-серые кружева голых ветвей, то сверкающие нежной зеленью вдоль за-

боров или проселков. Часто в картинах Поротникова пейзаж представляет собой панораму одного и того же, повторяющегося в разных холстах, вида села или его окрестностей, изображенного в разное время года или в разное время суток.

Лирические пейзажи Поротникова имеют две отличительные особенности, которые и выделили этого скромного художника из общего ряда живописцев. Его лучшие пейзажи романтичны и трогательно эмоциональны. Эти черты им придает освещение. Иногда в виде сияющего света вечернего солнца. Теплый, ликующий солнечный свет заливает все полотно и вносит в картину современного села сказочную и праздничную радость. Иногда у Поротникова пейзажи зимних, летних или холодных весенних дней лишь чуть согреты лежащими на холодных снегах и сумеречных просторах скупыми полосами розового или розовато-сиреневого, удивительно живого света. Этот живой свет воспринимается как образ того чувства, которое испытывает сам художник к предмету изображения.

Пейзажный мотив в картинах Павла Поротникова, как правило, представлен в виде панорамы. Широкая панорама зачастую представляет пространство земли убегающим в глубину, композиция пейзажей словно раскатана снизу вверх — от нижнего края холста к верхнему. Так художник открывает своему зрителю необъятные просторы сибирской земли. Наверное, чаще, чем другие современные пейзажисты, Поротников выбирает формат холста, предельно вытянутый по горизонтали. Это не только позволяет охватить взглядом раскинувшееся по хол-

мам родное село, прочувствовать размах и ширь сибирского пейзажа, но и придать картине определенную динамику. За редким исключением, эти широкие панорамные композиции чрезвычайно оживлены. Их оживляют не только энергичные линии разворачивающихся массивов пашни, разбегающихся дорожек, перекинутого через реку мостка, выходящих дымов, но и населяющие полотна персонажи. Порой они собраны в отдельные группы, представляющие собой занимательные сельские жанровые сценки. Крошечные фигуры в его картинах отнюдь не являются элементами стаффажа. Они, вписываясь в общий ритм картины, бодро шагают по утренним делам, проезжают на лошадях, собираются у автобуса, удят рыбу, готовят обед у костра в поле...

Этот поротниковский мир населяют не только люди. Это могут быть птицы. Стая или только одна птица, притаившаяся в ветвях или низко пролетающая над лугом. Это и цепочка крошечных теплых огоньков, сверкнувших вдали за монументальными стогами в поздний летний туманный вечер. Очень часто в роли живого и веселого члена сельского сообщества выступает трактор.

Бодрый и жизнеутверждающий нерв, определяющий содержание сельских пейзажей П. Л. Поротникова, рождается в этих ритмах.

Пейзажные полотна П. Л. Поротникова создавались в ту пору, когда происходило становление плеяды русских писателей-«деревенщиков». Описания природы, ее голоса в русской советской прозе созвучны и его деревенскому творчеству.

АВТОРЫ НОМЕРА

Бойко Любовь Адамовна — ведущий методист научно-методического отдела Новосибирской государственной областной научной библиотеки. Автор проекта «Сохранить для будущих поколений», в рамках которого курирует работу Музея истории библиотек и библиотечного дела Новосибирской области. Живет в Новосибирске.

Денисенко Александр Иванович родился в 1947 году в селе Мотково Мошковского района Новосибирской области. Учился в Новосибирском педагогическом институте. Работал редактором на телевидении, журналистом в новосибирских газетах и пр. Публиковался в журналах «Сибирские огни», «Сибирская горница», «Литературная учеба» и др. Автор книг «Аминь» (1990), «Пепел» (2000), изданных в Новосибирске. Член Союза писателей России. Живет в Новосибирске.

Канцев Игорь Сергеевич родился в 1965 году в Новосибирске. Окончил Новосибирское высшее военное командное училище МВД СССР. Полковник полиции в отставке. Принимал участие в боевых действиях на Северном Кавказе. Награжден двумя орденами Мужества и медалью «За заслуги перед Отечеством». Автор книги «Кровь Иуды».

Косенкова Ирина Леонидовна — старший научный сотрудник Новосибирского государственного художественного музея. Живет в Новосибирске.

Макаров Алексей Филиппович родился в 1941 году в деревне Ургуль Новосибирской области. По специальности — инженер-строитель. Работал на Дальнем Востоке, много путешествовал. Живет в Новосибирске.

Некрасова Марина Сергеевна родилась в Чите в 1971 году. Окончила

областное музыкальное училище, факультет журналистики Забайкальского государственного университета. Работала журналистом. Преподавала русский язык в университете города Сямынь (КНР). Рассказы печатались в литературных журналах Забайкальского края. Живет в Чите.

Петров Сергей Владимирович родился в 1960 году в Ереване. Занимался юридической практикой. Член СП России. Публиковался в журналах «Юность», «День и ночь», «Север». Живет в Москве.

Скарынкина Татьяна родилась в 1969 году. Работала журналистом, литературным сотрудником. Стихи публиковались в журналах «Воздух», «Крещатик». Живет в Фару (Португалия).

Соловьёв Игорь Геннадьевич родился в 1964 году в городе Кизеле Пермской области. Окончил Московский энергетический институт по специальности «промышленная теплоэнергетика». Журналист, писатель, публицист. Автор двух книг прозы и публикаций в периодических изданиях. Живет в Казани.

Соос Урмас родился в 1965 году в Ленинграде. Окончил Ленинградский политехнический институт по специальности «физика космоса». Работал в Физико-техническом институте им. А. Ф. Иоффе, в Национальном институте ядерной физики в Милане (Италия). С 2000 года работает в университете г. Оулу (Финляндия) начальником станции измерения космических лучей. Автор научных и научно-популярных публикаций.

Черняева Татьяна Георгиевна — кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного университета. Специалист по творчеству Георгия Гребенщикова. Живет в Барнауле.

Частные лица и организации в Российской Федерации и в странах СНГ могут подписаться на журнал **«СИБИРСКИЕ ОГНИ»** в любом отделении связи — красный Объединенный каталог, подписной индекс — 46587.

Верстка: *О. Н. Вялкова*

Корректурa: *М. Н. Долгов*

**630048, г. Новосибирск, ул. Вертковская, 10, оф. 315,
тел.: (383) 354-07-66, факс (383) 344-92-94
E-mail: sibogni@sibogni.ru Сайт: сибирскиеогни.рф**

Сдано в набор 10.12.2014 г. Подписано в печать 15.01.2015 г.
Формат 70x108/16. Печать офсетная. Усл. п. л. 8,7.
Тираж 1500 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Торговый Дом Азия-принт»
Адрес: 650004, г. Кемерово, ул. Сибирская, 35а
Телефон: (3842) 35-21-19